

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит один раз в квартал
№ 1 (1)

Учредитель

**Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН**

Редколлегия:

*Алексеев Н.А. (гл. редактор), Андреева Т.Е., Антонов Е.П.,
Боякова С.И. (зам. гл. редактора), Бурцева Ж.В., Варламов А.Н.,
Винокурова Д.М., Данилова Н.И., Ефремов Н.Н., Жукова Л.Н., Игнатьева В.Б.,
Никифоров В.М., Попова Н.И. (зам. гл. редактора), Романова Е.Н.,
Романова Л.Н. (отв. секретарь), Слепцов П.А.*

Редактор *Е.Ф.Молотков*
Английский текст *Н.И.Винокурова*
Верстка *О.Д.Галушкина*
Обложка *А.И.Харитонов*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексеев Н.А.</i> ИГИиПМНС: этапы истории и перспективы развития	5
История	
<i>Винокурова Л.И.</i> Гендер в Якутии: опыт и перспективы исследований	10
<i>Тобуков П.З.</i> Некоторые проблемы гендерных отношений: аспект становления и деградации человечества	16
<i>Боякова С.И., Винокурова Л.И., Игнатьева В.Б., Филиппова В.В.</i> Якутия в условиях глобальных климатических изменений: уязвимость, риски, социальная адаптация ...	22
<i>Попова А.Г.</i> Молодежь народов Севера: этническая идентичность и особенности социальной адаптации	26
<i>Боякова С.И.</i> Плавание в восточном секторе Арктики в 1920-х — начале 1930-х годов	32
<i>Дашиева Н.Б.</i> Культ Матери-прародительницы и генезис календарных праздников бурят	38
Филология	
<i>Ефремов Н.Н.</i> Исследования по грамматике якутского языка: итоги, перспективы, проблемы	44
<i>Роббек В.А.</i> О новом подходе к исследованию грамматики тунгусоманьчжурских языков	48
<i>Иванова Н.И.</i> Второй этап социолингвистических исследований: тенденции, проблемы, перспективы	56
<i>Готовцева Л.М.</i> Якутская фразеология: современное состояние и перспективы изучения	61
<i>Прокопьева С.М., Монастырев В.Д.</i> Кодификация многозначного глагола «көр» в Большом толковом словаре якутского языка	67
<i>Варламов А.Н.</i> Родоплеменная идентификация в запевах героев эвенкийского эпоса	73
<i>Жукова Л.Н.</i> Каннибализм и мечта о счастливой жизни в сказочном фольклоре одулов (лесных юкагиров верхней Колымы)	77
<i>Ларионова А.С.</i> Коммуникативные архетипы эпического пения якутов	83
<i>Хазанкович Ю.Г.</i> Проблемы изучения литератур малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока	86
<i>Романова Л.Н.</i> Основные направления современного литературоведения Якутии	93
<i>Киндикова Н.М.</i> Литературы тюркских народов Сибири в научном осмыслении	99
Путевые заметки исследователя	
<i>Саввинов А.И.</i> Тожу кижилер, кто они? (Экспедиция в центр Азии)	103
Наш юбиляр	
Николай Николаевич Ефремов (К 60-летию со дня рождения) (<i>Н.И.Данилова</i>)	113

Научная жизнь

<i>Матчитов И.Г.</i> О международном сотрудничестве ИГИиПМНС	116
<i>Романова Е.Н.</i> Всероссийская научно-практическая конференция «Календарная культура народов Сибири: стратегии этнического развития» (17—20 июня 2009 г., г. Якутск)	118
<i>Шелехова Р.В., Оконешников Е.Е.</i> Выставка «Культурное наследие народов Якутии: феномен календаря (академические исследования)»	121
<i>Яковлева В.Д.</i> Круглый стол «Литературная критика: современное состояние и перспективы развития»	123
Сведения об авторах	126

CONTENTS

<i>Alexeyev N.A.</i> Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North: stages of history and perspectives for development	5
History	
<i>Vinokurova L.I.</i> Gender in Yakutia: practice and perspectives of research	10
<i>Tobukov P.Z.</i> Some problems of gender relations: an aspect of formation and degradation of humanity	16
<i>Boyakova S.I., Vinokurova L.I., Ignatjeva V.B., Filippova V.V.</i> Yakutia under the conditions of global climate changes: vulnerability, risks, social adaptation	22
<i>Popova A.G.</i> The youth of the North: ethnic identity and the specifics of social adaptation.	26
<i>Boyakova S.I.</i> Sailings in the eastern section of the Arctic in the 1920s and in the beginning of the 1930s.	32
<i>Dashieva N.B.</i> The cult of the Mother Progenitor and the genesis of Buryat calendar festivals	38
Philology	
<i>Yefremov N.N.</i> Investigations in Sakha grammar: Results, perspectives, problems	44
<i>Robbek V.A.</i> On a new approach to investigating the grammar of Tungus-Manchu languages.	48
<i>Ivanova N.I.</i> Second stage of socio-linguistic investigations: Tendencies, problems, perspectives	56
<i>Gotovtseva L.M.</i> Sakha phraseology: Modern state and research perspectives	61
<i>Prokopieva S.M., Monastyrev V.D.</i> The codification of the poly-semantic verb “көр” in the Great Defining Dictionary of the Sakha Language	67
<i>Varlamov A.N.</i> Tribal identification in the opening songs of the heroes of the Evenki epos.	73
<i>Zhukova L.N.</i> Cannibalism and a dream of happy life in the fairytale folklore of Oduls (Forest Yukaghirs of the Upper Kolyma River)	77
<i>Larionova A.S.</i> Communicative archetypes of the epic singing of the Yakuts	83
<i>Khazankovich Yu.G.</i> Problems in the study of the literatures of the indigenous peoples of Siberia and the Far East	86
<i>Romanova L.N.</i> Main directions of modern literary studies in Yakutia	93
<i>Kindikova N.M.</i> Literatures of the Turkic peoples of Siberia in the scientific understanding.	99
Researcher's itinerary	
<i>Savvinov A.I.</i> Tozhu kizhiler, who are they? Expedition to the center of Asia	103
Our jubilee celebrator	
Nikolai Nikolaevich Yefremov. To his 60 th anniversary (<i>N.I.Danilova</i>)	113
Scientific life	
<i>Matchitov I.G.</i> On the international collaboration of IGIiPMNS	116
<i>Romanova E.N.</i> Exposition “Calendar culture of the peoples of Siberia: strategies of ethnic development (June 17–20, 2009, Yakutsk)”	118
<i>Shelekhova R.V., Okoneshnikov E.E.</i> The all-Russian scientific conference «Cultural heritage of the peoples of Yakutia: the phenomenon of the calendar (academic investigations)»	121
<i>Yakovleva V.D.</i> The roundtable “Literary criticism: current state and perspectives for development”	123
Information about authors	126

Н.А.Алексеев

ИГИиПМНС: этапы истории и перспективы развития

Первое научно-исследовательское учреждение в Якутии — Институт языка и культуры при СНК ЯАССР создано в 1935 г.

С самого начала деятельность института была нацелена на организацию фундаментальных исследований в республике. Понимание огромного культурного и социального значения прикладных вопросов заставило руководство, прежде всего, обратить особое внимание на разработку алфавита, орфографии и терминологии. В кратчайшие сроки институт осуществил перевод якутской письменности на новый алфавит на основе кириллицы и разработал основные принципы и правила якутской орфографии.

Широким фронтом началась работа по изучению истории Якутии. При содействии ленинградского ИИМК была создана Ленская историко-археологическая экспедиция под руководством А.П.Окладникова. Заметными достижениями довоенного периода, который можно назвать этапом становления, следует считать издание книг «Очерк истории якутского народа» С.А.Токарева, первого тома «Ураанхай сахалар» Г.В.Ксеснофтонова, «Очерки истории якутской литературы» Н.М.Заболоцкого и т.д.

В начале 1944 г. институт был переименован в Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории ЯАССР. В этот период ощутимую помощь в организации науки оказывали институту научные силы из центральных городов страны, прежде всего Москвы и Ленинграда. В качестве внештатных сотрудников, редакторов, участников совместных экспедиций были привлечены известные сибиреведы: М.К.Азодовский, А.И.Андреев, С.В.Бахрушин, А.Н.Бернштам, Г.М.Василевич, Н.К.Дмитриев, М.Г.Левин, А.П.Окладников, А.А.Попов, С.А.Токарев

и др. Был установлен тесный контакт с научно-исследовательскими учреждениями АН СССР — институтами истории, этнографии, языка и мышления, русского языка.

В 1947 г. создана Якутская база АН СССР. В ее состав был передан НИИ ЯЛИ ЯАССР. В 1949 г. база реорганизована в Филиал АН СССР, а позже, с организацией Сибирского отделения АН СССР, — в Якутский филиал СО АН СССР. Вхождение института в систему АН СССР способствовало организационному укреплению и развитию его научно-исследовательской деятельности уже на уровне академической науки. Исследования разворачиваются, охватывая широкий спектр важнейших проблем истории, языка, литературы, фольклора, искусства народов Якутии.

Прежде всего, это касается разработки проблем истории Якутии: общественного строя якутов XVII—XVIII вв., их положения в условиях колонизации Якутии Русским государством (монографические исследования С.А.Токарева и О.В.Ионовой); аграрных отношений в Якутии с древних времен до середины XIX в (монография Г.П.Башарина «История аграрных отношений в Якутии (XVIII — середина XIX вв.» (1956)), создания на основе новых археологических источников истории древней Якутии (первый том «Истории Якутской АССР» А.П.Окладникова, 1955); систематического освещения исторического пути развития всех народов Якутии, охватившего почти трехсотлетний период истории края с 1630 до середины XX в. (второй и третий тома «Истории Якутской АССР», 1957, 1963).

В дальнейшем в рамках общей проблемы велись монографические исследования важных вопросов социально-экономической, политической и культурной жизни народов северо-востока страны. Их можно представить несколькими блоками:

— вопросы расселения якутов в XVII — начале XX в., их хозяйственного уклада и духовной жизни в первой половине XVIII в. (А.С.Парникова, П.С.Софронеев); история русского населения на северо-востоке страны, освоение русскими территории края, его политическая история за два с половиной века, деятельность русского торгово-промышленного населения Северо-Востока Азии и др (Ф.Г.Сафонов)

— историография и источниковедение истории Якутии XVII — нач. XX в., истории и этнографии народов Северо-Востока Азии (В.Ф.Иванов, В.Н.Иванов)

— изучение деятельности Российской Императорской Академии наук и Якутского отделения Русского географического общества в области истории и этнографии народов Северо-Востока России (Д.А.Ширина, Т.Н.Оглезнева)

— вопросы этнографии: верования, ранние формы религии, особенности хозяйственной деятельности, быта, культуры и искусства народов Якутии (Н.А.Алексеев, С.И.Николаев, Ф.М.Зыков, М.Я.Жорницкая)

— партийная тематика: история якутской организации РКП(б), борьба за власть Советов, жизнь и деятельность участников Гражданской войны, история рабочего класса и крестьянства (В.Н.Чемезов, Р.В.Шелехова, М.М.Хатылаев, С.И.Ковлеков)

— история политической ссылки в Якутии и определение ее места в карательной политике царизма в XIX — нач. XX в. (П.Л.Казарян)

— неотъемлемую часть исторической науки составляли археологические исследования Ю.А.Мочанова, С.А.Федосеевой, И.В.Константинова, В.А.Кашина и др.

— историко-социологические исследования, ориентированные на изучение особенностей социального развития якутского народа и выявление особенностей формирования социалистического образа жизни коренных народов Якутии, философско-социальные аспекты семейно-брачных отношений (И.А.Аргунов, Б.Н.Попов и др.)

В области языкознания институт традиционно развивал три направления: грамматику, диалектологию, лексикологию и лексикографию

Методологическую основу грамматических исследований по якутскому языку составили научные положения русской лингвистической школы и тюркологии, предполагающие изучение каждой отдельной части речи через ее грамматические категории. Наиболее успешными стали исследования по глагольным категориям (труды

Л.Н.Харитоновой, Е.И.Коркиной), служебным именам и послелогам, по модальности (Н.Е.Петров).

Крупным достижением языковедов явилась академическая «Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология» (1982) и «Синтаксис» (1995)

Якутская диалектология как самостоятельное научное направление нашла отражение в монографических исследованиях зональных групп говоров якутского языка (П.С.Афанасьев, М.С.Воронкин, П.П.Барашков, С.А.Иванов, Е.И.Коркина), диалектная лексикография — в диалектологических словарях (П.С.Афанасьев, М.С.Воронкин, М.П.Алексеев) и лингвистическая география — в составлении атласов отдельных диалектных зон (С.А.Иванов)

Начиная с 60-х гг. XX в. центральное положение в кругу лингвистических дисциплин заняла лексикология, в рамках которой были проведены следующие исследования: особенностей лексико-семантического и фонетико-морфологического освоения русских и интернациональных слов (П.А. Слепцов), вопросов этимологии якутских слов в сравнительно-историческом аспекте (Г.В. Попов), своеобразия семантики фразеологических единиц якутского языка (А.Г. Нелунов).

Важными достижениями якутско-русской лексикографии являются публикации нескольких типов словарей: («Русско-якутский словарь», «Якутско-русский словарь», «Фразеологический словарь якутского языка»). В это время по инициативе и под руководством П.А.Слепцова была начата работа над монументальным «Большим толковым словарем якутского языка» в 15 томах.

С 1958 г. в институте началось научное изучение языков народов Севера Якутии. Прежде всего, были начаты работы по сбору и диалектологическому описанию фольклорно-лингвистического материала восточных эвенков, был собран значительный материал по языку, фольклору и этнографии эвенков (А.В.Романова и А.Н.Мыреева). С созданием в 1970 г. самостоятельного сектора северной филологии ИЯЛИ началось планомерное изучение грамматики, диалектов и фольклора эвенского, эвенкийского и юкагирского языков. В этот период появились первые крупные труды по языкам и фольклору народов Севера (В.Д.Лебедева «Язык эвенов Якутии» (Л., 1978) и «Охотский диалект эвенского языка» (Л., 1982), Ж.К.Лебедевой «Архаический эпос эвенов» (Новосибирск, 1981), В.А.Роббека «Виды глагола в эвенском языке» ((Л., 1982) и др).

В 70–80-х гг. XX в. в секторе северной филологии впервые в истории североведения было начато экспериментально-фонетическое изучение эвенкийского языка (Т.Е.Андреева «Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка (экспериментально-фонетическое исследование)» (1988), специальное исследование проведено по фразеологизмам эвенкийского языка (Г.И.Варламова), внимание было уделено и прикладным вопросам развития языков народов Севера, были изданы «Словарь эвено-русский и русско-эвенский» Х.И.Дуткина, «Словарь эвено-русский и русско-эвенский: Пособие для учащихся начальной школы» Роббека В.А., Дуткина Х.И., Бурыкина А.А.

Одно из ведущих направлений научных исследований института — фундаментальное изучение проблем якутской литературы. В 1953 г. были изданы «Очерки истории якутской советской литературы» на русском языке, а через год — на якутском, которые в 1970 г. переизданы в переработанном виде. С середины 60-х гг. создана солидная научная база в виде монографических исследований творчества отдельных писателей: Н.Д.Неустроева, П.А.Ойунского, Н.Е.Мординова—Амма Аччыгыйа, С.С.Яковлева—Эрилик Эристина, Д.К.Сивцева—Суорун Омоллона (Г.К.Боескоров); Н.Е.Мординова—Амма Аччыгыйа, В.М.Новикова—Кюннюк Урастырова (Н.П.Канаев), Эрилик Эристина (Н.Н.Тобуроков), по изучению истоков зарождения национальной словесности, внутренних закономерностей развития литературы. Положено начало стиховедческим исследованиям (Г.М.Васильев); изучению межлитературных связей (Н.П.Канаев). Начали разрабатываться общетеоретические положения по вопросам творческого метода и литературной критики, стали развиваться историко-генетические исследования якутской литературы на уровне выявления ее фольклорных истоков и специфики влияния русской и мировой литератур. (Г.С.Сыромятников, Н.П.Канаев), был создан уникальный «Русско-якутский поэтический словарь», на основе которого в дальнейшем разрабатывались теоретические положения изучения якутской поэзии (Г.М.Васильев), начато научное исследование жизни и художественного творчества П.А.Ойунского (В.А.Семенов).

В 80-е гг. XX столетия работу литературоведов института можно характеризовать как обращение к сравнительно-типологическим аспектам литературного творчества (В.Т.Петров; Н.Н.Тобуроков).

Прерогативой фольклористики вплоть до настоящего времени в соответствии с традицией, заложенной Г.У.Эргисом, остается в институте работа по собиранию и изучению памятников устного народного творчества. Основными научными проблемами, стоявшими в центре внимания исследователей, были поэтика эпического творчества, его традиции, типология, роль фольклора в зарождении якутской литературы, сюжеты различных олонхо, песенный жанр, сказки, пословицы, поговорки, загадки и т.д. (В.Т.Петров, Н.В.Емельянов, П.Е.Ефремов, С.П.Ойунская, Ю.Н.Дьяконова, В.В.Илларионов, Л.Д.Нестерова). Не прекращались экспедиционные работы по сбору и сохранению ценнейших фольклорных материалов, легших в основу якутских томов академического издательского проекта «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». В настоящее время издано пять из шести томов якутского блока этой серии.

В начале 90-х гг. XX в. произошли два серьезных события в истории ИЯЛИ СО РАН. В 1992 г. на базе сектора северной филологии этого института и отдела социально-экономических проблем малочисленных народов Севера Института экономики комплексного освоения природных ресурсов Севера СО РАН был создан Институт проблем малочисленных народов Севера (ИПМНС СО РАН). Этот институт работал до 2008 г. и внес большой вклад в исследование языков, фольклора, этнографии и истории эвенов, эвенков и юкагиров.

В 1993 г., когда была учреждена Академия наук Республики Саха (Якутия), Институт языка, литературы и истории СО РАН перешел в состав АН РС(Я). В 1995 г. этот институт был переименован в Институт гуманитарных исследований АН РС(Я).

В 2007 г. Правительство Республики Саха (Якутия) передало Институт гуманитарных исследований Академии наук РС(Я) в Российскую академию наук, которая объединила его с Институтотом проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Он был зарегистрирован 6 июня 2008 г. Этот институт — ИГИИПМНС в настоящее время организует свою научную деятельность в соответствии с основными научными направлениями фундаментальных и прикладных исследований, утвержденными РАН до 2015 года, в том числе:

— цивилизационные перемены в современной России: духовные процессы, ценности и идеалы;

— комплексные исследования этногенеза, этнокультурного облика народов, современных этнических процессов; историко-культурного взаимодействия в Евразии;

— исследование государственного развития России и ее места в мировом историческом и культурном процессе;

— сохранение и изучение культурного, археологического и научного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация;

— проблемы теории исторического процесса, обобщение опыта социальных трансформаций и общественный потенциал истории;

— проблемы теории, структуры и исторического развития языков мира; изучение эволюции, грамматического и лексического строя русского языка;

— изучение духовных и эстетических ценностей отечественной и мировой литературы и фольклора.

Важнейшей целью проводимых в институте исследований является сохранение и развитие национальной (этнической) самобытности и культурного наследия коренных народов Якутии, выявление региональных особенностей локальных и мировых трансформаций.

Для достижения этой главной цели институт в ближайшей перспективе ставит перед собой решение следующих крупных научных задач:

1. Изучение Северо-Востока Сибири в контексте социально-институциональных трансформаций в XVII–XXI вв. (выявление ранних письменных источников по истории народов Якутии; разработка арктического вектора научных исследований как компоненты российской стратегии освоения природных ресурсов Севера; изучение взаимоотношения власти и общества в условиях гражданского противостояния; исследование проблем человека в истории и проблем истории повседневности; раскрытие музейными средствами истории и современного состояния академической науки на северо-востоке страны: выявление, учет, систематизация, научное описание, реставрация и консервация объектов научного наследия, подлежащих музеефикации).

2. Комплексные исследования этнических и этносоциальных факторов в глобальных и локальных процессах с древнейших времен до современности на Северо-Востоке Сибири (изучение проблем развития этнических структур в традиционных и современных обществах, обществен-

ных трансформаций; вопросов этно- и культурогенеза, этнокультурного и этносоциального развития, традиционных и современных систем жизнеобеспечения и опыта управления этнокультурными процессами, мониторинг этнокультурных трансформаций в условиях промышленного освоения и мирового изменения климата).

3. Исследование функциональной системы и структурных единиц современного якутского языка и языков малочисленных народов Севера (описание отдельных функционально-семантических категорий с применением методов полевого структурирования и структурно-семантического моделирования; исследование структурно-семантических особенностей фразеологических единиц, синтетических и аналитических морфологических конструкций и текстовых категорий; экспериментально-фонетические исследования звуковых систем языков коренных малочисленных народов Севера).

4. Ареально-исторические исследования (выявление диалектных особенностей фонологической и грамматической системы якутского языка и языков коренных малочисленных народов Севера, установление их роли в формировании лингвистического ландшафта Сибири с применением новых методик компьютерной обработки данных).

5. Составление томов (VII–XII) «Большого толкового словаря якутского языка» и словарей тезаурусного типа по исчезающим языкам коренных малочисленных народов Севера.

6. Сравнительно-исторические исследования лексики якутского языка (создание историко-этимологического словаря якутского языка (корневые основы), атласа распространения исторических контактов этноса (по материалам топонимики)).

7. Изучение функционирования языков народов Якутии, их взаимодействия и взаимовлияния в современном многоязычном обществе на междисциплинарном уровне (изучение тенденций и развития языковой ситуации, говорящей личности, упорядочение, нормализация, стандартизация онимов; проблемы терминологии якутского литературного языка; теория и практика составления словарей специальной лексики, создание отраслевых терминов; изучение языкового сдвига, ассимиляции и аккультурации коренных народов).

8. Исследование региональных и стадийных особенностей литературы Якутии XX – начала XXI в. в полиэтническом пространстве Си-

бири: историко-генетический, сравнительно-типологический, аксиологический аспекты (изучение специфики взаимодействия фольклора и литературы на жанрово-стилевом и стиховом уровнях; выявление особенностей адаптации и трансформации жанров в современной литературе; определение форм и видов межлитературного взаимодействия как условия формирования и развития национальной литературы).

9. Изучение фольклора народов Якутии. Проблемы текстологии (сбор фольклорного материала народов Якутии, архивация фольклорных материалов; систематика жанров и произведений фольклора).

10. Издание томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (тома «Якутские народные песни», «Эвенские сказки», «Эвенкийские сказки», систематика, нотировка народных песен, полевые исследования, подбор

фактического материала, перевод и научные комментарии).

11. Продолжение издания томов серии «Саха боотурдара» («Якутские богатыри»).

12. Составление словаря имен собственных персонажей эвенкийского фольклора.

13. Подготовка и издание томов серии «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока».

25 сентября 2010 г. старейшему гуманитарному институту Республики Саха (Якутия) исполнится 75 лет.

Одним из главных юбилейных мероприятий станет конференция, на которой мы подведем итоги работы института за прошедшие 75 лет. Возможно, с учетом рекомендаций конференции будут внесены коррективы в перспективный план работы коллектива на ближайшие 15 лет.

Л.И.Винокурова

Гендер в Якутии: опыт и перспективы исследований

В статье представлено видение современного состояния гендерных исследований в Якутии, отмечены общие черты их развития. Признается доминирование «женских исследований», в то же время игнорирующих важные аспекты гендера: например, конструирование гендера, специфику эволюции женского движения в Якутии и т.д. Обозначены перспективы исследований гендера — привлечение новых источников для исследований и междисциплинарная кооперация.

Ключевые слова: социальная история, гендер, женские и мужские исследования, Якутия.

Российская историческая наука пережила драматические поиски новых объясняющих схем исторического процесса. Известные авторитеты и начинающие исследователи вооружились критическим переосмыслением предшествующего периода, осваивают новые источники и новые методы исследований. Идет становление современной теории исторического познания, для которой характерно изменение баланса междисциплинарных отношений в исторической науке. На данном этапе выявляются инновационные ресурсы используемых в смежных гуманитарных науках подходов для решения задач исторической науки. Наряду с интересом к интерпретационным концепциям и конструированию моделей исторических процессов, велик интерес к вопросам социальной истории, в изучении которой актуализированы макро- и микроисторический и гендерный подходы¹.

Данные подходы активно стали применяться именно в последние десятилетия. В частности, гендерный метод в отечественных социальных науках утвердился несколько позднее, чем в западной науке. Но за короткий срок сложилась содержательная многопрофильная историография по теории и практике российского гендера². Возможности гендерного метода востребованы не только гуманитарными науками, но и социальной практикой.

При всем теоретическом многообразии специалисты сходятся на том, что гендерный подход подразумевает, что различия в поведении и восприятии мужчин и женщин определяются не только физиологическими особенностями, но и социальными механизмами, воспитанием и этнокультурными представлениями о «мужском» и «женском». Такое конструктивистское представление гендера является, на наш взгляд, наиболее открытым, позволяющим исследовать существующие стереотипы, асимметрии в сфере взаимоотношений полов в их сложном общественном и личном переплетении.

В российских регионах становление гендерных исследований имеет общие направления: как правило, вначале это акцентировка проблем гендера в разных сферах общественной жизни; затем исследования социально востребованных проблем, накопление и анализ гендерной информации, постепенное расширение тематики и инструментария. В сложившихся гендерологических центрах продолжается развитие теории и методологии гендерных исследований.

В Республике Саха (Якутия) исследовательский интерес к гендеру проявился в перестроечные 1990-е гг., но первые публикации в основном относились к «женским» исследованиям (women studies). Нельзя не отметить, что в тот период гуманитарная наука наиболее бурно обсуждала проблемы в трех научных и научно-при-

кладных полях — проблемы экологии, этнокультурные вопросы и вопросы пола. В различных дискуссиях по истории и современности, по текущей ситуации и перспективам развития республики поднимались вопросы социально-демографического и социокультурного развития ее населения. Условия демократической гласности позволяли открыто обсуждать накопившиеся социальные проблемы, включая вопросы свободы и равноправия, половой дискриминации и сексуальной эксплуатации, морально-этические аспекты взаимоотношений полов.

В условиях комплексного кризиса девяностых годов сложившийся ранее гендер претерпел изменения, на Севере произошел очевидный гендерный сдвиг. В гуманитарном сообществе Якутии актуализировались вопросы текущего положения женщин, были обозначены основные социальные проблемы, с которыми столкнулись якутянки: безработица, снижение уровня и качества жизни, бедность и преступность. В противостоянии с кризисом в экономике и в общественной жизни женщины приобретали новые гендерные качества, проявили внутреннюю агентивность, что чуть позже позволило говорить о новой социальной идентичности северянок. Сейчас можно сказать, что в кризисных ситуациях женщины Якутии выступили в качестве субъектов экономики и политики, проявили региональную и локальную социальную ответственность³.

Активность женщин привела к тому, что в обществе стали осознавать необходимость решать проблемы в сфере гендера, возросло значение таких социальных индикаторов, как показатели благополучия женщин: здоровье, образование и успешность социализации. Состоялись научно-практические конференции, на которых власть и общество обозначили наиболее болевые вопросы в гендерной сфере. Несмотря на взаимную заинтересованность власти и науки в партнерстве, научные исследования гендера были и остались делом общественных групп или отдельных лиц при поддержке научных фондов. Властные структуры в первую очередь заинтересованы в «ментальных срезах» гендерной ситуации, в практической помощи в текущих акциях, а не в длительных академических исследованиях.

Востребованность гендерного анализа в общественно-государственной практике инициировала разработку документов, в которых впервые была применена гендерная экспертиза, например в Концепции государственной политики по улучшению положения женщин в Республике

Саха (Якутия). В программах по воспитанию детей и молодежи, подготовке и трудоустройству кадров для экономики и управления стал учитываться гендерный компонент. Проводится гендерный анализ нормативно-правовых актов, затрагивающих сферу интересов женщин; обсуждаются вопросы устранения гендерной асимметрии в системе власти и управления, возможности гендерного паритета и сотрудничества в трудовой и общественной сферах.

Общественный интерес к сфере гендера вызвал также потребность в гендерном просвещении, опубликован целый ряд специализированных изданий, содержащих гендерную информацию. Так, Комитет по делам семьи и детства при Президенте РСЯ) регулярно выпускает статистические и справочные сборники, в том числе указатели правовых и нормативных актов по защите прав женщин. Есть брошюры по проблемам насилия, защиты прав девочек, семейных прав мужчин и женщин⁴. Свою лепту в расширение гендерных знаний вносят гуманитарии, работающие в научно-популярном жанре и беллетристике: вышли в свет журналистские эссе, литературоведческие очерки, в которых ценно обращение к малоосвоенным историческим источникам — к семейным и личным архивам, мемуарам, устной истории и художественной литературе⁵.

Обогащение эмпирической базы идет не только на поле «женской истории» Якутии, но и в этнокультурных и социологических исследованиях на материалах республики. В 2000-е гг. при поддержке РГНФ исследователями ИПМНС СО РАН, ИГИ АН РС(Я) и ИГИиПМНС СО РАН были проведены исследования по темам «Женщина Севера: поиск новой социальной идентичности», «Мужчины и женщины Севера: социальная адаптация в полиэтническом обществе», «Женщины в межэтнических браках: гендерные стереотипы и культурные традиции на Севере», «Мужчина в новом гендерном пространстве Якутии: одиночество и отцовство»⁶. В данных проектах были впервые обозначены и исследованы многие вопросы регионального гендера, накоплен значительный эмпирический материал, послуживший базой для научных и научно-популярных публикаций исполнителей проекта⁷. Полученные результаты вызвали интерес не только со стороны ученых, но были использованы и в социальной практике республики⁸.

Исследованиям в сфере гендера в республике присуща значительная ориентированность на

социальный заказ: больше всего изучаются вопросы, связанные с демографическим поведением женщин и мужчин, безработицей и занятостью, образовательной подготовкой. В настоящее время относительно хорошо разработаны вопросы женского труда и занятости в постсоветской Якутии, вопросы охраны здоровья женщин и охраны материнства, общего и профессионального образования женщин, их участия в общественно-политической жизни республики. Данная тематика «подпитывается» наличием и доступностью источников, включающих и специализированные официальные издания, и материалы государственной статистики.

В республике достаточно хорошо освещены «женские аспекты» истории Якутии. При этом для подавляющей части работ характерна полоролевая категоризация, не подразумевающая утонченного гендерного анализа. Возможно, идет «пристрелка» со стороны молодых специалистов, осваивающих современные навыки и планирующих продвинуться далее, чем ординарные сравнения по координатам «мужчины» и «женщины» какого-либо социально-экономического или культурного сюжета.

Организованная в октябре 2009 г. региональная конференция с российским участием «Женский мир в научном дискурсе: приоритеты, партнерство, исследовательские стратегии»⁹ подтвердила устойчивый интерес гуманитариев к теме гендера. Обсуждались весьма интересные результаты изысканий в «женской истории», примеры гендерных репрезентаций в этнических традициях, а также опыт исследований и реализации гендерного концепта в современной Якутии. Специалисты разных профилей обменялись не только своим видением актуальных вопросов, но и выразили желание сотрудничать в заполнении существующих проблемных и хронологических лакун. В частности, в истории гендера в республике остаются неизученными проблемы конструирования гендера в разные периоды, региональная история «женского вопроса» в ее эволюции. Здесь нельзя не отметить отсутствие специального исследования темы женского движения в ее сложном разнообразии, историческом развитии и специфике в полиэтнической республике с сильными патриархальными традициями.

Следует признать, что пока нет гендерных исследований политической истории края, практически отсутствуют публикации по таким разработанным в мировой историографии сюжетам,

как «женщина и война», «женщина и миграция» и т.д. Исследователи проявляют большой интерес к этнокультурологическим аспектам соотношения «мужского» и «женского», а также к связи пола и профессии, пола и этничности, пола и сексуальности и т.д.

По «женской» составляющей гендера в Якутии уже сформирован современный историографический пласт, пусть и не сбалансированный по направлениям и объему исследований. В указанной выше коллективной монографии «Женщина Севера» была впервые предпринята попытка реконструировать гендерную схему в историческом плане. Сам такой подход к теме позволил обозначить очень интересные тенденции изменений в сфере гендера в Якутии, в частности, выраженную в новейшее время женскую автономизацию, всплеск агентивности и индивидуализации женской личности со всеми вытекающими социальными последствиями. Сегодня видно, что работу можно продолжить и углубить, расширив некоторые сюжеты, со времени сбора первичных материалов прошло почти десять лет. В применении гендерного метода в исторических исследованиях, на наш взгляд, назрела необходимость моделирования «двойного портрета» — женщины и мужчины в их реальной социализации. Здесь ожидает тяжелый труд — не только анализ критического переосмысления якутских вариантов his-story или her-story, но и синтез достоверного исторического знания.

Историография «мужской» тематики в регионе пока не богата. В ней отсутствуют специальные исследования по вопросам эволюции мужской идентичности, по социализации мужчин, включая и новейшее время. В целом, на материалах Якутии освещены вопросы поведения «традиционных» и современных мужчин в сфере брачных отношений и отцовства. Есть отдельные публикации по этническим традициям в культуре отцовства, а также социальным, педагогическим аспектам взаимоотношений полов в разных возрастных группах¹⁰. Неисследованными остаются вопросы супружеского, сексуального поведения мужчин в исторической ретроспективе и в современный период.

Обзор всей существующей литературы, как научной, так и научно-популярной, показывает, что не изучены с «мужских позиций» популярные у исследователей сюжеты гендерной асимметрии в политической жизни, во властных и бизнес-структурах. Большой интерес представляет также такой аспект, как взаимоотношения

женщин и мужчин в общественной жизни, в повседневных практиках.

Наш проект 2008–2009 гг. по изучению социального поведения мужчин в новом гендерном пространстве Якутии высветил широкий спектр проблем при выборе жизненных стратегий взрослыми мужчинами. В частности, были рассмотрены традиционные этнические гендерные стереотипы в брачной и семейной сферах, трансформирующиеся под влиянием новых социально-экономических и культурных процессов на Севере. В ходе выполнения проекта выявлялись брачные ориентиры, формы поисков партнерш мужчинами в национальных селах и в полиэтнических городских поселениях Якутии; были проанализированы ожидания и реальные позиции мужчин в семейно-брачной сфере. Одним из важных результатов работы по проекту стало признание растущего феномена мужского одиночества в республике, при этом не может не тревожить возрастная молодость этого феномена. Мужское одиночество в различных социальных категориях проявляется в формах избегания брака или длительных отношений с представительницами женского пола, в выборе свободного сожительства (т.н. гражданского брака) без юридически оформленных обязательств и в самостоятельном ведении домохозяйства и проживании без партнерши¹¹.

Перспективным направлением гендерных исследований в Якутии является изучение проблем гендера в разных возрастных группах, начиная с раннего детства. Если в историографии есть отдельные работы по полоролевой идентичности детей и школьников, то относительно старших и пожилых возрастных групп гендерных исследований на материалах Якутии нет. Между тем проблемы пожилых возрастных групп будут актуализироваться, так как население по всей Российской Федерации заметно стареет. Поэтому исследовательского «штурма» ожидают не только вопросы семейно-брачного поведения, супружества и родительства, но социальные институты бабушек и дедушек, самых старших родственников, проживающих отдельно или внутри разнопоколенных семей.

В целом, говорить о сложившейся школе гендерных исследований в республике еще рано, несмотря на наличие круга специалистов, разработок в исторической феминологии, этнической психологии и социологии с гендерным уклоном. Формирование и развитие гендерных исследова-

ний пришлось на рубеж веков: широким был интерес якутских исследователей к гендерной тематике, правда, с преобладающей «женской» составляющей, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В настоящее время отмечается некоторый спад интереса к «чисто женской» тематике. Это обусловлено и текущей социально-экономической ситуацией (сужением грантовой поддержки, отсутствием госзаказов и т.д.). Проявилась также общероссийская тенденция смены исследовательских вывесок с «женской» на «гендерную», что имеет двойственную природу: естественного, имманентного развития науки и субъективных попыток «примирения» консервативной академической науки с «женскими» исследованиями. В любом случае в Якутии, как и везде, «переименование» заметно расширило круг занимающихся проблемами пола, на гендерных конференциях и семинарах появились исследователи, ранее робевшие прослыть «феминистками», а также ученые-мужчины.

Гендерные исследования, будучи интегрирующим научным направлением, бесспорно заслуживают организационной поддержки, тем более, что поле исследований на материалах республики остается мало освоенным; это касается общей эволюции гендера, меняющейся социальной идентичности женщин и мужчин, культурных и политических аспектов современного гендера. Должны развиваться традиционные направления исторической феминологии (сравнительный анализ положения женщины в прошлом и настоящем), женская идентичность в разных социальных координатах и исторических условиях. Из-за отсутствия кадров профессиональных историков, полностью владеющих опытом гендерных исследований, пока идет накопление материалов в традиционном направлении «истории женщин», носящей описательный характер (порой «глазами женщин» освещается уже известная историческая схема. — Л.В.), без привлечения всех методологических возможностей гендерной истории.

Особого внимания заслуживают «мужские» исследования, — в частности, весьма интересны вопросы трансформаций мужской идентичности в советской и постсоветской Якутии, аспекты влияния социального статуса, возраста на мужскую идентичность. Во время полевых работ 2009г. один из интервьюируемых в Чурапчинском улусе произнес фразу: «Вы обратили внимание, где Вы общаетесь со мной? Да, я стою возле коров, сейчас почищу их и выгоню на водопой.

Там встретим тоже еще нестарых мужчин (прежде такой труд был обязанностью стариков и подростков. — Л.В.). Зато в нашем селе женщины заняты на местах, ранее считавшихся мужскими. Их, кажется, нет только в кочегарке...»¹². Такая реплика, полная самоиронии, запоминается рефлексивной содержательностью — отражением гендерных реалий в современном якутском селе и их кажущейся бесконфликтностью.

В этой связи следует отметить и очевидную феминизацию публичных зрелищ в республике, что могло бы подвинуть на междисциплинарные проекты «performance studies» — нового направления в западных исследованиях социальной жизни. Кроме изучения «мужских» лакун в гендерной истории, необходимы исследования по истории и современности конструирования гендера в регионе, что вызовет подъем интереса к дискурсивным, идеологическим и визуальным аспектам исторического знания, а также, попутно, и к экзотическим пока queer studies (проблематика гомосексуальности, трансвестизма и т.д.)

В случаях обращения к обеим группам исследуемых (женщин и мужчин) пока востребованы известные группы источников — результаты целевых социологических обследований, данные официальной статистики, опубликованные историко-этнографические материалы, архивные документы и т.п. Практически отсутствуют исследования, в которых применены иные источники, например, раскрывающие частную жизнь мужчин и женщин, их ментальность и повседневное поведение, историческую психологию. Остаются почти не освоенными такие источники, как исторические, историографические, политические, политологические, литературоведческие тексты. Крайне редко в зону внимания исследователей гендера в Якутии вовлекаются также кино-, фото- и видеоматериалы, предметы декоративно-прикладного, иллюстративного искусства, наглядной агитации и пропаганды разных периодов истории.

Бесспорно, что обращение к гендеру позволяет восстановить целостность социальной истории. В мировой науке сегодня гендер признан как полезная категория исторического анализа, раскрывающая ранее не изученные аспекты прошлого и современности. Гендерная принадлежность встроена в структуру общественных институтов, и именно гендерное сознание на уровне индивида поддерживает существующую систему социальных отношений. Понимание этого дает историкам возможность приобщиться к но-

вым источникам и достичь нового уровня в исследованиях гендера.

У гендерологов Якутии есть возможность применить новые подходы к различным темам, в частности, к неисследованным элементам социальной истории — частной жизни, повседневности, телесности, сексуальности и др. В российской историографии эти вопросы успешно разрабатываются. У якутских ученых есть перспективы плодотворного сотрудничества — желательны творческие проекты, объединяющие историков, этнологов, культурологов, психологов, а также специалистов по фольклору и языкам коренных народов. Здесь в наличии огромное, целинное поле для гендерных изысканий.

Освещение гендера в Якутии постепенно становится доступным и зарубежному читателю¹³. В свою очередь исследователи республики крайне редко обращаются к западным источникам и историографии. Отсутствуют исследовательские контакты с гендерологами как из дальнего, так и ближнего зарубежья. Среди причин такой автономности нужно указать, что гендерные исследования для подавляющего большинства, включая автора, остаются дополнительной, не основной сферой научных исследований. Если в 1990-е гг. в крупных городах РФ и СНГ открылись научные центры гендерных исследований, появились и до сих пор функционируют постоянные семинары и форумы, включая виртуальные, то в Якутии только предпринимаются шаги по консолидации исследователей. В республике отсутствует и специализированный гендерный центр, хотя необходимость в нем осознается и учеными-гуманитариями, и практиками социальных сфер.

Процессы глобализации затрагивают и научный мир: формируются генеральные тренды исследований, рождаются новые течения с молодыми адептами. Кроме традиционных проблемных зон, значительны проективные возможности категории гендера в республике, где идут очевидные социокультурные трансформации, ожидается мощный миграционный приток, что изменит демографическую структуру, этнокультурный и половозрастной состав населения. Рано или поздно в республике оформятся свои феминистские студии и гендерные школы, в которых будут исследоваться проблемы женской и мужской бедности, безработицы, брачно-семейного поведения и т.п., возможно, эти изыскания будут продвигаться без этнической (региональной?) доминанты.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Медушевский А.Н. Аналитическая история: Журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история. — 2008. — № 5. — С. 3–18.
- ² Дашкова Т. Гендерная проблематика: подходы к описанию // Исторические исследования в России - II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А.Бордюгова. — М.: АИРО-XX, 2003. — С. 203–245; см. также сайты <http://www.tvergengerstudies.ru>, <http://www.gender.univer.kharkov.ua>, <http://www.vvsu.ru/gender/>, <http://www.womnet.ru>, <http://www.owl.ru>, <http://www.a-z.ru/women> и др.
- ³ Винокурова Л.И., Попова А.Г., Боякова С.И., Мяркьянова Э.Т. Женщина Севера: поиск новой социальной идентичности. — Новосибирск: Наука, 2004. — С. 192–194.
- ⁴ Женщины и мужчины Республики Саха (Якутия). Стат.сб. № 318/5373. — Якутск, 2001. — С. 53; О положении женщин в Республике Саха (Якутия) в 2002 г.: Доклад / Составители: Боякова С.И., Винокурова Л.И., Мостахова В.И., Кириллина В.И. — Якутск, 2003. — С. 67; О положении женщин в Республике Саха (Якутия) в 2003 году: Доклад. — Якутск: Сахаполиграфиздат, 2004. — С. 80; О положении женщин в Республике Саха (Якутия) в 2004 году: Доклад. — Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. — С. 80; Положение мужчин и отцов в Республике Саха (Якутия) / Ком. по делам семьи и детства при Президенте Республики Саха (Якутия). — Якутск: Сахаполиграфиздат, 2004. — С. 68; Женщины и мужчины Республики Саха (Якутия). Стат. сб. — Якутск, 2007. — С. 45; О положении семьи в Республике Саха (Якутия). Доклад / Комитет по делам семьи и детства при Президенте РС(Я). — Якутск, 2008. — С. 152 и др.
- ⁵ Багдарыын Сүлбэ. Хранительница очага. — Якутск, 1993. — С. 236 (на якут.яз.); Башарина З.К., Максимова П.В., Семенова В.Г. Пуночка моя белая. — Якутск, 2001. — С. 96 (на якут. яз.); Женщины Якутии. Т. 1. — Якутск, 2004. — С. 116; Протопопова Н.И. Замечательные женщины Якутии. Кн. 1. — Якутск, 1999. — С. 223; Кн. 2. — Якутск, 2001. — С. 223; Кн. 3. — Якутск, 2003. — С. 351 (на якут. яз.); Уткин К.Д. Ветви одного корня. — Якутск, 1994. — С. 19; Он же. Культ женщины в якутских традициях. — Якутск, 1994. — С. 31.
- ⁶ Проекты РГНФ № 01-03-00293а, 03-03-00547а/Т № 06-03-79301а/Т, № 08-03-79301а/Т.
- ⁷ Боякова С.И. Брак и семья в Республике Саха (Якутия) в условиях социально-экономических трансформаций: гендерный аспект // Якутский социологический бюллетень. — Вып. 1. — Якутск, 2006. — С. 65–68; Винокурова Л.И. Миграционные процессы и смешанные браки в постсоветской Якутии // Там же. — С. 68–75; Мяркьянова Э.Т. Женщины Якутии во власти и политике // Там же. — С. 75–77 и др.
- ⁸ Результаты проектов были востребованы для практических мероприятий в гендерной сфере, напр., для XII съезда женщин Якутии в 2006 г., Первого съезда отцов Якутии в 2008 г.
- ⁹ Проект РГНФ №09-03-79380 г/Т
- ¹⁰ Попов Б.Н. Отец — высокое звание. — Якутск: Бичик, 2000. — С. 48; Протопопов С.С. Проблемы современного отцовства // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. Аспирантские тетради [Текст]. — СПб., 2007. — № 17(43), ч. 1: Общественные и гуманитарные науки. — С. 273–275; Старостина Л.Д. Специфика детско-родительских отношений и роли отца в семьях народов Республики Саха (Якутия) // Перспективы развития психологической науки в Республике Саха (Якутия): Сборник научных трудов. — Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007. — С. 91 — 97 и др.
- ¹¹ Винокурова Л.И. Мужчина в якутской повседневности: муж, отец, дед // Актуальные проблемы современной гендерологии. Вып. 5. Материалы ежегодной науч.-метод. конф (16 апреля 2010 г.) — М.; Ставрополь: Изд-во СГУ., 2010. — С. 93.
- ¹² Полевой материал автора. Интервью записано в Чурапчинском улусе Республики Саха (Якутия) в марте 2009 г.
- ¹³ См. напр.: Vinokurova L.I., Boiakova S.I. In Search of Job and Partner: Life Stories of Women in Yakutia // Sibirica. Vol. 8. Issue 1. Spring 2009. — P. 24–44; Takakura H. The Concept of Manhood in Post-Socialist Siberia: The Sakha Father as a Wise Hunter and a Pastoralist // Ibid. — P. 45–67.

L.I.Vinokurova

Gender in Yakutia: practice and perspectives of research

The article presents a vision of the modern state of gender research in Yakutia and marks general features of their development. The domination of “women’s studies” is recognized which, however, ignore the important aspects of gender: for instance, the aspects of constructing gender, the specifics of the evolution of women’s movement in Yakutia, etc. Perspectives of gender research are outlined — attracting new sources for study and interdisciplinary cooperation.

Keywords: social history, gender, women’s and men’s studies, Yakutia.

П.З.Тобуков

Некоторые проблемы гендерных отношений: аспект становления и деградации человечества

Анализируется процесс взаимоотношения полов в аспекте становления и деградации человечества. Утверждается идея о том, что в становлении человека играет роль передача опыта, сохранение его в генетической памяти особой вида, а также всеядность, чувство симпатии. Факторами деградации являются телегония, деловой престиж, интеллектуальное отставание мужчин.

Ключевые слова: становление, деградация, гендерные отношения, передача опыта, телегония, малочисленные этносы, идентификация, статус, пол.

С социально-экономической точки зрения гендерный вопрос — отнюдь не частный, а с научной — частный, несмотря на его многослойный, многоуровневый, многоаспектный характер. К нему можно подойти с разных научных позиций: социологии, психологии, истории, медицины, экономики, философии и т.д.

Затронем всего одну грань проблемы* — отношение полов в аспекте становления, а затем деградации общества. Вообще проблема возникновения, становления и развития человечества является одной из трудных проблем, так сказать, тайна из всех тайн, пока остающаяся белым пятном в науке: смоделировать этот процесс, в особенности начальную фазу, как мы думаем, невозможно, несмотря на обилие научных концепций и просто догадок, гипотез. А религиями проблема сия решается просто: они считают, что человек сотворен. Первопричиной этого креативного акта является, по их мнению и глубокому убеждению, Бог — самое совершенное и абсолютное начало. Описание технологии процесса дано в Талмуде: Бог слепил из пыли сначала существо с двумя головами, а потом разделил эти головы и одно туловище — так сотворены были мужчина и женщина, но не мальчик и девочка, что само по себе странно. Бог в этом деле «чутьочку схалтурил», ибо головы по форме и размерам оказались не равными, что нашло отражение в различии образа мышления мужчин и жен-

щин, даже в логике рассуждений. Приведем следующий пример: из факта, что выпал первый снег, мужчина сделает вывод, что «скоро зима», а женщина выразит свое возмущение мужу и сделает умозаключение, что он её не любит. Никто из них не нарушил правило силлогизма: умозаключение мужчины фиксирует факт наступающей зимы, а вывод женщины тоже вполне оправдан, ибо между явлением выпадения снега и отсутствием любви мужа к жене есть ряд реальных фактов, мысленно фиксированных женщиной, но об этих промежуточных суждениях она вслух не сказала. А дело выглядит так: «на улице снег, ты мне в прошлом году не купил шубу, и в этом году не собираешься купить шубу. Обо мне перестал заботиться, значит меня уже не любишь». У мужчины мышление прямолинейно-конкретное, а у женщины мышление до выводов промежуточно-абстрактное, что подмечено авторами Талмуда.

В другой религиозной книге Библии (Ветхом завете) утверждается, что Бог слепил сначала Адама из глины, а затем из его ребра сотворил Еву. Адам стал строительным материалом для первой женщины. Библия не подчеркивает физиологическое различие, ибо Богу угодно было сотворить существа с разными психическими свойствами, если взять изолированно, или раздельно. В этом виде существования они ущербны, неполноценны. В отдельно взятом виде они превосходят друг друга в одном отношении и уступают в другом. Так, Бог дал мужчине физическую силу, твердость характера, решимость, волю (а может быть «волю к власти», как утверждал Ф.Ницше), а женщине — способность быть нежной, ласковой, соотрадательной, выносливой, с одной стороны, а с другой — завистливой, хитрой, коварной, нетерпимой к красоте

* Наиболее значимые работы есть у С.Бовуара, К.Делфи, М.Мида, В.Шапира, Г.Лернера и др., которые разработали многие аспекты этой проблемы. Для них «гендер» состоит по английской традиции из двух понятий: «sex» — пол, «Gender» — социопол.

другой женщины. То, что есть у мужчины, нет у женщины, а то, что отсутствует у мужчины, есть у женщины. Видимо, сотворив мужчину — Адама, бог в нем увидел несовершенство, хотя создал по своему подобию и образу, так как Бог сам является абсолютным совершенством в любом ракурсе. Увидев несовершенство мужчины, Бог создал женщину, тоже несовершенное существо в отдельно взятом виде. Но почему-то Богу было непонятно, что слияние их создает гармонию, а слияние как процесс возможно через грех, sex, и за сорванное яблоко Бог изгнал Адама и Еву из рая. Бог должен был предвидеть результаты своего деяния, а оказалось — не смог. Следовательно, Бога из-за последствий этого несовершенного деяния нельзя считать абсолютным совершенством. Но нам важны исходные данные, имеющие очень важное значение в решении поставленной нами проблемы.

Сперва сошлемся на идеи известных лиц. Так, Л.Н.Толстой, ссылаясь на Библию и Евангелия, писал о том, что муж и жена — не два существа, а одно и «это справедливо, потому что... половое общение двух существ, имеющее последствием деторождение, соединяет эти два существа... Эти существа в известном отношении перестают быть двумя, а становятся одним существом¹. Л.Н.Толстому важно было подчеркнуть единение мужчины и женщины через половое общение, половую связь, которую христианская этика утверждала жизнеспособной лишь как «чистую, ничем не запятнанную мораль». Л.Н.Толстой, не отвергая идею об естественном, эволюционном происхождении мужчины и женщины, выразил солидарность с авторами Библии и Евангелий об единении двух полов через sex, последствием чего является деторождение.

Проблема сотворения Адама и Евы не убедительна с точки зрения натуралистических концепций. Одна из них — теория Ч.Дарвина, развитая в последующем Ф.Энгельсом, утверждавшим значение труда как целенаправленной деятельности в процессе превращения обезьяны в человека². Энгельс писал, что именно целенаправленный труд создал, сформировал человека, что нашими предками были какие-то виды обезьян, пользовавшиеся камнем и палкой в своей повседневной жизни, когда им приходилось защищаться от более сильных хищников, охотиться на животных, разделывать шкуру и т.д. Но есть и другие виды обезьян, которые, когда надо, орудуя камнем и палкой. Кстати, среди пернатых такие тоже встречаются. Но эти обезьяны в течение десятков миллионов лет остались на од-

ном исходном уровне — их эволюция завершена. А человек выделился из мира переходных видов обезьян 3—5 млн. лет назад, что требует отдельного рассмотрения.

Но коротко обратим внимание на одно противоречивое место в концепции Ф.Энгельса: он утверждал, что человек выделился из царства обезьян благодаря *целенаправленной* деятельности, т.е. цель должна была быть поставлена заранее, прежде чем добиться каких-то позитивных результатов «деятельности», иначе говоря, в голове обезьяны, переходящей или эволюционирующей в человека, должна быть создана модель действия, вся схема действия. Но ведь на это способно более или менее абстрактное мышление, а этим наши далекие предки не могли обладать — у них могли быть инстинктивные действия. Но пока еще не ясен механизм превращения инстинктивных действий в сознательное действие, основанное на пусть даже примитивном рассудочном мышлении дикаря. Так что концепция Ф.Энгельса может быть развита современными естественно-научными теориями. Мы же просто склонны назвать концепцию (трудовую) Ф.Энгельса лишь гипотезой, имеющей достаточно веское социокультурное основание.

В становлении человека, прежде всего в его выходе из обезьяньих стад важнейшую роль играет, как нам представляется, передача опыта от предыдущего поколения к последующему. Разумеется, *опыт* должен быть сохранен в генетической памяти особей вида и аккумулирован в действии, в этом варианте он принимается, усваивается, переделывается, усовершенствуется последующими поколениями особей обезьян. Но если этот опыт не усвоен новым поколением и не обогащается, то происходит процесс деградации. Это однозначно. Среди Homo Sapiens такой процесс может быть в интеллектуальной сфере. Конечно, наши далекие предки передавали свой накопленный веками трудовой и интеллектуальный опыт посредством «натаскивания», а приобретающие опыт наши предки, видимо, усваивали его посредством проб и ошибок*. Методика «натаскивания» присутствует у всех хищников, а Homo rectus, Homo Sapiens относятся к классу хищников, они одновременно являются

* В этом отношении весьма примечательны опыты в лаборатории академика И.П.Павлова с обезьяной Рафаель, которая путем проб и ошибок доставала висящее яблоко. Инструментами доставания были три полые палки разной длины и разного диаметра, кроме того были три ящика тоже разного размера (объема).

животными всеядными. Что же касается травоядных, то передача опыта, если таковой «житейский» опыт у них есть, осуществляется не путем «натаскивания», они же «усваивают» опыт не путем «проб и ошибок», а как — мы не знаем.

В становлении человека одну из главных родовых и специфических причин играет «всеядность» наших далеких животных предков. Если придерживаться эволюционной теории Ч. Дарвина, то выделенные им законы: наследование признаков, изменчивость, естественный отбор — играли революционизирующую роль. Но здесь вопрос: почему же эти законы биологической эволюции не оказали влияния на изменение других видов обезьян? Мы не можем ответить на этот вопрос, остается предположить, что наши далекие животные предки, видимо, были в эволюционном отношении весьма молодые (переходные) виды, имеющие огромную возможность совершенствоваться дальше в своем биологическом развитии. Один из факторов, кроме названных биоэволюционных трех законов, это всеядность, плюс к этому особенности анатомической структуры наших далеких предков. Венцом эволюции является формирование абстрактного мышления как результата функционирования самой высокоразвитой материи*. Но как это выдающееся достижение эволюции приведет к исчезновению человека — нуждается в исследовании другого уровня — с привлечением данных многих наук, относящихся к изучению человека. Нас же интересует отношение полов прежде всего в семье, которое по истечении взаимопересекающихся факторов и условий может привести к деградации, затем исчезновению человечества через сотни тысяч лет, ускорить или замедлить этот процесс.

Во взаимоотношении полов и в семье, и вне важнейшим составляющим или константой является чувство симпатии, затем переходящее в «любовь». Разумеется, любовь — не исключительно человеческое чувство, оно присуще и высшим животным и даже пернатым, образующим своеобразную парную семью. В подтверждение этой мысли можно найти тысячи примеров. Но имея в виду «любовь», мы подразумеваем человеческие взаимоотношения. Конечно, любовь — базовое чувство для организации семьи и не только. Сама по себе любовь — феномен совершенно очевидный и... простой. Но тайна любви в том,

что сильнее и могущественнее этого чувства ничего нет: любовь и разрушает, она как абсолют, и как таковая, она есть сила, и она играла в становлении *Homo sapiens* одну из решающих ролей, а может и в деградации, ибо то, что творило может и разрушить. Но любовь не во все времена была, т.е. был в первоначальном процессе становления период, когда не было этого всемогущего, гипнотизирующего, чарующего чувства. Ф. Энгельс считал средневековые началом летоисчисления любви. Он пишет: «До средних веков, как для мужчин, так и для женщин не могло быть и речи об индивидуальной половой любви»³. У него любовь до средневековья — простое половое влечение, призванное удовлетворить чувственные страсти, прямо как у жеребца, у которого в табуне всегда есть одна постоянная кобыла, «обслуживающая» и «удовлетворяющая» жеребца каждый раз по его «желанию». Ф. Энгельс оказался не прав, ибо еще в античное время, т.е. за 2 тысячелетия до средних веков, мыслители отметили значение любви: кто всерьез, кто в шутку. Так, Сократ сказал: «Любви женщины следует более бояться, чем ненависти мужчины. Это — яд, тем более опасный, что он приятен»⁴. Соломон говорил: «Крепка, как смерть, любовь»⁵, еще «любовь покрывает все грехи»⁶. Она и в античное время была осью, вокруг которой вращалось искусство, как и сегодня.

Любовь, как в настоящее время выяснено, есть результат взаимоотношения биополей, их особенностей у представителей двух противоположных полов. Женский и мужской организмы имеют разный, присущий данному организму спектр излучения. Он выполняет определенные функции. Так, биополе мужчин стимулирует организм, женское же — успокаивает. Считается установленным фактом, что единство биополей становится таким началом, которое гармонизирует, стабилизирует людей. Это так и есть — мы фактически в течение всей жизни это ощущаем. На основании этого факта люди считают, что общение с добрым человеком благотворно, а с завистливым, с дурным характером действует дурно, подавляет. У якутов есть аналогичное высказывание: «Сыптарыннаах тарбыйах (ынах) хотону сутуйар»**. Якуты старались не допускать детей к человеку злобному, завистливому и, наоборот, разрешали общение с добрым, жизнерадостным, благожелательным человеком. У всех

* У животных их особый головной мозг — тоже высший продукт развития материи, находящейся на данном, но недочеловеческом уровне.

** «Теленок (корова) с поносом заражает весь коровник», что в основном относится к людям с дурным характером.

народов считается весьма благотворным половое общение пожилых с юными девушками, так как биополе последних имеет как будто лечебное свойство, способное омолаживать организм. К формированию любви это имеет отдаленное отношение, но тем не менее способствует ее рождению. Но есть один весьма сильный механизм интуиции, который принято считать инсайтом, функцией его является оценка в особенности психических, духовно-телесных данных собеседников или тех, кто оказался в поле зрения. Это известно из практики каждого человека: он может кого-то с первого взгляда невзлюбить, или кто-то ему окажется симпатичным. А может быть такое чувство, которое можно охарактеризовать как внезапную любовь, любовь с первого взгляда. Женщина и мужчина оценили друг друга самым положительным образом, сами того не подозревая, обе стороны видят друг в друге себя. Ведь каждый человек в нормальных ситуациях, обстоятельствах любит себя. Видя себя в другом уже начинает подозревать в своем сознании присутствие другого как источника сердцебиения, душевного беспокойства. Начинается как бы физическое, душевное возбуждение, стимулирующее физиологическое единение, иначе говоря, sex, или половое общение.

Видимо, наши далекие предки-обезьяны способны были на взаимную сильнейшую психофизиологическую возбудимость в ритм, благодаря наличию уже формирующегося инсайта. Это дало нам возможность сделать следующее умозаключение: у наших предков формировалось особое биополе, которое у других присутствовало в меньшей степени. Но почему и как оно возникло, что лежит в основе — не совсем ясно, ибо это связано, наверно, с интуитивным «мышлением» у обезьян — наших предков, сперва лишенных мышления, зато имеющих что-то наподобие интуиции. Последнее в рудиментарном виде имеет место быть у всех животных: тут не только развитое обоняние, зрение, слух и осязание. Ведь животные от мала до велика выживают в среде, в большей мере опасной. Вот тогда спасает эта интуиция: животные чувствуют опасность в незнакомой им природной среде при любых ситуациях. Человекообразным предкам это помогло выжить, но затем с приобретением искусственных средств, развитием навыков общения, коллективной организованной жизни способность предчувствовать опасность утратилась, она была заменена логикой рассуждения у *Homo sapiens* (а у *Homo rectus*?). В популяции наших предков гармонизация биополей стала существенным признаком, т.е. говоря иначе, атрибутом эво-

люционирующей обезьяны, но с какой фазы её развития, сказать определенно, хотя бы в ближайшее время, никто не сможет. Гармонизация возможна при взаимности, что помогло улучшению естественного отбора вида. Взаимность предопределяет то, что называется симпатией, переходящей затем в любовь в современном её значении. При наличии взаимности потомству передаются наилучшие качества, хотя известно, что наследуются и болезни*. Этот факт был известен в далеком прошлом. Например, говорилось, что «ребенок должен быть вымолен», но если он родился по ошибке, то ожидать от так родившегося ребенка чего-либо стоящего в будущем нельзя. От случайного физического сближения, говорили древние, рождаются демоны, а от любви — Боги. А в древнеиндийской книге мудрости «Махабхарата» сказано, что создав мужчину и женщину, Бог (Брама) благословил их на деторождение и предупредил их, что соединение их без любви противно естеству, иначе потомству грозит физическая и умственная деградация, хотя это стоит доказать на фактах. Но идея о жизнеспособном потомстве, которое рождается от физической близости по любви, являющейся высшей стадией взаимности, более перспективна.

С проблемой жизнеспособного потомства людей связана другая проблема под названием «телегония». Суть такова: не только первый самец имеет влияние на будущее потомство, но и всякий самец, который раньше оплодотворил женщину. Описан случай «рождения от белой женщины ребенка с особенностями, ...обличающими негритянскую породу, ибо она до замужества за белым была в половом контакте с негром»⁷. В.Бочкарев в статье «Понятие генетическое» пишет: «Чем больше у женщины добрачных половых связей с разными партнерами, тем сильнее засорена ими её хромосомная цепочка и тем меньше у неё шансов родить мужу генетически его детей»⁸. Добрачная половая связь женщины с одним или несколькими мужчинами чревата нежелательными последствиями генетического порядка.

Одной из косвенных причин исчезновения народов была сексуальная распущенность, которой много веков. В.Бочкарев составил схему вырождения исчезнувших народов: «массовая проституция — сексуальные извращения — психические отклонения — неспособность производить полноценных детей». Эти дети — идиоты (оли-

* Например, рак, различные психические заболевания, наследственная мозжечковая атаксия Пьерри-Мари, авротический идиотизм и т.д.

гофрены). Где нынче этруски, хетты, где римская империя? Нет их. О негативности сексуальной распущенности знали древние. Так, Моисей сказал своим полководцам, когда они вернулись после победы над мадианитянами: «Для чего вы оставили в живых всех женщин? Убейте... всех женщин, познавших мужа. А всех детей женского пола, которые не познали мужского ложа, оставьте в живых для себя»⁹.

Сегодня девушке трудно сохранить себя в первозданном виде, ибо она находится в тисках рекламы алкоголя и секса. Реклама у нас никогда не пропагандирует здоровый образ жизни и вообще нравственную чистоту. Поэтому степень реализации сексуальной информации очень высока. При такой щекоотливой сексуальной атмосфере семейно-брачные отношения в большей степени теряют чувственно-романтическую цементирующую окраску, они скорее всего напоминают отношение коллег по общему делу (финансовому, торговому, строительному). А расторжение брачных уз не вызывает никакой трагедии, воспринимается как обычное явление, ибо такая семья с самого начала формировалась на договорных взаимовыгодных партнерских отношениях, а не на крепкой чувственно-духовной основе, каковой является любовь.

Для образованной и деловой женщины главным условием успешной реализации внутренних возможностей в её жизнедеятельности является деловой престиж, возводимый ею в атрибут необходимости. Такая женщина во главу угла ставит фактор собственного авторитета, и чтобы завоевать его, женщина фактически отчуждается от выполнения домашних обязанностей и даже родовых функций, которые нельзя осуществить без активизации мужских достоинств. Еще один момент следует подчеркнуть — это социальный престиж, который превращается в нечто культовое. Женщины частенько напоминают мужьям о себе в смысле того, что они недостаточно обеспечены материальными благами, т.е. их запросы, потребности остаются неудовлетворенными, что в их гардеробах гуляет ветер и т.д. В последующем такие женщины брачные отношения превращают для себя в доильный аппарат, который постоянно должен выдавать материальные ценности, удовлетворяющие без конца растущие женские потребности. Известно, что растущие потребности невозможно удовлетворить. Отсюда начинается тихая обоюдная неприязнь, одна из форм которой — исчезновение ласки, нежности жены. А у мужа, если говорить словами З.Фрейда, формируется «защемленный половой аффект», противный естеству нормального муж-

чины. Этот аффект стал массовым явлением, ведущим в конечном счете или опосредственно к той грани, за пределами которой видится глобальный негативный процесс для обоего пола — деградация.

Мы не можем пройти мимо одного очень важного аспекта проблемы гендерных отношений, поскольку сталкиваемся с ним ежедневно. Этот аспект характерен для жизни коренных малочисленных народов Севера Якутии. В местах проживания этих народов число одиноких матерей растет из года в год. Это явление стало массовым в северных и арктических улусах. У этих матерей количество детей иногда доходит до двух-трех. При этом часто у детей встречаются разные расово-антропологические признаки. Конечно, это дети от мужчин, принадлежащих к разным национальностям. В чем причина? А в том, что в местах проживания этих народов уже начинается индустриальное развитие, освоение природных ресурсов, в этой связи иммиграционный процесс сопровождается некоторыми демографическими нюансами. Кроме того, надо иметь в виду, что на Севере, в Арктике алкоголизация населения стала заметным явлением. Она охватила фактически значительную часть молодых мужчин. Естественно, духовный мир этих людей очень беден. Мировоззрение ограничено рамками их скудного и серого мирка. Девушки, безусловно, не хотят связывать свою жизнь с парнями своей национальности с ограниченным кругозором. К тому же, девушки становятся специалистами в основном гуманитарного профиля (учителя, библиотекари, экономисты, финансисты и т.д.) и приезжают к родным на Север. Естественно, образовательный и должностной статус формирует особо завышенные требования к мужчинам своей национальности, что приводит девушек к отчуждению от «своих» же мужчин. Это еще больше усугубляет, с одной стороны, процесс алкоголизации молодого мужского населения и, с другой стороны, приводит к тому, что девушки, желая иметь ребенка, подчиняются зову природы. Не разум, а просто инстинкт продолжения рода, функционирования половой принадлежности вынуждает войти в половой контакт с подходящим первым встречным, а затем со вторым и т.д. При такой «деловой» связи ребенок не вымолен*. Качество продукции не гарантируется, и оно не всегда достигает 100%-го уровня.

После возникает вопрос об идентификации* становящейся личности ребёнка. Разумеется, ре-

* Термин введен в науку З.Фрейдом.

бёнку больше хочется быть представителем более многочисленного народа, нежели малочисленного, ибо это даст больше шансов быть на равных с представителями этноса, выходцем из которого был отец ребёнка, тем более сегодня сняты льготы для малочисленных народов, которые когда-то давали возможность получить специальность, лечиться, отдыхать в санаториях, на курортах и т.д. Через несколько десятков поколений судьба этноса уже будет предreshена, т.е. он физически исчезнет. Этот процесс можно иллюстрировать на следующей схеме: женщина — мужчина как представители малочисленного народа; женщина, чей статус выше, — мужчина, чей статус на порядок ниже. Женщина — мужчина другого этноса — дети, которые идентифицируют себя с национальностью отца, — исчезновение малочисленных этносов. А язык этноса перестает функционировать как средство общения в межнациональной семье, ибо язык доминирующего этноса распространяется на межнациональное семейное пространство. Дети, осознающие себя продуктом представителей разных национальностей, «выбирают» язык того родителя, который представляет многочисленный народ, тем более, если окружение разговаривает, общается на языке этого народа — носителя более динамичной культуры, впитавшей элементы культуры многих народов.

Женщины малочисленных этносов, выходя замуж за представителей других национальностей, снижают демографический рост своего этноса, тем самым способствуют ускорению процесса физического исчезновения этносов. Далее, если это не так, то среди современной сексуально неграмотной молодежи распространен промискуитет (неупорядоченные половые отношения), отчасти об этом говорилось по поводу генетического засорения хромосом. И это тоже есть

одна из причин деградации этноса. Кроме того, в замкнутой социальной среде может быть в формировании семьи нечто похожее на эндогамию (браки внутри племени), и это явление имеет в конечном счете негативные последствия. 1. Возможность рождения детей с умственными отклонениями весьма высока, отчасти об этом уже сказано. 2. Возможен дальнейший регресс качественной определенности малочисленных этносов. Понимая этот отрицательный параметр у будущего потомства, женщины вынуждены отчуждаться от партнеров из своего же, но все же отдаленно родственного человека, половой контакт с которым с точки зрения биомедицины не желателен.

Итак, проблема гендерных отношений имеет множество нерешенных аспектов, тем не менее, попытка взглянуть на нее приводит к окончательному резюме о перспективе исчезновения не только малочисленных этносов, но и о такой же участи остальной части человечества через ряд тысячелетий, возможно, через сотни тысяч лет.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Булгаков В. Христианская этика. — М., 1917. — С. 185.
- ² Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. — М.: Политиздат, 1985.
- ³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М., 1985. — С. 85.
- ⁴ Энциклопедия афоризмов. Античность. Древняя Индия. Древний Китай. Библия. — Минск: Современный литератор, 1999. — С. 94.
- ⁵ Там же. — С. 784.
- ⁶ Там же. — С. 796.
- ⁷ Индивидуальная эволюция и неодарвинисты. — М., 1999. — С. 245.
- ⁸ Бочкарев В. Понятие генетическое // Свет, 1998. — № 3. — С. 16.
- ⁹ Числа: Литературный журнал русской эмиграции. — Париж, 1935, № 31. — С. 14–18.

P.Z.Tobukov

Some problems of gender relations: an aspect of formation and degradation of humanity

The article analyzes the process of interrelation between sexes in the light of the formation and degradation of humanity. The idea is asserted that the key role in the formation of human beings is played by the passing of experience, the maintaining of it in the genetic memory of the species' individuals as well as being omnivorous and sympathy. The factors of degradation are telegony, business prestige, men's intellectual gap.

Keywords: formation, degradation, gender relations, passing of experience, telegony, numerically small ethnic groups, identification, status, sex.

С.И.Боякова, Л.И.Винокурова, В.Б.Игнатьева, В.В.Филиппова

Якутия в условиях глобальных климатических изменений: уязвимость, риски, социальная адаптация*

Анализируются возможные риски, связанные с изменением климата, для социально-экономического положения и качества жизни населения Республики Саха (Якутия) и те меры, которые необходимо предпринять для уменьшения негативных последствий подобного рода влияния. Авторы, опираясь на предварительные итоги своих исследований, подчеркивают, что проблема глобальных климатических изменений может рассматриваться как прямой вызов сложившемуся производственному циклу и укладу сельской жизни коренных народов. В этой связи обеспечение сохранности культурного ландшафта как основы безопасной жизнедеятельности коренных народов определенно вызывает значительные материальные и моральные затраты, которые будут увеличиваться в условиях роста масштабов климатических изменений.

Ключевые слова: изменение климата, уязвимость, риски, социокультурные проблемы, коренные народы, жизнеобеспечение, адаптация.

Как известно, в основе глобального изменения климата лежат не только природно-естественные, но и антропогенные факторы. Совместный эффект этих изменений, согласно прогнозам, может вызвать широкий диапазон последствий, включая значительные воздействия на прибрежные сообщества, видовое разнообразие растений и животных и, самое главное, на здоровье человека и его благосостояние. При этом в Республике Саха (Якутия), как и в остальной Российской Арктике, изменение климата наблюдается при наличии других серьезных нагрузок: загрязнения окружающей среды, истощения биологических ресурсов, изменений в землепользовании, росте численности населения, а также в культурном укладе и экономике.

Не останавливаясь на положительных моментах потепления климата в Арктике, в данной статье хотелось бы заострить внимание на возможных рисках, связанных с изменением климата, для социально-экономического положения и качества жизни населения РС(Я) и тех мерах, которые необходимо предпринять для уменьшения последствий подобного рода влияния.

Согласно оценкам экспертов, изменение климата приведет к многочисленным воздействиям

на общество. Применительно к Республике Саха (Якутия) их можно сгруппировать по следующим направлениям: медицинские, социально-экономические, социокультурные.

Специалисты и широкая общественность выражают обеспокоенность опасным влиянием потепления климата в Арктике на здоровье и самочувствие населения. Эпидемиологи бьют тревогу в связи с расширением ареала носителей возбудителей таких инфекционных заболеваний, как клещевой энцефалит, клещевой боррелиоз, туляремия, сибирская язва и др. к северо-востоку; увеличением инфицированности и заболеваний животных, рыб и птиц. Серьезную опасность представляет вынос возбудителей особо опасных инфекций (холера, оспа и др.) вследствие оттаивания многолетнемерзлых грунтов в местах захоронения людей, погибших от них, а также других особо опасных инфекций прошлых тысячелетий в результате выхода на поверхность останков мамонтовой фауны.

В последние годы повысился уровень смертности и заболеваемости населения в связи с увеличением частоты опасных гидрометеорологических явлений (сильные метели и ветры, летняя жара, выраженные суточные перепады температур, гололед, наводнения) на фоне снижения адаптивного потенциала и сбоев в функционировании регуляторных систем организма (нервной, эндокринной, иммунной). В числе рисков также опасность повышения уровня смерт-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 09-06-98503.

ности населения из-за увеличения числа несчастных случаев, связанных со снижением безопасности перемещений при изменении параметров льда и погодных условий, ростом стихийных бедствий (наводнения, лесные пожары).

Уже в настоящее время можно констатировать наличие серьезных социально-экономических проблем, вызванных климатическими изменениями. Достаточно вспомнить о ставших с начала XXI в. тяжелым испытанием для властей и жителей республики почти ежегодных катастрофических наводнениях. Сюда же следует добавить увеличение расходов на предотвращение и ликвидацию последствий другого стихийного бедствия — лесных пожаров.

В числе возможных рисков разрушение зданий, дорог, трубопроводов и других объектов инфраструктуры вследствие таяния мерзлого грунта; рост убытков сельскохозяйственного производства; изменение структуры расселения в результате переселений и миграции населения; изменение транспортных схем в связи с более поздним замерзанием и ранним вскрытием рек.

Игнорирование социокультурных проблем, обусловленных явлениями климатического и экологического порядка, может вызвать серьезную дестабилизацию общественно-политической ситуации в республике. К ним в первую очередь, необходимо отнести возможный рост социальной, экологической, этнической напряженности, связанной с чрезвычайными ситуациями (переселения, миграции, стихийные бедствия и др.) и слабой информированностью населения о проблемах глобального изменения климата. Риск усугубляется отсутствием в этой сфере четкой государственной стратегии и концепции развития как на федеральном, так и на республиканском уровнях.

Наибольшее опасение и озабоченность мирового научного сообщества вызывает уязвимость традиционного образа жизни коренных народов вследствие изменения их традиционных систем жизнеобеспечения. Изменение в результате потепления климата ареала расселения и миграции промысловых животных, параметров снежного покрова и речного льда, доступности и структуры кормовых пастбищ; увеличение инфицированности животных, птиц и рыб, вытеснение северных видов представителями фауны и флоры других регионов, уменьшение урожайности ягод и т.д. — все это, безусловно, может крайне негативно сказаться на веками выработанных систе-

мах жизнеобеспечения коренных народов Арктики.

Во многом на решение вышеуказанных проблем направлен наш проект «Народы Арктики в условиях глобальных климатических изменений: устойчивость, трансформации, адаптация», поддержанный РФФИ, целью которого является оценка влияния и последствий глобальных климатических изменений для коренных народов Арктики, чей традиционный образ жизни и способы хозяйствования до настоящего времени базируются на природно-ландшафтной среде обитания. В соответствии с этим предполагается изучение опыта «народной метеорологии» и её сохранности в современных условиях; выявление традиционных механизмов адаптации к чрезвычайным ситуациям; оценка влияния изменения климата на жизнедеятельность населения республики; анализ вызванных климатическими явлениями трансформаций традиционной культуры жизнеобеспечения; исследование потенциала миграции, ее влияния на системы расселения; изучение представлений населения о глобальном изменении климата на Земле; оценка превентивных мер, направленных на предупреждение негативных воздействий на местные сообщества. Основным результатом реализации данного проекта станет разработка научных рекомендаций по предотвращению негативного воздействия изменения климата на человека и общество, методик распространения научных знаний о глобальных изменениях климата.

Предварительные итоги наших социологических исследований 2009–2010 гг. показали, что представители коренных народов Республики Саха (Якутия) в большинстве своем обеспокоены проявлениями погодно-климатических изменений в окружающей среде. На примерах якутских сел фиксируется, что выросший уровень воды в водоемах, наводнения, дожди, оттаивание мерзлого слоя почвы создают реальные трудности для производственных маршрутов и коммуникаций. Ввиду сохранности традиционных занятий коренных народов и прямой зависимости их от природной среды любые изменения в окружающей среде, нарушения экологического баланса могут воздействовать не только на производственные циклы, но и на весь уклад сельской жизни. К максимально негативным последствиям следует отнести угрозу необратимого разрушения сложившейся производственной и расселенческой структуры, что может вызвать массо-

вую миграцию из сельских поселений и прогнозируемую длительную бедность. Проведенные же исследования показали, что в большинстве улусов, где преобладает сельское население, наблюдается отрицательный миграционный прирост. При этом наибольший отток населения происходит из районов, подверженных наводнениям, и приходится на годы катастрофических наводнений, наблюдаемых за последние 10 лет.

В настоящее время опыт адаптации коренных этносов к природно-ландшафтной среде Арктики активно изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями (И. Крупник, К. Иванов, С. Лурье, А. Головнев, Д. Андерсон, М. Наттэл, Х. Такакура, С. Крейт и др.). Менее исследованы стратегии выживания в условиях природных катаклизмов, которые, несомненно, были выработаны аборигенными сообществами, проживающими в регионе с экстремальными условиями жизни. Известно, что у народов Северо-Востока Азии при возникновении опасностей, связанных со стихийными бедствиями, существовали не только защитные механизмы, но и использовался целый комплекс обрядов и ритуалов. Традиционные знания коренных народов могли бы быть востребованы в современных условиях, что значительно смягчило бы возникающие негативные ситуации.

В целом, уже на материалах сел Центральной Якутии проблема глобальных изменений климата может рассматриваться как прямой вызов сложившемуся производственному циклу и укладу сельской жизни коренных народов. В этой связи обеспечение сохранности культурного ландшафта как основы безопасной жизнедеятельности коренных народов определенно вызывает значительные материальные и моральные затраты, которые будут увеличиваться в условиях роста масштаба климатических изменений.

На сегодняшний день можно с достаточной долей уверенности констатировать, что мировое сообщество уже выработало комплекс определенных мер по снижению темпов и величины изменения климата в планетарном масштабе. В гораздо меньшей степени, как отмечается в 4-м докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата, изучены механизмы адаптации и эффективность предпринимаемых мер на региональном и местном уровнях¹.

Различают разные виды адаптации как комплекса инициатив и мер по уменьшению уязвимости естественных и антропогенных систем к

фактическим или ожидаемым последствиям изменения климата: упреждающую, ответную, автономную, плановую, частных и государственных субъектов деятельности. Возможности адаптации социума определяются многими параметрами, прежде всего, производственной базой общества, включающей «природные и созданные человеком основные активы, социальные структуры и права, человеческий капитал и институты, целостное управление, национальный доход, здравоохранение и технологии»². На неё также влияют многочисленные климатические и неклиматические стрессы (бедность, неравноправный доступ к ресурсам, изменение землепользования, эпидемии и т.д.), а также политика государства в области развития.

История арктических народов насчитывает немало примеров успешной адаптации к воздействиям негативных явлений, связанных с погодой и климатом, особенно наводнений и засухи. Тем не менее, в настоящее время требуются дополнительные меры адаптации на региональном и локальном уровнях для уменьшения неблагоприятных последствий изменения климата, темпы которого в высоких широтах растут упреждающими темпами даже по сравнению с другими регионами Земли. Эти меры могли бы уменьшить уязвимость обществ к климатическим изменениям как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе. Особенно важна разработка различных стратегий адаптации на правительственном уровне применительно к таким секторам, как энергетика, транспорт, водное хозяйство, сельское хозяйство, здравоохранение, инфраструктура. К сожалению, существующие препятствия финансового, технологического, поведенческого, политического, социального, институционального и культурного характера зачастую ограничивают возможность осуществления и эффективность адаптационных мер.

Для снижения воздействия негативных последствий изменения климата на социально-экономическое развитие и здоровье населения республики необходимо разработать комплексные меры, направленные на предотвращение и компенсацию всех вышеуказанных проблем. Основой для их разработки должны стать рекомендации и выводы ученых, полученные в ходе реализации специальных научных программ (или государственного заказа) «Влияние климатических изменений на здоровье населения Республики Саха (Якутия)» и «Влияние изменения кли-

мата на социально-экономическое и социокультурное развитие Республики Саха (Якутия)», поскольку с большим сожалением можно констатировать, что в отличие от ученых-естественников и наших зарубежных коллег, изучающих проблемы изменения климата уже на протяжении нескольких десятилетий, мы, ученые, занимающиеся проблемами человека (речь идет не только о гуманитариях), заметно отстаем. На сегодняшний день изучены лишь отдельные аспекты влияния потепления климата на здоровье населения и традиционный образ жизни некоторых малочисленных народов Севера. Необходимы комплексные исследования и совместные усилия этнологов, историков, социологов, медиков, экономистов, экологов, метеорологов и других специалистов, объединенных, одной целью — предотвратить и компенсировать негативное влияние изменения климата на человека, его жизнедеятельность и благосостояние. Рекомендации ученых должны лечь в основу правительственных мероприятий по предупреждению и смягчению негативных последствий климатических изменений на социально-экономическое развитие и здоровье населения республики.

Таким образом, для предотвращения и снижения негативных последствий изменения климата, на наш взгляд, необходимо:

1. Создать систему оценки климатических изменений в регионе, включая этноэкологический мониторинг с участием представителей ко-

ренных народов, ведущих традиционный образ жизни.

2. Разработать профилактические программы по защите населения, необходимые для минимизации неблагоприятных (экологических, экономических, социокультурных) последствий изменения климата.

3. Разработать меры по распространению знаний среди населения о влиянии глобальных изменений климата и достижению социального партнерства в решении этих проблем.

4. Создать с целью предотвращения возможных социальных, этнических, экологических конфликтов, связанных с чрезвычайными ситуациями, Гуманитарный экспертный совет для анализа и разработки научных и практических рекомендаций.

5. Расширить фундаментальные и прикладные научные исследования по влиянию глобальных климатических изменений на здоровье и образ жизни населения.

6. Рассмотреть возможность создания в РС(Я) исследовательского полигона для выработки рекомендаций по предотвращению негативных последствий изменения климата.

ЛИТЕРАТУРА

¹ МГЭИК, 2007: Изменение климата: обобщающий доклад. — Женева, 2007. — С. 56.

² Там же.

S.I.Boyakova, L.I.Vinokurova, V.B.Ignatjeva, V.V.Filippova

Yakutia under the conditions of global climate changes: vulnerability, risks, social adaptation

The paper analyzes potential risks connected with the climate change for the socio-economic position and quality of life of the population of the Sakha Republic (Yakutia) and those measures which need to be undertaken in order to alleviate negative consequences of such influence. The authors, based on the preliminary results of their investigations, underline that the problem of global climate changes may be considered as a direct challenge to the already established production cycle and the way of life in the countryside of the indigenous peoples. In this respect ensuring the preservation of the cultural landscape as a basis of safe livelihood of the indigenous peoples definitely incurs significant material and moral expenses which will be increasing given the growing tempo of climate changes.

Keywords: climate change; vulnerability; risks; socio-cultural problems; indigenous peoples; livelihood; adaptation.

А.Г.Попова

Молодежь народов Севера: этническая идентичность и особенности социальной адаптации

Рассматриваются особенности социальной адаптации и становления этнической идентичности молодежи коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) в условиях глобализации и реформ в российском обществе. На основе эмпирического анализа характеризуется современное состояние процессов адаптации и социализации подрастающего поколения северных этносов. Применение новых подходов в воспитании и образовании детей коренных малочисленных народов Севера, основанных на этнопедагогике с учетом традиционного образа жизни, ориентированных на формирование личности ребенка как представителя того или иного народа Севера, на наш взгляд, уже обнаруживает положительные тенденции с точки зрения формирования этнической идентификации и социальной адаптации молодого поколения.

Ключевые слова: социальная адаптация, этническая идентичность, ценностные ориентации, формирование личности, преемственность поколений.

В конце XX в. в связи с глобальными социально-экономическими изменениями в стране пересматривались сложившиеся за годы советской власти методы формирования личности подрастающего поколения. Методы воспитания северного населения в условиях нетрадиционного образа жизни, без учета этнического своеобразия малочисленных народов Севера: воспитание в интернатах, отрыв от семьи, утеря связи поколений, отрыв и от традиционной, и от новой социальной инфраструктуры — подверглись критическому анализу.

Было признано, что существовавшая система образования и воспитания молодежи Севера формировала ценностные ориентации, которые недостаточно органически сочетаются с традиционной иерархией ценностей в духовной культуре народов, и не обеспечивала полную адаптацию к современным условиям жизнедеятельности¹. В начале XXI в. состояние этнической идентичности детей коренных малочисленных народов Севера специалисты характеризовали как неустойчивое и противоречивое, «размытое», этнически напряженное².

В эти годы исследователями, педагогами разрабатываются новые принципы в образовательно-воспитательной системе коренных малочисленных народов Севера, одной из основных задач которых явилось формирование национального самосознания, основанного на этнической материальной и духовной культуре, языках, эко-

логических традициях и обычаях коренных малочисленных народов Севера. Как отмечает Л.В.Корель³, известно, что нынешние решения, как правило, строятся с учетом предыдущих решений, прошлого жизненного опыта, опыта прошлых адаптаций. Предыдущие адаптации всегда выступают в качестве своеобразного фундамента для настоящих. И в принципе любой адаптивный опыт полезен даже в тех случаях, когда прошлые адаптации и не удались.

Традиционный кочевой образ жизни коренных малочисленных народов Севера в начале XX в. подвергся критике. Перевод же на оседлый образ жизни, воспитание в интернатах нарушили преемственность поколений. Деформация в историческом самосознании, отсутствие социально закрепленного исторического и адаптивного опыта предков, старшего поколения, который должен был быть критерием нравственной самооценки, позитивной этнической самоидентификации, несомненно, усложняли процессы социализации молодого поколения коренного населения.

Как показали ранее проведенные исследования⁴, дети преимущественно не оценивают положительно жизненный опыт своих родителей. На вопрос, хотели бы прожить свою жизнь как Ваши родители, при проведении в 2002 г. исследований семей коренных малочисленных народов Севера ответили отрицательно 78,3% респондентов, хотя в ранее проведенном опросе молодежи (1998 г.) отрицательных ответов было 53,2%. Теряются, обесцениваются наработанные и передающиеся из поколения в поколение спо-

собы приспособления к окружающей среде, традиционные социальные и поведенческие стандарты и стереотипы в новых условиях вызывают дискомфорт, напряжение.

На протяжении XX в. образ жизни коренного северного жителя подвергался пересмотру, что вызывает и передает из поколения в поколение чувство ущемления национального достоинства, создающее проблемы в эмоционально-чувственной сфере, чувство несовпадения с макросоциумом, несоответствия структуре общества, занижение этнической самооценки. Эмоционально-чувственная сфера, сформированная в условиях естественной неторопливой жизни в природе, подверглась прессингу техногенного социума.

Стало предпочтительным, и даже престижным, расширять круг жизнедеятельности, реализации творческих и интеллектуальных способностей. Сами коренные малочисленные народы Севера считают, что в традиционных отраслях теперь заняты менее социализированные представители этносов. В интервью оленеводы, как правило, среди причин выбора профессии указывают: «Я был слаб в учебе, и куда я мог пойти», «Я был недостаточно ловок (имеется в виду расширение социальных связей)» или «У моих родителей не было достаточно средств, чтобы отправить меня учиться».

Из молодежи, охваченной анкетным опросом (2007–2008 гг.) в рамках исследования по проекту «Этносоциальные особенности адаптации коренных малочисленных народов Севера Якутии к изменяющимся условиям социально-экономической среды» программы 32.2 «Цивилизационные процессы этносоциального взаимодействия, социальной модернизации, правотворчества и правореализации в изменяющейся России», только 6,5% занимаются традиционными промыслами, из них для 83,3% молодых (5,4% от общего количества опрошенной молодежи) респондентов традиционные промыслы — основной источник доходов. При этом 75,0% из них считают, что на территориях их проживания нет рынка сбыта, невозможно реализовать продукцию традиционных промыслов, 58,3% связывают это с удаленностью территории, 41,7% — с конкуренцией, 16,7% — с отсутствием государственной поддержки традиционных промыслов.

Старые жизненные цели утрачивают в новых условиях свою значимость и перестают служить ориентиром для адаптации в новых условиях, перестают обеспечивать и удовлетворять

насушенные и перспективные потребности, развитие молодого поколения. Низкая оценка этносоциального опыта родителей приводит к низкому социальному самочувствию, к дезадаптивному состоянию, отрицанию, неприятию, отчуждению имеющихся «социальных опор», призванных активизировать адаптивное поведение.

Усложняется поиск и обретение новых «социальных опор» и «социальных идентификаторов», помогающих сориентироваться и выжить в новой среде. Здесь играет роль множество факторов: возрастная разница респондентов, общая социально-политическая атмосфера на момент опроса, усиление, ускорение глобализационных процессов и неравномерное распределение преимуществ глобализации и т.д.

Несмотря на низкую статусную оценку социального опыта старшего поколения, в 2005–2007 гг., по признанию молодежи коренных малочисленных народов Севера, по итогам анкетного опроса в рамках проекта РГНФ №05-03-03164 «Дифференциация ценностных ориентаций молодежи у народов Республики Саха: этносоциальный и гендерный аспекты» осознание этнической идентификации, «опыт прошлых адаптаций» играет важную роль для 86,4%, и всего 13,6% молодых респондентов считают неважным осознание себя представителем своего этноса (рис. 1)⁵. По мнению Л.В. Корель, опыт прошлых адаптаций, не только личный, но и почерпнутый из жизни предшествующих поколений, играет важную роль в выработке адаптивной стратегии новых поколений⁶.

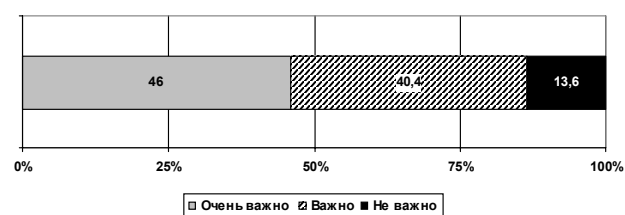

Рис. 1. Ответы на вопрос: «Насколько важно для Вас осознавать себя представителем своего этноса?», %

Как видно из рис. 2, 68,1% молодых респондентов считает, что их национальная принадлежность играет роль в социальных взаимодействиях и их этносоциальном становлении. В отличие от молодого поколения в проводившихся в 2002 г. интервью с представителями коренных малочисленных народов Севера старшего поколения⁷ типично сетование на сложившийся не очень бла-

гоприятный стереотип о народах Севера. Адаптационные трудности на фоне критики традиционного образа жизни обусловили дополнительное понижение этнической самооценки, создавая негативные программы реагирования. Социальная память родителей нынешней молодежи еще несет в себе не востребовавшую этносоциального опыта и социальной активности северных народов в эпоху интенсивного промышленного освоения территорий их традиционной жизнедеятельности.

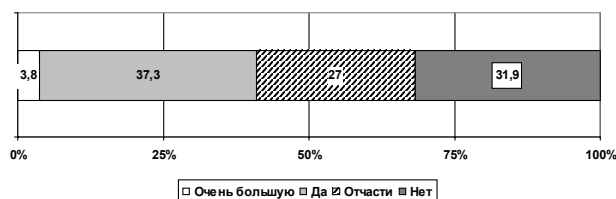

Рис. 2. Ответы на вопрос: «Как Вы думаете, Ваша национальная принадлежность играет роль в Вашей жизни?», %

Как показывают опросы 2002 г., появились новые идеалы, приоритеты в воспитании («быть добрым к родителям, наглым и самоуверенным к другим людям», «чтобы добивались своей цели», «стремление быть образованным»). У незначительного числа родителей (4,8%) были явные поведенческие, культурные и социальные приоритеты: исключительность макросреды и негативное отношение к собственной национальной принадлежности: не любят говорить о своей национальности, стесняются этого, не нравятся мнения других народов о северянах или, в лучшем случае, равнодушны.

В рамках исследования (2007–2008 гг.) по вышеуказанной теме НИР 58,9% опрошенных не придают особого значения национальной принадлежности. Объяснение этого может быть двояким. С одной стороны, действительно, респонденты в силу позитивных (интеграция, общность процессов приспособления социальных систем разного уровня к изменениям в социальных средах) ли, негативных (ассимиляция со знаком минус, утеря самобытности, люмпенизация, маргинализация) ли обстоятельств не осознают особой роли их национальной принадлежности. С другой стороны, отрицание национальной сущности может являться признаком своеобразного мятая — осознанного отказа от усложняющего фактора. 41,1% считают, что их национальность играет определенную роль в их жизни.

В отличие от старшего поколения молодежь народов Севера, воспитывающаяся в период возрождения языков, культуры, национальной системы воспитания, пробуждения этнокультурного сознания, возрождения утерянной «этнической идентичности, а с ней и самобытности, нравственной силы, духовной целостности»⁸, обнаруживает намного более положительное отношение к национальной принадлежности (2007–2008 гг.): 63,7%⁹ респондентов позитивно оценивают свою национальную принадлежность, что, несомненно, укрепляет их адаптивный потенциал. Для сравнения: в 2001¹⁰ г. всего лишь 25,3% молодых северян гордились своей национальностью.

Традиции являются основой адаптивной культуры, нормативно-регулятивными средствами адаптации, «с помощью которых задается направление адаптивной деятельности, определяются ее границы, осуществляется социальный контроль за ходом адаптивного взаимодействия сторон»¹¹. Этнический образ жизни, возникший в результате функционирования производственно-экологических традиций жизнедеятельности коренных народов, — фундамент существования аборигена в северных условиях. Недаром в создававшихся трудных экономических реалиях, пытаясь выжить в сложных социальных перипетиях, народы Севера обращаются к традиционной жизнедеятельности, создавая родовые общины.

Очень низкий уровень жизни, разрушение традиционных отраслей хозяйства малочисленных этносов — оленеводства и промыслов, глубокие социально-экономические проблемы в поселениях коренных малочисленных народов Севера, низкий социально-экономический статус родителей в общей структуре населения республики, иными словами, современное социально-экономическое положение и низкая оценка социального опыта предыдущих поколений не стали для молодежи коренных малочисленных народов Севера фактором, тормозящим интерес к культуре и традициям своих народов. Молодежь видит в них, надо полагать, основу адаптивной культуры, которая обеспечит им удовлетворение насущных и перспективных потребностей, развитие молодого поколения. 49,7% молодых людей стараются сохранить национальные традиции и передают или будут передавать их своим детям. 68,2% — придерживаются традиционного верования.

Таким образом, наряду с утратой культурных ценностей, подсознательным отрицанием своей национальной сущности, процессом дегенерационной адаптации, упрощением или даже отказом от внутренней структуры этнокультурных особенностей, ассимиляционными процессами, коренные этносы переживают и генерационную адаптацию — приспособительные изменения, при которых усложняется и обогащается внутренняя структура субъекта адаптации, заимствуются новые социальные институты.

Изменения во внешней среде, отвержение внутренних духовных структур образа жизни коренных этносов приводит к их дезадаптации, многие представители народов Севера люмпенизируются, утрачивают национально-самобытную культуру, сознание, в большей степени приходя к ритуалистской и ретритистской формам приспособления (по Р.Мертону). В первом случае, «несмотря на то, что культурное предписание “стараться преуспеть в этом мире” отвергается и, таким образом, горизонты сокращаются, продолжается почти безусловное соблюдение институциональных норм»¹².

Ритуалистское приспособление северных этносов в данном случае, скорее, — заполнение идейного вакуума, образованного во время реформ конца XX в. Труднодостижимость, неприятие современных целей и приоритетов здесь обуславливается географическими, климатическими особенностями территорий проживания коренных малочисленных народов Севера, их дисперсным расселением, детерминирующими некоторое запаздывание и непонимание процессов и идеалов макросреды.

«В отличие от ритуалистов, по меньшей мере, соблюдающих нравственные нормы, ретритисты почти не обращают внимания на установленные порядки»¹³. В нашем случае лица, отказавшиеся от борьбы «за место под солнцем», прибегают к алкоголю (по итогам нашего анкетирования — 13,0% опрошенной молодежи употребляют алкоголь по 2 дня и более подряд, что показывает большие предпосылки к хроническому алкоголизму), обнаруживают морально-нравственную дезадаптацию: по данным госстатистики по районам Севера всегда высокие показатели по социально-значимым заболеваниям, таким, как активный туберкулез, злокачественные новообразования, наркологические и психические расстройства, заболевания, передающиеся половым путем. Уровень заболеваемости сифилисом, например, по данным госстатистики, в некоторых на-

селенных пунктах проживания аборигенов возрос почти в 10 раз только за последние 6 лет.

В целом уровень заболеваемости подростков по сравнению со среднереспубликанским показателем по районам проживания коренных малочисленных народов Севера свидетельствует о кризисе приспособленческого потенциала молодежи коренных народов Севера, претерпевающего многоступенчатый, многоуровневый процесс адаптации (рис. 3).

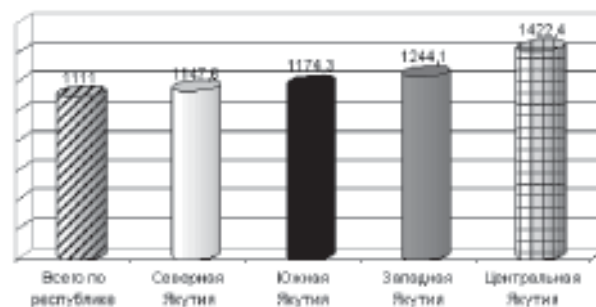

Рис. 3. Заболеваемость подростков в возрасте 15–17 лет в 2008 г. (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 подростков)

Из числа лиц, совершивших преступления в 2008 г., лица в возрасте 14–29 лет составляют в районах проживания коренных малочисленных народов Севера: в северных улусах — 60,6%, в Южной Якутии — 54,8%, в Западной Якутии — 50,3%, в Центральной Якутии — 62,4%. Известно, что отклоняющееся поведение (девиация) является одним из способов адаптации культуры к социальным изменениям.

В связи с проводившейся во второй половине XX в. национальной политикой специалисты разных областей обращали внимание общественности и государства на усложнение становления этнического самосознания, нарушения в этнической самоидентификации, этнопсихологические проблемы взаимодействующих субъектов полиэтнической среды, многоступенчатость процессов интеграции, адаптации, аккультурации, ассимиляции, маргинализации и т.д.

В настоящее время в связи с кардинальными переменами в обществе возникает совершенно новая ситуация с самоидентификацией и адаптацией молодежи коренных малочисленных народов Севера. На данном этапе, как показывают наши исследования, наблюдается некоторая положительная динамика и в этнической самоидентификации, и в самооценке, в интересе к куль-

туре и родному языку молодежи коренных малочисленных народов Севера.

Отмечаются определенные позитивные сдвиги в формировании личности подрастающего поколения. Так, например 64,7% респондентов (2007–2008 гг.) заключают, что размышления о своей национальности привели к выводу, что «мне нравится моя национальность» (ср. 2001 г. – 25,3%). Деятельность и труд энтузиастов развития языков и культуры народов Севера, на которые опираются сегодня этническое будущее народов, сохранение и воспитание носителей традиционных ценностей и идеалов, способных противостоять культурной ассимиляции, всем негативным социальным процессам: маргинализации, аккультурации – сегодня детерминировали вышеуказанные положительные сдвиги.

Существенным средством этнической идентификации является язык. Он признается одним из главных индикаторов этнической идентификации. С точки зрения социологии «идентификация» – процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида с другим человеком, группой, образцом¹⁴, в результате которого «резко интенсифицируются процессы обмена ценностями, типом, характером отношений данных объектов и субъектов идентификации»¹⁵. Этническая общность, по мнению исследователей, обладает «единым языком, общими относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также общим самосознанием (сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований), зафиксированным в самоназвании»¹⁶. Как утверждает С.А. Арутюнов¹⁷, среди совокупности различных коммуникаций, поддерживающих любую общность людей, вербальные коммуникации, проходящие на естественном языке, занимают важнейшее место. Соответственно в общем массиве этнической традиции языковая традиция играет очень большую роль.

В конце XX столетия специалисты отмечали, что «современная языковая ситуация у народов Севера Якутии характеризуется утратой родного языка значительной частью эвенков, эвенов и постепенным переходом этих народностей на якутский и русский языки как родные языки общения»¹⁸. В настоящее время интенсификации языковых процессов, развития многоязычия в условиях глобализации современного общества сохранение языкового разнообразия определяет и характер адаптации молодого поколения малочисленных этносов. Молодежь коренных мало-

численных народов Севера включена в процессы ассимиляции с другими языковыми и этническими социально-коммуникативными системами.

При этом, как показывает наш анкетный опрос (2007–2008 гг.), в той или иной степени знают родной язык 71,3% молодых респондентов (57,4% молодых респондентов пишет и читает на родном), 77,6% их родителей, и всего 40,7% их детей. Принято разговаривать в семье на родных языках народов Севера лишь в 9,9% случаев. 50,0% говорят на якутском языке, 24,2% – на русском, 15,9% – на двух языках: на языке коренных малочисленных народов Севера и русском или якутском.

Таким образом, хотя и наблюдается положительная динамика в росте интереса молодежи к знанию родного языка, языки народов Севера, как и ранее, подвергаются влиянию языка доминирующего общества, языка межнационального общения в регионе. По мнению В.А.Роббека, «исключительным обстоятельством, тормозящим сохранение и развитие языков и культур, является произошедший разрыв поколений не только внутри этноса, но и внутри семьи многих этнических групп народов Севера»¹⁹.

Но здесь необходимо отметить положительную динамику относительно исследований прошлых лет, когда родным преимущественно указывался язык не своей национальности. Так, например, в 2002 г. в семьях представителей коренных малочисленных народов Севера молодежь указывала знание родного языка в 29,0% случаев. Несмотря на создавшиеся исторические условия ассимиляции коренных малочисленных народов Севера в преобладающей социально-коммуникативной среде в XX в., традиционная этническая культура и способ жизнеобеспечения коренных этносов в Республике Саха (Якутия) не были преданы забвению. Сохраненный способ жизнеобеспечения, традиционный образ жизни, связанный с климатическими условиями, явились ценнейшим фундаментом для возрождения и развития языков народов Севера на данном этапе.

Исключительно от современного состояния языковой и культурной ситуации зависит в будущем привлекательность и достоинство этнической идентичности. Коренные малочисленные народы Севера существовали на протяжении множества поколений, которые вносили свой культурный вклад в историю региона, в представления о мире и закономерностях развития северного общества, социализации подрастающего

поколения. Разработка новых подходов в воспитании и образовании, основанных на этнопедагогике, ориентированных на формирование личности ребенка как представителя того или иного народа Севера, на наш взгляд, уже обнаруживает положительную тенденцию с точки зрения формирования этнической идентификации и социальной адаптации молодого поколения.

ЛИТЕРАТУРА

¹ *Винокурова У.А.* Воспитание и образование детей народов Севера. — Якутск, 1997.

² *Павлов С., Мухина В.* Психология этнической идентичности детей коренных малочисленных народов Севера // Развитие личности. — 2001. — № 3–4. — С. 56.

³ *Корель Л.В.* Социология адаптаций: этюды апологии. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1997. — С. 74.

⁴ *Попова А.Г.* Социальная адаптация молодежи коренных малочисленных народов Севера (на примере Республики Саха (Якутия)): Научный отчет / ИПМНС СО РАН. Науч. рук.: Ф.С.Донской. Инв. № 112. — Якутск, 1999. — 61 с.; *Она же.* Современное состояние семьи коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Научный отчет / ИПМНС СО РАН. Науч. рук.: Ф.С.Донской. Инв. № 191. — Якутск, 2003. — 101 с.

⁵ *Проект РГНФ № 05-03-03164:* «Дифференциация ценностных ориентаций молодежи у народов Республики Саха: этносоциальный и гендерный аспекты».

⁶ *Корель Л.В.* Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии и методики. — Новосибирск: Наука, 2005. — С. 168–169.

⁷ *Попова А.Г.* Современное состояние семьи коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия).

⁸ *Набок И.Л.* Этнические проблемы образования // Образование как фактор развития языков и культур этнических меньшинств. Материалы Международного семинара. — СПб. 1998. — С. 58.

⁹ *Проект РГНФ № 05-03-03164:* «Дифференциация ценностных ориентаций молодежи у народов Республики Саха: этносоциальный и гендерный аспекты».

¹⁰ *Попова А.Г.* Социальная адаптация молодежи коренных малочисленных народов Севера на примере Республики Саха (Якутия). — С. 24.

¹¹ *Корель Л.В.* Указ. соч. — С. 280. 425 с.

¹² *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура // Социс. — 1992. — № 2. — С. 118–124.

¹³ *Там же.*

¹⁴ Краткий словарь по социологии. — М.: ИНФРА-М, 2001. — С. 61.

¹⁵ *Этнопсихологический словарь / Крысько В.Г.* — М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. — С. 72.

¹⁶ *Там же.* — С. 320.

¹⁷ *Арутюнов С.А.* Народные механизмы языковой традиции // Язык. Культура. Этнос. — М., 1994. — С. 5.

¹⁸ *Винокурова У.А.* Указ. соч. — С. 31.

¹⁹ *Роббек В.А.* Эвенская национальная школа. Концепция. — Якутск, 1996. — С. 29.

A. G. Popova

The youth of the North: ethnic identity and the specifics of social adaptation

This article deals with the specifics of social adaptation and the formation of ethnic identity among the youth of the indigenous peoples of the North of the Sakha Republic (Yakutia), in the context of globalization and reforms in Russian society. Based on empirical analysis the current state of the processes of adaptation and socialization of the growing generation of northern ethnic groups is characterized. The application of new approaches in the upbringing and education of the children of the indigenous peoples of the North, based on ethno pedagogy taking account of the traditional way of life, oriented at the formation of the child's personality as a representative of one or other people of the North, in our view, already reveals positive tendencies from the point of view of the formation of ethnic identification and social adaptation of the younger generation.

Keywords: social adaptation, ethnic identity, value orientations, personality formation, continuity of generations.

С.И.Боякова

Плавания в восточном секторе Арктики в 1920-х — начале 1930-х гг.

Подробно рассматриваются ход и итоги освоения восточного участка Северного морского пути в 1920-х — начале 1930-х гг., позволившего, наряду с успешным развитием перевозок на западном, Карском, его участке, уже в следующем десятилетии ввести в эксплуатацию всю магистраль. В числе мероприятий, обеспечивших развитие арктического судоходства в рассматриваемый период, автор выделяет восстановление колымских рейсов и продление их до устья Лены, гидрографическое изучение рек бассейна Северного Ледовитого океана, каботажные перевозки вдоль побережья и к островам. Подчеркивается значительный вклад региона и его населения в этот процесс.

Ключевые слова: морское судоходство, Северный морской путь, колымские рейсы, освоение Арктики, Северо-Восток Азии.

Основные этапы освоения Северного морского пути достаточно подробно освещены в научной литературе. Однако если история открытия и ввода в эксплуатацию всей трассы и её западного участка имеют уже довольно солидную историографию, причем эти события рассматривались с разных сторон не только историками, но и экономистами, географами, экологами, то происходившие на восточном отрезке магистрали процессы все ещё остаются слабо изученными. В обобщающих трудах по истории торгового мореплавания на Дальнем Востоке, в основном, в контексте расширения маршрутов дальневосточных пароходств освещается лишь начальный, дореволюционный период плаваний на восточном участке Северного морского пути¹. В специальных работах, посвященных развитию транспорта в регионе в первые десятилетия советской власти, внимание исследователей сосредоточено, главным образом, на железнодорожном строительстве и морских перевозках Дальстроя, наиболее масштабно осуществлявшихся, как известно, в направлении портов Охотского и Японского морей — Нагаево и Ванино². Между тем именно успешные плавания в восточном секторе Арктики, пусть и не столь активные, как морские операции в западной её части, стали основой окончательного освоения Северного морского пути, оказавшего решающее, хоть и не однозначное, воздействие на последующее со-

циально-экономическое развитие всего Северо-Востока России.

Первый коммерческий рейс из Владивостока к устью р. Колымы был совершен по предписанию российского правительства дальневосточной компанией Доброфлот в 1911 г. В последующем эти плавания, благодаря правительственным дотациям, стали ежегодными и получили название «колымские рейсы». Всего с 1911 по 1917 гг. на Колыму морем было осуществлено 7 рейсов, перевезено более 2 тыс. т груза: муки, чая, сахара, бакалейных изделий, строительных материалов и т.д.³. В том же 1911 г. впервые в устье р. Колымы с Аляски прибыла моторно-парусная шхуна «Киттивэк», доставившая норвежского путешественника И.Корена и довольно плотно нагруженная товарами. Однако последующие попытки американцев проникнуть морским путем на Колыму в дореволюционный период были пресечены русскими военными судами, и лишь в период Гражданской войны с прекращением колымских рейсов фактически все снабжение Северо-Востока Азии перешло в руки американских торговцев.

После установления советской власти в Приморье появились реальные возможности для возобновления колымских рейсов, чем незамедлительно решило воспользоваться правительство молодой Якутской республики. Организация первого рейса по этому маршруту была возложена на Наркомторгпром Якутской АССР. В плавание был направлен зафрахтованный у Доброфлота пароход «Ставрополь» (капитан П.Г.Ми-

ловзоров). На борту судна находилось 23,5 тыс. пудов (376 т) различных товаров, закупленных в Шанхае на сумму 150 тыс. руб. золотом. Груз сопровождал представитель Якутского правительства М.Н. Тимофеев-Терешкин. На борту парохода находился также отряд красноармейцев во главе с командиром Э.Г. Светецом и комиссаром В.З. Романовским. Пароход вышел из Владивостока в арктические моря без сопровождения ледокола 21 июля. Затем, приняв некоторые грузы в Петропавловске-Камчатском, судно проследовало на север. Посетив Ново-Мариинск (Анадырь) и бухту Провидения, 9 августа через Берингов пролив оно вошло в Чукотское море. У селения Уэлен «Ставрополь» задержал две американские шхуны, одна из которых была зафрахтована под перевозку оружия для белогвардейских отрядов, действовавших на Севере Якутии. Владелец второй шхуны, груженной товарами, согласился следовать вслед за «Ставрополем» в устье Колымы с тем, чтобы продать там ее советским властям. Поскольку карт и прогнозов ледовой обстановки не было, необходимые сведения капитан П.Г. Миловзоров собрал у местных жителей во время стоянки на Уэлене. Благодаря благоприятной ледовой обстановке и профессионализму опытного капитана рейс прошел благополучно. 21 августа пароход прибыл в устье Колымы, где, выгрузив на мысе Медвежьем груз, отправился в Нижнеколымск. Отряд Э.Г.Светца на шхуне «Уайт Маунтин» прибыл в Среднеколымск и овладел городом, установив там советскую власть. «Ставрополь» же повернул в обратный путь, благополучно достигнув Владивостока 22 октября⁴.

В следующем году ввиду крайней убыточности колымских рейсов правительство СССР приняло решение выделить на их организацию государственную субсидию в размере 102 тыс. руб., что составило примерно половину стоимости плавания в восточном секторе Арктики. В колымский рейс вновь вышел пароход «Ставрополь» (капитан П.Г. Миловзоров), имея на борту 25 пассажиров и 21545 пудов, или 344,7 т (по другим сведениям 351,5 т) грузов. Уже у мыса Сердце-Камень в Чукотском море судно встретило тяжелые льды. С трудом пробиваясь на запад, «Ставрополь» смог к началу сентября дойти только до устья р. Баранихи, где пассажиры вместе с товаром были выгружены на берег. Само же судно вынуждено было зазимовать у о. Шалаурова. Параллельно со «Ставрополем» для снабжения населения Чукотки в 1924 г. Охотско-Камчатским акционерным обществом (ОКАРО) был на-

правлен пароход «Память Ленина», который доставил в бухту Провидения и на мыс Дежнева товары и продовольствие. В следующем году правительство ЯАССР совместно с ОКАРО зафрахтовало пароход «Колыма» (капитан К.А.Дублицкий). Из Владивостока судно вышло 19 июля, 7 августа «Колыма» вошла в Северный Ледовитый океан, 14 августа достигла устья Колымы. Обратное плавание тоже протекало благоприятно, и пароход в начале октября прибыл во Владивосток. Столь же успешным был и колымский рейс 1926 г., который вновь провел капитан К.А.Дублицкий на пароходе «Колыма». Он доставил на мыс Дежнева 11 пассажиров и 67,3 т груза и 6 пассажиров и 426,8 т груза в Нижнеколымск.

В 1927 г. из Владивостока в Арктику было направлено уже два судна: одно — в устье р. Лены, другое — в устье р. Колымы. Колымский рейс 1927 г. осуществил пароход «Ставрополь» (капитан К.А.Дублицкий). Он благополучно доставил к месту назначения 420 т груза.

В дореволюционный период уже выдвигались предложения о продлении колымских рейсов до устья р. Лены. Во многом организация этих плаваний тормозилась недостаточной исследованностью дельты Лены. После изыскательных работ военных гидрографов А.И.Неёлова и П.А.Синицына в 1914 г. глазомерную съемку произвел и составил атлас нижнего течения реки в 1917 г. ленский капитан Н.С.Горовацкий. В годы Гражданской войны правительством А.В.Колчака в 1919 г. в устье Лены была направлена гидрографическая экспедиция под руководством сослуживца адмирала по Русской полярной экспедиции Ф.А.Матисена. В её работе принял участие также якутский инженер Н.Е.Желобцов. В 1920 г. уже после установления советской власти Матисену удалось добиться через Восточно-Сибирское управление водного транспорта продолжения исследований. Экспедицией, в состав которой вошли, кроме него, гидрографы Н.И.Евгенов, П.К.Хмызников, Н.П.Исполатов, Ю.Д.Чирихин, техник А.А.Малиновский (в Якутске из-за болезни заменен Л.Г.Степаненко), комиссар В.Н.Колычев и художник Н.А. Андреев (для сбора этнографических коллекций)⁵, должна была тщательно изучить в гидрографическом отношении Быковскую протоку дельты Лены как кратчайший и наиболее судоходный путь к морю и бухте Тикси, намечаемой местом «прихода морских судов с грузами для Приленского края». Большую помощь в снаряжении и организации экспедиции, как отмечал в своем

отчете Н.И.Евгенов, оказали якутские власти, особенно председатель Якутского ревкома М.К.Аммосов.

В Якутске экспедиции выделили железную баржу «Внучка», которую приспособили под жилье. На другие баржи погрузили продовольствие, 16 голов скота с сеном, вельбот с яхты «Заря» Русской полярной экспедиции 1900–1903 гг. Весь караван потянул вниз по реке пароход «Лена» (капитан Н.С. Горовацкий). 2 июля пароход вошел в Быковскую протоку. Здесь экспедиция разделилась на несколько отрядов. Партия П.К.Хмызникова на гребных шлюпках произвела съемку южного берега Быковской протоки. Группа Н.П. Исполатова исследовала и провела маршрутную съемку островов дельты Лены. Через залив Неёлова гидрографы открыли судоходный фарватер, ведущий к перешейку, отделяющему Быковскую протоку от бухты Тикси. Большую помощь здесь оказал лоцман-якут А.Д. Богатырев. Сам Матисен вместе с бывшим штурвальным парохода «Лена» А.Н.Величкиным отыскал открытое последним еще в начале XX в. Согинское угольное месторождение⁶.

В 1921 г., несмотря на отстранение от руководства экспедицией за связь с А.В. Колчаком Ф.А. Матисена, исследования были продолжены под начальством Н.И. Евгенова. В этом году было решено организовать две партии: описную во главе с П.К.Хмызниковым в составе Ю.Д.Чирихина, географа С.Г.Пархоменко, техника П.Е.Шанина и студента-этнографа Иркутского университета Н.П.Попова и промерную под начальством Н.П.Исполатова в составе техника В.В.Кузнецова, метеорологов А.А.Абрамовой и М.А. Большевой. Кроме того, в экспедицию вошли лекарский помощник И.О.Конанчук, захвост С.Т.Ползунов, студент-художник А.В.Елисеевнин (для этнографических зарисовок), комиссар М.Н.Иванов. В качестве лоцмана был прикомандирован Н.В.Лукин, проводников — местные жители В.Шумилов (Сур), М.М.Татаринов, В.Рас-торгуев. Общее число сотрудников экспедиции, как и в прошлом году, составило 55 человек, включая команду парохода «Сынок» (капитан Ф.К.Шрек) и баржи «Внучка»⁷. Значительную помощь в исследованиях 1921 г. оказали булунский священник Г.С.Шипицын, председатель Усть-Оленекского ревкома Н.Х.Винокуров, представитель потребсоюза «Холбос» в низовьях Лены И.И.Мигалкин. Разбившись на партии, члены экспедиции провели дополнительные изыскания в дельте Лены, поиски выходов из нее на север и запад, сбор данных для организации морского

каботажного вдоль арктического побережья Сибири, а также для развития в районе дельты рыбного и зверобойного промыслов. Впервые была произведена также съемка и промеры Оленекской протоки и морского побережья до устья р. Оленек. По итогам научных изысканий, Н.И.Евгенов выдвинул проект организации в ближайшем будущем каботажного плавания между Леной и Колымой⁸.

Этот проект был активно поддержан правительством Якутской республики. В этой связи следует отметить, что в начале 1920-х гг. выявилось два направления ленско-колымского каботажного. Первое направление выдвигали иркутяне, традиционно предлагая связать обе реки с запада на восток. Подобный проект предоставил в правительство ЯАССР в начале 1924 г. инженер Иркутского Рупвода Л. Минеев⁹. В поддержку проекта за установление морского сообщения между Леной и Колымой в противоположность колымским рейсам из Владивостока высказались Трансплан СССР и Главное гидрографическое управление. Однако недостаток средств и отсутствие необходимых судов типа «река-море» делали данное направление на тот период неосуществимым. Сторонники второго направления считали более приемлемым продление колымских рейсов до устьев Яны, Индигирки и далее до Лены. В пользу второго варианта высказалось совещание Госплана СССР в 1925 г. Исходя из данного решения, правительство Якутии подготовило и осуществило в 1926 г. первое каботажное плавание между устьями Колымы и Лены¹⁰.

Уверенность в успехе экспедиции придавал положительный опыт плаваний между отдельными пунктами побережья Северного Ледовитого океана. В 1925 г. бывшие американские шхуны «Polar bear» и «Nome», получившие соответствующие названия «Полярная звезда» и «Пионер», были приспособлены якутскими торговыми организациями для завоза товаров из некоторых пунктов побережья в устья Индигирки и Колымы, а также на Ляховские острова¹¹. Эти рейсы, безусловно, способствовали накоплению опыта каботажных плаваний в восточном секторе Арктики и подготовили возможность перевозок на более дальние расстояния.

С колымским рейсом 1926 г. в Нижнеколымск прибыл капитан И.А. Корольков, которому было предписано на парусно-моторной шхуне «Полярная звезда» совершить первое плавание на Лену. Шхуна вышла из Нижнеколымска 22 августа 1926 г., имея на борту 41 т груза. Поскольку часть това-

ров следовало доставить в устье Индигирки, «Полярная звезда» направилась сначала туда. Несмотря на неоднократные попытки капитана, судно так и не смогло войти ни в одну из протоков дельты Индигирки. Боясь потерять время, И.А. Корольков принял решение отказаться от захода в Индигирку и идти дальше на Лену. Плавание проходило в трудных условиях: постоянно держался сильный ветер, достигавший 6 баллов, шел снег, сменявшийся дождем; из-за неисправности мотора у острова Столбовый (всего лишь в двух сутках хода до бухты Тикси) произошло массовое отравление команды газом. Шхуну были вынуждены перевести на управление парусами и, таким образом, 27 сентября судно вошло в залив Булункан, завершив первый каботажный рейс с Колымы на Лену¹².

Выдающееся плавание шхуны «Полярная звезда», осуществленное в тяжелейших условиях полярных морей при полном отсутствии карт и лоций, навигационной обстановки фарватеров рек, гидрометеорологического обеспечения, окончательно рассеяло сомнения и доказало возможность организации регулярных каботажных плаваний в восточном секторе Арктики. Уже в следующем, 1927 г., Якутторг расширил свои товароперевозки на шхунах из Быкова мыса в районы Усть-Янска, Аллаихи и из Индигирки на Колыму. Планировалось также организовать каботажное сообщение с устьями Оленека и Анабара¹³.

Для дальнейшего развития морских и каботажных рейсов Якутская комиссия АН СССР приняла решение о начале гидрологического и гидрографического изучения северных рек. В 1927 г. был снаряжен Янский гидрологический отряд под руководством П.К. Хмызникова. Для подготовки плавсредств, на которых должны были проводиться исследования, в верховьях Яны соорудили небольшую судоверфь, на которой местные плотники построили несколько судов. 18 августа отряд смог выйти из Верхоянска на двух вновь построенных моторных катерах и нескольких лодках. В сентябре сотрудники экспедиции достигли селения Казачье в низовьях реки. Главные работы развернулись в устье р. Яны. Гидрографические изыскания были продолжены в 1928 г., в результате были подготовлены атлас и лоция реки. Для обстановки янских фарватеров была учреждена лоцмейстерская служба.

В 1928–1930 гг. значительный комплекс работ провел Индигирский отряд КЯР под руководством Ю.Д. Чирихина. Отряд состоял из девяти постоянных сотрудников и временных рабочих. Еще в навигацию 1927 г. часть снаряже-

ния и продовольствия для экспедиции была направлена из Владивостока на Колыму, которая затем зимним путем была заброшена якутскими организациями к месту назначения. В верховьях р. Момы, правого притока Индигирки, местные власти организовали заготовку леса для постройки транспортных средств экспедиции. Здесь были построены моторные катера «Михаил Стадухин» и «Алазея», лодки и баржа, служившая затем жилищем в период экспедиционных работ. За время пребывания на Индигирке ученые составили лоцию и атлас реки и ее дельты, определили 40 астрономических пунктов, собрали богатый материал по геологии, геоморфологии, зоологии, лесному хозяйству. Участник экспедиции А.Л.Биркенгоф выполнил ценные этнографические исследования¹⁴. Тем самым деятельность Индигирского отряда, как ранее и Янского отряда КЯР, подготовила начало судоходства на северных реках, обеспечила возможность постоянных каботажных перевозок между пунктами арктического побережья Северо-Востока Азии.

В начале 1927 г. правительство ЯАССР вышло с ходатайством в СНК РСФСР об организации пробного рейса из Владивостока в устье Лены. Несмотря на отрицательный отзыв КЯР АН СССР, составленный известным гидрографом В.Ю.Визе, настаивавшим на предварительном научном изучении северо-восточных морей, было принято решение о снаряжении парохода «Колыма» (капитан П.Г.Миловзоров) по маршруту Владивосток – бухта Тикси. Впервые на этом участке Северного морского пути предполагалось применить авиаразведку. С этой целью на борт корабля были погружены 2 гидросамолета типа «Юнкерс» и «Савой» (летчики Э.М.Лухт и Е.М.Кошелев). 21 июня «Колыма» вышла в арктический рейс, имея в трюмах, на случай возможной зимовки, годовой запас продовольствия и 415,2 т разных грузов. Некоторые грузы дополнительно были приняты в японском порту Хакодате и Петропавловске-Камчатском. Гидросамолеты, совершая полеты на незначительное расстояние, не в полной мере могли осветить ледовую обстановку на трассе, поэтому капитан П.Г. Миловзоров вновь собрал сведения о ней у чукчей, останавливаясь на мысах Уэлен и Биллингса. После благополучного прибытия в устье Колымы, пароход отправился далее по маршруту. Лавируя во льдах, «Колыма» вышла в море Лаптевых на чистую воду. 5 августа, на 46 сутки после выхода из Владивостока, судно бросило якорь в бухте Тикси. Подошедший из Якутска пароход «Лена» (капитан А.Д. Богатырев) доста-

вил для отправки во Владивосток ленскую рыбу, соль, сангарский уголь. 11 августа «Колыма» отправилась в обратный путь, 24 сентября пароход вернулся во Владивосток, тем самым впервые проложив маршрут Владивосток — устье Лены.

Успешное завершение первого коммерческого рейса из Владивостока на Лену открыло перспективы завоза товаров и продовольствия для всего Якутского Севера морским путем. Якутские организации планировали сделать эти рейсы ежегодными. Однако следующий рейс на пароходе «Колыма» (капитан П.В. Сиднев) оказался неудачным: судно не смогло дойти до бухты Тикси и, повернув обратно, зазимовало недалеко от устья Колымы у о. Шалаурова¹⁵. Неудача плавания 1928 г. была обусловлена целым рядом причин: тяжелой ледовой обстановкой, недостаточной исследованностью трассы, ошибочной тактикой выполнения рейса и т.д. Учитывая необходимость для плавания в арктических морях специальных судов ледового класса, СТО СССР постановил 27 декабря 1928 г. закупить специально для ленско-колымских рейсов за границей два парохода. Однако это постановление так и не было выполнено. Попытку повторить рейс Владивосток — Лена планировали в навигацию 1931 г. Для этого Совторгфлот собирался перегнать пароход «Кречет» из Черного моря на Дальний Восток; но детальный осмотр судна показал неподготовленность его к полярным плаваниям¹⁶. Таким образом, попытка не состоялась.

Очередной рейс в устье Колымы в 1928 г. поручили капитану П.Г.Миловзорову, который, имея на борту парохода «Ставрополь» 388,7 т различных товаров для Колымы и Чукотки, вышел из Владивостока 23 июня, 10 июля достиг селения Уэлен. Дальше, как обычно, судно продвигалось, опираясь на сведения чукчей о ледовой обстановке. 24 июля «Ставрополь» вошел в устье Колымы. На обратном пути капитан Миловзоров попытался проникнуть к о. Врангеля, чтобы снять оттуда группу советских зимовщиков. Эта попытка окончилась неудачей. 30 октября «Ставрополь» прибыл во Владивосток. В 1929 г. «Ставрополь» также доставил на Колыму 420 т груза, однако на обратном пути у мыса Северного встретил непроходимые льды и вынужден был встать на зимовку.

В навигацию 1930 г. очередной рейс к устью Колымы был организован Якутторгом совместно с Совторгфлотом на пароходе «Колыма» (капитан Д.Н.Сергиевский). На борт было принято 720 т груза. Пароход вышел из Владивостока 26 июня и 15 июля достиг Берингова пролива.

Рейс протекал в тяжелых условиях. Продвигаясь во льдах, судно получило ряд серьезных повреждений, которые команде пришлось устранять на ходу. Тем не менее 6 августа пароход смог прибыть в устье Колымы. Окончив разгрузку 22 августа, пароход вышел в обратный путь, приняв на борт 20 пассажиров, в том числе 11 детей. Преодолевав ледяные поля, «Колыма», вновь получившая повреждения, с трудом продвигалась к Владивостоку. Лишь только благодаря мужеству и профессионализму капитана и экипажа, несмотря на неоднократную опасность зимовки, пароход в октябре успешно вернулся из арктического рейса¹⁷. Последним в ряду «одиночных» колымских рейсов было плавание 1931 г. Из Владивостока на Колыму направились два парохода: «Колыма» (капитан Д.Н.Сергиевский) и «Лейтенант Шмидт» (капитан П.Г.Миловзоров). Вместе с ними в факторию Якутторга в Чаунской губе была послана шхуна «Чукотка» (капитан Фонарев). На пароходы было погружено около 2000 т товаров, в том числе около 1600 т муки. 1–2 июля суда покинули Владивосток и 31 августа — 3 сентября достигли Колымы. На обратном пути, встретившись с непроходимыми льдами, пароход «Лейтенант Шмидт» зазимовал в Чаунской губе, а пароход «Колыма» — у мыса Изба (о. Шалаурова). Шхуна «Чукотка» не смогла добраться до места назначения и, попав в ледовый плен, была раздавлена льдами у мыса Северный. Ее экипаж был спасен пароходом «Колыма»¹⁸.

Таким образом, к началу 1930-х гг. установились устойчивые, хотя и сезонные, транспортные связи Центра с северо-восточным побережьем Чукотки и Якутии. Этому в значительной мере способствовали осуществленные в 1920-е гг. мероприятия: восстановление и продление до устья Лены колымских рейсов, гидрографическое описание и научное изучение северных морей и рек, развитие каботажных перевозок между пунктами арктического побережья Якутии и островов Северного Ледовитого океана.

По сравнению с плаваниями в западном секторе Арктики полярное судоходство на восточном участке Северного морского пути развивалось более медленными темпами. Колымские рейсы все еще имели единичный, экспедиционный характер. В то время как карские операции приносили вполне ощутимую прибыль, судоходство на Северо-Востоке Азии оставалось нерентабельным, весьма затратным мероприятием. В отличие от карских операций, где уже широко применялись ледокольная проводка и авиараз-

ведка, начала действовать служба ледовых прогнозов, колымские рейсы проводились не только без ледокольного сопровождения, при неразвитости сети радио- и метеостанций, но и в условиях недостаточной изученности условий плавания, необорудованности морской трассы и речных подъездных путей к ней. При отсутствии службы ледовой разведки сведения о состоянии льдов получались от местных жителей — чукчей и эскимосов; следует отметить, что эти данные всегда были предельно точны. В таких условиях плавания в арктических морях были сопряжены с большим риском, достаточно вспомнить, что из девяти навигаций 1923—1931 гг. три сопровождалась зимовками. В этих случаях прибрежные жители также оказывали большую помощь: снабжали команды кораблей меховой одеждой, свежим мясом, содействовали в установлении связи с властями и организаторами рейсов. Несмотря на всерастущий объем завозимых в устье Колымы и на северо-восточное побережье Чукотки товаров, в полной мере обеспечить потребности в них населения и хозяйственных организаций региона не могли. Поэтому с середины 1920-х гг. товары по договоренности с Пушносиндикатом СССР и Якутторгом с Аляски завозила американская фирма О.Свенсона. Его шхуны «Елизиф», «Кориза», «Наннук» и другие до 1932 г. ежегодно доставляли 350—400 т груза на мыс Северный, в Чаунскую губу, устье Колымы, позднее — в устье Индигирки¹⁹.

В целом же, к началу 1930-х гг. относительно устойчивые транспортные связи с метрополией установились лишь на восточном побережье Чукотки. Весь Якутский Север оставался фактически отрезанным от Центра. Слабость транспортных связей с индустриально развитыми центральными областями страны сдерживала развитие производительных сил региона. По-прежнему остро стояла проблема снабжения населения северных районов продовольствием и товарами первой необходимости. Восстановление постоянных рейсов между Владивостоком и Колымой не могло полностью разрешить проблемы снабжения, так как этим путем удавалось обслужить лишь небольшую часть территории, прилегающей к р. Колыме. Большинство этих проблем было успешно решено уже в следующем десятилетии после ввода в эксплуатацию трассы Северного морского пути, что стало все-таки возможным благодаря освоению его восточного, наиболее сложного участка, в 1920-х — начале 1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бянкин В.П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке. — Владивосток, 1979; *Он же*. Дальневосточное морское пароходство. 1880—1980. — Владивосток, 1980; *Он же*. Морской транспорт СССР — к 60-летию отрасли. — М., 1984 и др.

² Медведева Л.М. Развитие транспорта и его роль в освоении Дальнего Востока СССР (20—30-е годы XX века). — Владивосток, 2002; Навасардов А.С. Транспортное освоение Северо-Востока России в 1932—1937 годах. — Магадан, 2002; Поздняков А.Ф. Морское судоходство на Северо-Востоке России (1924—1937 гг.) // Актуальные вопросы гуманитарных наук: Студен. сб. науч. работ соц.-гуманит.фак. / Отв. ред. Р.П. Корсун. — Магадан, 2003. — Вып. I. — С. 40—42; *Он же*. Становление морских транспортных связей на Севере Дальнего Востока России в 1920-е годы // Университет в регионе: наука, образование, культура: Материалы науч.-практ. конф., [Магадан], 5—6 дек. 2006 г. / отв. ред. Е.М.Кокорев, Л.П.Бирюкова. — Магадан, 2007. — С. 84—87; *Он же*. Морское судоходство на севере Дальнего Востока СССР в 20—50-х гг. XX столетия: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Томск, 2010 и др.

³ См. подробнее: Боякова С.И. Колымские рейсы в начале XX века // Исторические исследования в РС(Я): проблемы и перспективы. — Якутск, 1999. — С. 86—97.

⁴ Белов М.И. Советское арктическое мореплавание. 1917—1932 // История открытия и освоения Северного морского пути. — Т. 3. — С. 226—228; *История Якутской АССР*. — Т. 3. — С. 101. См. также воспоминания участника плавания М.Н.Тимофеева-Терешкина «На рубеже двух эпох», хранящиеся в НА РС(Я). Ф. 1365. Оп. 1. Д. 35.

⁵ Интересные этнографические зарисовки Н.А.Андреева, репрессированного в конце 1930-х гг., хранятся в Иркутском областном художественном музее.

⁶ Евгенов Н.И. Экспедиция в устье рек Лены и Оленека. — Л.: Изд-во АН СССР, 1929. — С. 11—18, 24—27, 120.

⁷ Попов С.В. Гидрограф Н.И.Евгенов — Якутск: Кн. изд-во, 1988. — С. 28—29.

⁸ Евгенов Н.И. Указ. соч. — С. 37—43.

⁹ НА РС(Я). Ф. 52. Оп. 1. Д. 50. Л. 1—20.

¹⁰ Белов М.И. Указ. соч. — С. 228—229, 258—259.

¹¹ Чирихин Ю.Д. О каботажном плавании вдоль северо-восточных берегов Якутии // За индустриализацию Советского Востока. — 1932. — № 3. — С. 240.

¹² Белов М.И. Указ. соч. — С. 259—262.

¹³ НА РС(Я). Ф. 50. Оп. 1. Д. 180. Л. 50.

¹⁴ Белов М.И. Указ. соч. — С. 264—65.

¹⁵ Там же. — С. 269—73.

¹⁶ НА РС(Я). Ф. 605. Оп. 1. Д. 76. Л. 59—59 об, 72.

¹⁷ Белов М.И. Указ. соч. — С. 237—241, 249—256, 385—386, 393—396.

¹⁸ Там же. — С. 396—397; НА РС(Я). Ф. 605. Оп. 1. Д. 205. Л. 127—129.

¹⁹ НА РС(Я). Ф. 605. Оп. 1. Д. 203. Л. 11. Д. 76. Л. 18.

S.I. Boyakova

Sailings in the eastern section of the Arctic in the 1920s and the beginning of the 1930s

The article considers in detail the process and the results of the development of the eastern section of the Northern Sea Route in the 1920s and the beginning of the 1930s which allowed already in the next decade to start the exploitation of the whole seaway alongside the successful development of transports on its western, Kara, section. Among the actions which ensured the development of Arctic navigation within the time slot considered, the author distinguishes the restoration of Kolyma voyages and their lengthening until the mouth of the Lena River, the hydrographic study of the rivers of the basin of the Arctic Ocean, cabotage transports along the coast and to the islands. A considerable contribution from the region and its population are underlined.

Keywords: sea navigation, the Northern Sea Route, Kolyma voyages, the development of the Arctic, north-eastern Asia.

УДК 392.3:006.95(571.54)

Н.Б. Дашиева

Култ Матери-прародительницы и генезис календарных праздников бурят

Статья посвящена истокам возникновения календарных праздников в контексте ранних представлений о Земле-Воде как об универсальной категории всеобщей рождающей матери. На примере бурятской традиции автор анализирует семантический комплекс календарных обрядов и празднеств, восходящих к древнейшим природным культам.

Ключевые слова: календарные праздники, традиционная культура, семантика, реконструкция, мифология, природный культ, жертвоприношение, предковость, тюркомонгольские параллели, историческая трансформация.

Одним из универсалий в мифологии народов Сибири и Центральной Азии является образ Матери-зверя в виде копытных тайги — лосих и оленух. Об этом свидетельствуют названия лося (якутское *тайах*¹, эвенкийское *энин*), имеющие значения и 'мать', и 'лось'². Аналогии им составляют табуированные названия оленя в фольклорном бурятском выражении *эхэ борогшон* и тувинское *кудай* с общим значением 'сероватая мать'³. К этому ряду можно отнести и название матери как *уби/иви* в диалекте бурят Предбайкалья. В словаре Ибн-Муханны оно переводится как 'олень/лань'⁴, а у тувинцев — название оленей вообще⁵.

Материалы этнографии народов Сибири и Центральной Азии показывают, что не только образы лосих/оленух имели функции Матерей-прародительниц. В ранних представлениях населения этого обширного региона сама Вселенная

мыслилась живым существом с функциями всеобщей рождающей матери и отождествлялась с образами копытных тайги и лесостепной зоны⁶.

Религиозно-мировоззренческий комплекс представлений о сопряженности образа Матерей-прародительниц — мифологических лосих/оленух с представлениями о Земле/Вселенной как всеобщем рождающем начале у бурят присутствует в названии — *Орон-Дэлхэй*. В буквальном переводе оно означает 'Олень-Вселенная', а распространенное выражение *Эхэ орон*, посредством которого у монголоязычных народов передается понятие 'Родина-мать', в его прямом значении представляется как 'Мать-олень'. В этих названиях явно просматривается наложение на древние анимистические представления о Земле тотемических идей, связанных с образами оленей.

Фонетическая разновидность термина *тай* как *дай* обнаруживается в корне еще одного названия Земли у бурят — *Дайда-Дэлхээ*. В букваль-

ном переводе это название передает понятие 'мир', 'земля', 'свет'⁷.

Культ космической Матери-прародительницы, «рожающей» планеты, Землю, Луну, Солнце в виде летящей птицы, человека, зверей — весь видимый небесный и земной мир и сопряженные с ее культом сезонные праздники находят яркое отражение в искусстве палеолитического населения Сибири⁸. В символике узоров, выполненных на предметах календарного значения, выражена идея «единства человека со своим родом, племенем, со всей необъятной Вселенной»⁹.

Относительно конкретных форм осмысления календарно-астрономических циклов Б.А. Фролов делает очень важный вывод, что они «строились на реальных совпадениях с этими циклами двух фундаментальных основ бытия — динамики промысловой деятельности и динамики воспроизводства человеческого коллектива»¹⁰.

Совпадение по времени самых ярких событий небесной и земной жизни способствовали формированию в культуре охотничьих племен каменного века Прибайкалья и смежных с ней территорий сезонного праздника, ведущие элементы которого отражали культ Вселенской Матери-прародительницы, тесно переплетенный с главным культом древних охотников — промысловым культом и культом умирающего и воскресающего бога-зверя и тотемизмом.

Так, у эвенков скалы с древнейшими изображениями лосей почитались как родовые святилища — места, откуда происходит род. По представлениям эвенков, в этой скале находился сам зооморфный предок рода в женском образе. Такие скалы с петроглифами являлись центром общественной жизни рода, общественных культов, в особенности самого главного из них — производственного. Здесь, у подножий священных скал *бугады*, лесные охотники разыгрывали свои мистерии, цель которых заключалась в желании магического воздействия на размножение диких промысловых зверей¹¹.

Иллюстрацию процесса последовательного преобразования образа копытного как главного объекта промыслового культа в антропоморфизированный образ Матери-прародительницы тотемического значения представляет петроглифическое искусство Южной Сибири, Западной и Северо-Западной Монголии и Тывы, начиная с эпохи палеолита до энеолита — перехода от камня к металлу.

Археологический материал однозначно демонстрирует оргиастический характер древнего праздника, обусловленного идеей культового почи-

тания мифологических Матерей-прародительниц, образы которых слились с образами тотемов — копытных тайги¹².

Более позднюю историческую параллель празднику энеолитического населения северо-запада Монголии, Тывы и Южной Сибири можно видеть в описании праздника монголоязычных сяньби, данном в «Вэйшу». Фраза из китайского источника: «В последнем весеннем месяце собираются при реке Жао-лэ (Шара-Мурень) и, когда кончается пиршество, соединяются браком». Подобные праздники известны у хунну под названием «сюй»¹³.

Следы оргиастического характера ранних форм бурятского праздника *тайлган*, на наш взгляд, сохранились в двух значениях общемонгольского термина *Үүри*. В бурятском языке посредством его передается понятие ровесники, т.е. люди, имеющие общее время рождения, и он же является названием первого месяца народного календаря монголоязычных народов — месяца *Үүр* (сентябрь) — времени творения-рождения нового года, нового мира.

Семантическую связь двух значений термина можно рассматривать как свидетельство генетических истоков осеннего праздника бурят под названием *Газар-Ухани тайлган* (тайлган Земли-Воды). Эти праздники, издревле являясь праздниками Нового года, в своей основе имеют функциональное единство с историческими типами праздников Центральной Азии и Сибири с ритуальными действиями, направленными на творение-рождение новой жизни, нового мира, стимулирование плодородия Земли-матери, плодovitости животных и размножения родовых обществ.

Параллель бурятскому *Газар-Ухан* (Земля-Вода) в древнетюркское время составляло божество *Йер-Суб*. Другим названием Земли, воспринимавшимся в коллективных представлениях предков монголоязычных народов как Мать-прародительница, является *Этуген*. Халхасские шаманские призывания отождествляют *этуген* с *делхи* 'земля' и *хан гадзар* 'царственная земля'¹⁴.

Главным качеством богини *Этуген* считается производительность¹⁵. А.В. Потанина, наблюдавшая жизнь и быт бурят в конце XIX в., сообщает, что осенью некоторые группы бурят приносили особые жертвы в честь Матери-Земли, представляя ее в образе седовласой старухи¹⁶.

С названием Земли-матери — *Этуген* у народов монгольской культурной общности связан целый пучок семантически родственных лексем, составляющих мифоритуальные тексты культу-

ры. Эти лексемы, означающие такие понятия, как женский детородный орган, родовая территория, род, родовой огонь, младший сын — хранитель семейного очага, жрица огня, огонь и дерево, происходят от общего корня, восходящего к единому понятию 'мать'¹⁷.

Отголоском культового отношения к *Этуген* как к Земле-матери у народов монгольской культурной общности можно считать поклонение пещерам, которым приписывается способность даровать потомство ввиду их ассоциаций с женским детородным органом. Нередко пещеры у бурят носили название 'материнское чрево' (*эхын умай*). Представления о пещере как «женском чреве» сохранялись в памяти народа и в пору распространения ламаизма. В современное время буряты, как и другие народы монгольской культурной общности, почитают пещеры и гроты как чрево Земли-матери, прося у нее «зародыши» душ детей¹⁸.

Мифологический мотив предковости Земли в женском образе для человеческого коллектива присутствует и в синкретическом слове *утоодай*, посредством которого в диалекте бурят Предбайкалья обозначается понятие 'бабушка'. Морфология слова состоит из лексемы *ут*, лежащей в основе названия Земли у монголызычных народов как *Этуген/Утуген* и лексемы *тай/дай*, этимологизируемой как 'мать'.

Все эти названия Земли, наделенной способностью производства и воспроизводства, относятся к дошаманской картине мира с идеей оживотворения самих объектов природы, в то время как собственно шаманские представления относятся к жизни душ, как нерожденных, так и живущих в загробном мире.

В шаманизме сибирских народов древние воззрения о Земле как рождающей матери воплотились в представления о телесной душе, которую даруют женские божества. Якуты эту душу называют *буор-кут*, т.е. 'земля-душа'. По поверьям якутов, элементы *кут* вложены в землю, в воздух, в женщину, они даются матерью, а не отцом, а образует из них одно целое богиня Айыыһыт¹⁹.

Култ Земли-прародительницы в виде традиции почитания отдельных гор как подателей *кут*, был известен в религии древних тюрков. У тюрков Первого каганата в качестве такого божества почитался хребет Бодын-Инли, который по-китайски означал «дух-правитель страны», или «бог земли»²⁰. У тюрков Второго каганата таким покровителем был *Отукен* (сравни с *Этуген*). Этим именем называлась обширная горно-таежная об-

ласть в Хангае и, отчасти, в Саянском нагорье, простиравшаяся от бассейна верхнего течения Селенги до верховьев Енисея, включая один из северо-восточных районов современной Тывы. *Отукан* считался женским божеством, давал *кут* — священную благодать кагану...²¹.

Южные алтайцы считали, что *кут* дает Алтай. К нему они обращались в своих молениях, прося дать *кут* прежде всего на детей²².

У тюрков Южной Сибири эти функции были перенесены на образы духов-хозяев местности, гор, тайги и т.д. в женском облике. Представлялось, что они давали жизненное начало (*кут*), свойственное не только людям, но и домашнему скоту, зверям, растениям²³.

Параллель тюркскому *кут* у бурят выражена словом *хутаг*, которое дает женское божество *Хутагта-хатан ийбии* — супруга божества Баян-Хангая. В буквальном переводе имя богини означает: «Владелица зародышей душ хатан-мать».

Вместе с тем, судя по текстам благодарственных молитв осеннего праздника у нукутских бурят, хозяин Земли Баян-Хангай оказывает общее влияние на ее плодородие и в этом проявляется функциональная связь его образа с образом Земли-матери²⁴.

Женские истоки образа духа-хозяина леса Баян-Хангая обосновывает морфология имени духа-хозяина леса у якутов — Байаная, образованного от двух тюркских слов: *бай+ана* (мать). В обряде, посвященном этому божеству очень хорошо отслеживается генетическое единство образов и функций духов-хозяев земли и духов воды, восходящее к древнему единому культу Земли-Воды. Так, якуты Байанаю весною, как только вскроется река, на берегу у воды ставят две палки, с натянутой между ними волосаной веревкой, с цветными лоскутками и пучками конских волос; в реку бросают масло, олады²⁵.

Появление мужского образа духов-хозяев Земли привело к разделению образа некогда единого божества в зооморфном облике с функциями всеобщей Матери-прародительницы и, соответственно, формированию парных божеств в образах мужа и жены или отца и дочери. Например, у балаганских булагатов хозяин всей Земли — Дайда-Дэлхээн-эжин представлялся в образе седого старика, покровителя людей, а жена его — старухи с белыми волосами — Дэлэнтэ-Сагаан-хатун (иби)²⁶. Определение *дэлэнтэ* (букв. 'обладающая выменем') в имени женского божества, указывает на ее былой животный облик и функции Матери-прародительницы в ее связи с Землей как всеобщей рождающей матерью.

В локальных традициях бурят память о празднике, посвященном почитанию слитного образа Матери-Земли, сохранилась в названии осеннего тайлгана как *Дэлхээ-Дайдын тайлга*. В исследуемый период жертвы на этом тайлгане предназначались духу-хозяину обширной тайги и зверей — Баян-Хангаю²⁷. Здесь мужской образ заменил ранний женский образ духа-хозяйки диких животных, которой, в свою очередь, предшествовал оживотворенный образ самой Земли-Матери, явившийся причиной возникновения «женских» духов тайги. У бурят хорошо сохранились предания о дочери хозяина тайги, одаривающей богатой добычей полюбившегося ей охотника.

Аналогичные мотивы существуют у алтайцев, где дочь духа-хозяина тайги и гор представляется в образе рыжеволосой женщины. У всех алтайских племен бытует поверье: если охотник во сне любил женщину — непременно будет удача²⁸.

Непосредственное отношение к древнему культу Земли-матери имело и почитание гор с функциями прародительниц, бывших охотничьих угодий отдельного бурятского рода. Кроме бурят, в исследуемый период культ родовых священных гор в его связи с культом Земли-прародительницы ярко проявлялся в традициях шорцев, челканцев, кумандинцев, тубаларов, как и у других народов Саяно-Алтая — хакасов и тувинцев²⁹.

Согласно материалам А.В. Анохина, духи гор у алтайцев выделяются в самостоятельную категорию. Человек видит в них своих благодетелей, от которых он получает земные блага: устранение от людей злых духов, умножение скота, здоровье для людей. По представлениям алтайцев, духи гор живут в среднем мире, как и человек. На этом основании духов этой категории алтайцы называют духами воды и земли (*jar-su*), духами горных ледников (*jasim tajka*) и духами гор (*алтай*). Общее название этих духов «хозяин». Они являются духами конкретной горы, реки, озера, скалы³⁰.

Представителем рода в сношениях с родовой горой был шаман³¹.

Духам гор алтайцы приносят кровавые жертвоприношения (кобылицу и брызгают смесью из молока и толокна). Жертвоприношение совершается при полном шаманском ритуале, но всегда на другой день после *устугю* (жертвоприношение небесному божеству Ульгеню и его сыновьям). Отдельно от *устугю* духам гор кровавых жертв не приносят³². Служение при жерт-

воприношении сопровождается специальными шаманскими песнопениями. Песня духам гор носит название «Земля и воды мои, имеющие семь дверей»³³.

В древности в обрядовых почитаниях Земли-матери ведущую роль играли женщины-матери. Если женщины совершали с родственным коллективом по женской линии родовые жертвоприношения, то у тюркомонгольских народов жрицы этих обрядов носили одно и то же название. У монголов, бурят, якутов, алтайцев, торгутов, киданей, киргизов — *утаган*, *удаган*, *уда-бан*, *убакхан*, *утыган*, *утюгун*, *идиан*, *дуана*, татарское — *юдеге*, с общим значением 'хозяйка', 'жена'³⁴. В свете общности ранней истории тюркомонгольских народов, испытавшей на себе влияние культуры кочевых иранских племен, полагаем, что эти названия имеют индоевропейские истоки. Так, в санскрите *udaka* — 'вода', 'жертвоприношение предкам', *ydgar* — 'жрец-певец', *ydga* — 'петь, запевать'³⁵. Указанные санскритско-тюркомонгольские лексические параллели отражают не базовый словарь, а культурную лексику. В истории культуры тюркомонгольских народов эта лексическая общность сложилась, начиная с эпохи ранней бронзы в результате контактов центральноазиатского и южносибирского аборигенного населения с пришлыми индоевропейскими племенами.

Интерес для истории календарных праздников бурят — тайлган представляет следующее обстоятельство: в то время как женщины-жрицы у тюркомонгольских народов носят общее имя, шаманы же по названиям отличаются. Лишним доказательством появления шаманов в праздниках такого типа как более позднего явления, чем женское шаманство, служит тот факт, что шаманы в своих камланиях связывались не с Землей-прародительницей, а выступали посредниками в установлении связей с духами-хозяевами отдельных объектов. В ранней форме праздников подобного типа тюркомонгольские народы обходились без посредничества шамана. Женщина — глава матриархального родового коллектива непосредственно сама обращалась с просьбами к своим женским предкам, главной из которых была Земля-прародительница, вода и дерево как ее ипостаси.

В древнем обществе для передачи жертвы Земле-матери не был нужен сакральный посредник — огонь, жертвы клали на землю или подвешивали на дерево. Традиция класть жертвы на землю сохранялась у охотничьего населения таежного мира и тогда, когда сформировались

представления о духах-хозяевах земли. Например, еще в начале 30-х гг. прошлого века у эвенков выражение «положить на землю», «оставить» означало «отдать духу-хозяину земли». Запрет поднимать пищу, упавшую на землю, эвенки объясняли тем, что она уже «съедена» хозяином земли³⁶.

По всей вероятности, к обычаю подвешивать жертвы на дерево, восходит форма обряда *зухэли*, составляющего основу тайлгана с кровавыми жертвоприношениями у бурят. Представления, обусловившие эти формы жертвоприношений, были связаны с воззрениями о Земле как всеобщей рождающей матери и Дереве-матери как дочери Земли, или ее ипостаси. Такое же значение как Земля-мать имела и Вода-мать³⁷.

В шаманизме бурят Предбайкалья конца XIX в. память о древнем культе Земли с функциями Матери-прародительницы под названием *Этуген* сохранялась в повсеместной традиции устройства отдельной семьей весной в начале травостоя либо осенью после сенокоса обряда жертвоприношения молочными продуктами и молочной водкой духу-хозяину унавоженного луга при зимней усадьбе (*Утуга*). Обряд назывался *Утэгэй тайлга*, жертвы приносились божеству Үнэр-сагаан-баабай (Отец-податель белого изобилия)³⁸, имя которого указывает на его функции в обеспечении плодородия.

У бурятских скотоводов Предбайкалья память о культе женских божеств с функциями Матерей-прародительниц сохранялась в женском тайлгане *тохореон* (круг/круговорот), в названии которого усматривается календарный характер праздника. Преемственность его обрядности с охотничье-промысловым типом хозяйства и культуры проявлялась в почитании в качестве гения-покровителя праздника, дочери духа-хозяина тайги и таежных зверей Баян-Хангая³⁹. Повсеместно его устроителями и участниками были только замужние женщины, а в качестве почетного лица около символа мирового древа в виде березовых веток, сажалась старейшая женщина (*туургэиш хатан* — госпожа туургэ). На тайлгане жреческие функции исполняла пожилая многодетная и почтенная женщина. Жертвоприношения совершались молочной водкой, пенкой и саламатом духам-покровителям молочных коров⁴⁰.

В генезисе женским праздником был и тайлган под названием *дэлбэргэ*. В исследуемый период этот праздник устраивали осенью буряты эрхидеевских родов (булагаты), в нем самое активное участие принимали женщины. В структуру праздника входили обряды коллективных жертвоприношений небожителям и духам-владыкам гор и рек⁴¹. Название праздника восходит

к понятию «изобилие», «размножение», «плодородие», источник которого заключался в пестрой веревке из конского волоса (*дэлхэн*).

Осенний праздник группы булагатских родов, объединенных по имени общего первопродка Эрхидея, имеет генетическую общность с весенними календарными обрядами якутов-скотоводов. Так, якутские женщины весной в честь духа-хозяйки местности устраивали обряд под названием *дэлбиргэ ыйаһын* (привязывание дэлбиргэ). Это был исключительно женский обряд, если мужчины присутствовали на празднике, то они переодевались в женское платье.

В воззрениях якутов дух-хозяйка земли или местности представлялась добродетельной старой женщиной, заботящейся о жителях данной местности и их скоте. Представлялось, что она живет в старых развесистых деревьях. У такого дерева все участники устраивали трапезу из мяса, кумыса, суората (разновидность простокваши) с маслом. Обряд вела самая старая из присутствующих женщина. Она, став перед деревом лицом на восток, призывала дух-хозяйку местности, просила ее благосклонности, затем окропляла дерево кумысом, дерево и его ветви обвязывали пестрой волосной веревкой. На веревку были нанизаны пестрые лоскутки тканей, миниатюрные телячьи намордники и ведерки из бересты. К веревке прикрепляли также три чистых птичьих перышка⁴².

Семантика атрибутов, навешиваемых на *дэлбиргэ*, у якутов со всей очевидностью раскрывает функцию обряда. Телячьи намордники и ведерки — знак испрошения у богини изобилия в молоке и размножении рогатого скота. Что касается трех птичьих перышек, то в контексте распространенного у народов алтайской культурной общности знака «душа-птица», их семантику можно интерпретировать как испрошение душ детей.

Приведенные материалы показывают, что генетические истоки календарных праздников бурят восходят к древнейшим представлениям о Земле-Воде как всеобщей рождающей матери, а историческая трансформация данных представлений была обусловлена сменой типов хозяйства и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. — М., 1993. — С. 135.
- ² Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. — М., 1940. — С. 187.
- ³ Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят. — М.; Улан-Удэ, 2001. — С. 181, 182.

- ⁴ Щербак А.М. Названия домашних и других животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. — М., 1961. — С. 134.
- ⁵ Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. — М., 1972. — С. 92.
- ⁶ Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера. — М.; Л., 1959.
- ⁷ Черемисов К.М. Бурят-монгольско-русский словарь. — М., 1951. — С. 198, 231–232.
- ⁸ Ларичев В.Е. Лунные и солнечные календари древнекаменного века // Календарь в культуре народов мира. — М., 1993. — С. 45, 57.
- ⁹ Фролов Б.А. Происхождение календаря // Там же. — С. 7–37.
- ¹⁰ Там же. — С. 27, 29.
- ¹¹ Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (историко-археологические исследования). — Ч. 1–2 (МИА № 18). — С. 315–316.
- ¹² Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). — М., 1989. — С. 39–47, 50–51, 90–98.
- ¹³ Бичурин Н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1950. — Т. 1.
- ¹⁴ Владимирцов Б.Я. По поводу древнетюркского Otuken yis // ДАН. — 1929. — N 7. — С. 134.
- ¹⁵ Банзаров Д. Собрание сочинений. — М., 1955. — С. 268.
- ¹⁶ Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. — М., 1895. — С. 407.
- ¹⁷ Бертагаев Т.К. К этимологии некоторых слов в монгольских языках / Исследования по восточной филологии. — М., 1974. — С. 120–125; Галданова Г.Р. Культ огня у монголов // Труды Института общественных наук. Серия востоковедная. — Улан-Удэ, 1976. — Вып. 27. — С. 149–153.
- ¹⁸ Галданова Г.Р., Жуковская Н.Л., Очирова Г.Н. Культ Даян Дерхе в Монголии и Бурятии // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX — начала начала XX в. — Новосибирск, 1987. — С. 59.
- ¹⁹ Троцанский Н. Эволюция черной веры (шаманство) у якутов. — Казань, 1902. — С. 73.
- ²⁰ Бичурин Н. Собрание сведений... — С. 231.
- ²¹ Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока. — Баку, 1929. — Т. 5. — С. 283.
- ²² Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествия по Алтаю 1910–1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сб. МАЭ. — 1924. — Т. IV. — Вып. 2. — С. 92.
- ²³ Потапов Л.П. Умай — божество древних тюрков // Тюркологический сборник 1972 г. — М., 1973. — С. 281.
- ²⁴ Тушенилов П.М. Шаманские материалы (1948). — Улан-Удэ, 1995. — С. 17.
- ²⁵ Ионов В.М. Дух-хозяин леса у якутов // Сб. МАЭ. — 1916. — Т. IV. — Вып. 1. — С. 1.
- ²⁶ Хангалов М.Н. Собрание сочинений. — Улан-Удэ, 1958. — Т. 1. — С. 445.
- ²⁷ Тушенилов П.М. Указ. соч. — С. 16–20.
- ²⁸ Потапов Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока. — Баку, 1929. — Т. 5. — С. 123–149.
- ²⁹ Потапов Л.П. Умай.. — С. 282.
- ³⁰ Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев... — С. 14, 15.
- ³¹ Потапов Л.П. Умай... — С. 283.
- ³² Там же. — С. 16.
- ³³ Там же. — С. 17.
- ³⁴ Троцанский Н. Эволюция черной веры (шаманство) у якутов. — С. 117.
- ³⁵ Сидоров Е.С. Якутские лексические сходжения. — Якутск, 1997. — С. 123, 129.
- ³⁶ История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки. — СПб., 1997. — С. 120.
- ³⁷ Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (На материале нганасан XIX — начала XX в.). — Л., 1983. — С. 23, 32–33.
- ³⁸ Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. — Улан-Удэ, 1978. — С. 81.
- ³⁹ Хангалов М.Н. Собрание сочинений. — Улан-Удэ, 1959. — Т. 2. — С. 13.
- ⁴⁰ Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. — С. 73.
- ⁴¹ Там же. — С. 47.
- ⁴² Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX — начало XX в.). — Якутск, 1989. — С. 74.

N.B.Dashieva

The cult of the Mother Progenitor and the genesis of Buryat calendar festivals

The article is devoted to the origins of calendar festivals in the context of early conceptions about Land-Water as a universal category of a mother giving birth. The semantic complex of calendar rituals and festivals that go back to the ancient natural cults has been considered on the example of Buryat tradition.

Keywords: *calendar festivals, traditional culture, semantics, reconstruction, mythology, nature cult, sacrifice, ancestry, Turkic-Mongolian parallels, historical transformation.*

Н.Н.Ефремов

Исследования по грамматике якутского языка: итоги, перспективы, проблемы

Освещаются основные итоги, проблемы и перспективы исследований по грамматике якутского языка. Подчеркивается роль грамматических исследований в развитии других отраслей якутского языкознания, прежде всего лексикографии. Постулируется, что в настоящее время одним из перспективных направлений таких исследований являются функционально-семантические, которые должны проводиться на основе методики структурно-семантического моделирования языковых единиц, а также методики полевого структурирования.

Ключевые слова: функционально-семантическая грамматика, лексикография, языковая единица, методика структурно-семантического моделирования.

Основной целью грамматических исследований является создание *академических грамматик*, которые представляют собой теоретическую основу для развития всех отраслей языкознания. От уровня работ по грамматике зависит качество трудов и в других областях языкознания. В якутском языкознании грамматическое направление всегда было и остается одним из приоритетных.

Труды исследователей якутской грамматики имеют непреходящее значение в истории языкознания. Благодаря капитальной грамматике якутского языка, написанной О.Н.Бетлингом¹, начало динамично развиваться не только якутоведение, но и отечественная, и мировая тюркология. Грамматические изыскания Бетлингка были включены и в его двуязычный — якутско-немецкий словарь: здесь были рассмотрены не только лексические единицы, но и грамматические формы (видовые и залоговые формы глагола), а также неполнозначные (служебные) слова. Подобный принцип описания словарных единиц, осуществленный Бетлингом, является первым опытом в формировании и развитии системной лексикографии в якутском языкознании.

В дальнейшем исследователи морфологических категорий якутского языка последовательно продолжили и развили данное направление. Так, системными грамматическими изысканиями Л.Н.Харитоновой² и его учеников, единомышленников была создана теоретическая основа для развития современной якутской лексикографии, которая в настоящее время выходит на передовые рубежи отечественной тюркологии. Ярким свидетельством тому является многотомный «Большой толковый словарь якутского языка», который охватывает лексическое и лексико-грамматическое богатство языка саха.

Вопросы употребления языковых категорий, их полисемия всегда были и остаются объектом интереса для исследователей якутского языка. Они являются предметом функциональной грамматики. В якутском языкознании проблематика функционально-семантических категорий была системно рассмотрена Н.Е.Петровым. При этом Николай Егорович анализировал данные категории с **позиции модальной грамматики**, которая получила обоснование в серии его капитальных трудов³. Надо отметить, что средства выражения языковой модальности и служебные слова (частицы, модальные слова, словосочетания, послелого, служебные имена, союзы) вошли в качестве словар-

ных статей в «Большой толковый словарь якутского языка»⁴, что существенно расширило содержание словаря, придав ему лексико-грамматический, функциональный характер.

В 80-и 90-х гг. прошлого века грамматические изыскания якутских ученых поднялись на новый уровень академических исследований. В результате огромной плодотворной работы группы ученых нашего института были подготовлены и изданы два тома «Грамматики современного якутского языка»⁵. В 1-м томе подробно описан фонетический и морфологический строй якутского языка, во втором — синтаксис. Ответственным редактором первого тома была Е.И.Убрятова.

В написании и редактировании второго тома, кроме якутских лингвистов, активное участие принимали и новосибирские ученые: Е.И.Убрятова (автор теоретической концепции, а также одного из основных разделов), М.И.Черемисина (ответ. редактор), Е.К.Скрибник (член редколлегии).

Во 2-м томе, посвященном синтаксису, были использованы основные достижения и результаты исследований якутоведов, а также их новые изыскания. Это касается, например, разделов, посвященных сложному предложению, формам передачи чужой речи, специфическим средствам формирования и выражения модальных значений, типам предложений по цели сообщения. Следует отметить, что система сложного предложения, в сущности, представлена как множество полипредикативных конструкций (ППК). Как известно, ППК по отношению к сложному предложению является родовым понятием, ибо она (ППК) охватывает не только собственно сложные предложения (разносубъектные ППК), но и традиционно простые — моносубъектные полипредикативные конструкции. Структура и семантика обсуждаемых синтаксических единиц — сложных предложений проанализированы более углубленно. Однако в последующих изысканиях по сложному предложению их следует выделить из системы ППК и описать как разносубъектные построения в связи и отношении с моносубъектными ППК. Подобное представление сложных предложений в рамках ППК позволит рассмотреть в целом синтаксические конструкции якутского языка в аспекте моно- и полипредикативности, что в свою очередь даст возможность осветить синтаксический строй языка более углубленно и системно, выделяя основную структурно-семантическую, предикативную единицу синтаксиса. При этом, забегая немного вперед, от-

метим, что, если ППК в настоящее время являются собой сравнительно освещенную систему синтаксических построений, то монопредикативные конструкции (МПК) изучены только в структурном плане и на основе теории валентности⁶.

В конце XX — начале XXI в. была опубликована серия монографий, в которых освещаются актуальные проблемы полипредикативных конструкций, аналитических средств связи, а также особенности систем морфологических категорий и синтаксических конструкций⁷.

ППК получили освещение с позиции структурно-семантического подхода и в аспекте функциональной эквивалентности (синонимичности) синтетических и аналитических конструкций. Впервые в якутском языкознании было показано, что аналитические ППК с прономинальной (препозитивной) скрепой являются собой периферийные функциональные эквиваленты синтетических и аналитических ППК с постпозитивной скрепой. При этом констатируется, что ядерная позиция последних обусловлена морфоцентрированным постпозитивно-агглютинативным характером строя якутского языка. Кроме того рассматриваемые ППК описываются в структурном плане в сопоставлении с МПК, так как они имеют сходные показатели связи. Подобный системный анализ МПК и ППК нацелен на то, чтобы показать универсальный характер способов и средств связи компонентов синтаксических конструкций разного уровня.

Таким образом, ППК в целом описывались как построения, имеющие морфоцентрированную структуру, изоморфную структуре простых элементарных предложений. Это связывается также с функционированием базовой атрибутивной модели, которое проявляется в синтаксических конструкциях разного уровня, и потому оно квалифицируется учеными как основной закон строя тюркских языков. Как пишут исследователи, структуру «тюркских языков определяют, в конечном итоге, две фундаментальные синтаксические модели этих языков — атрибутивное словосочетание и реализующее предикацию предложение»⁸. Следует отметить, что синтетические и аналитико-синтетические ППК как языковые единицы характеризуются собственными дифференциальными признаками.

Аналитические средства связи были исследованы в структурном и функционально-семантическом аспектах. Были изучены позиционные (одно- и двухместные) и структурные (одно- и многокомпонентные) параметры этих средств, была представлена их смысловая структура.

Морфологическая система якутского языка показана как результат взаимодействия частей речи и морфологических словоизменительных категорий. Словоизменительные категории имени и глагола получили интерпретацию в свете современных теорий петербургской тюркологической и функционально-семантической школ. Авторы «Курса якутской грамматики» при рассмотрении морфологических категорий применили концепцию о классифицирующих признаках частей речи, развиваемую в трудах В.Г.Гузева⁹.

Таким образом, морфологические изыскания были подняты на новый уровень исследований, базирующийся на современных достижениях отечественных тюркологов, которые последовательно развивают теоретические концепции О.Н.Бетлингера, В.В.Радлова и других выдающихся ученых.

Основные положения «Курса якутской грамматики» представляют собой важный этап в создании новой модели грамматики, посвященной морфологическим категориям в функциональном аспекте и синтаксическим конструкциям в ракурсе структурного изоморфизма.

Если до недавнего времени был уровневый подход к изучению языковых категорий, то в последнее время возрастает интерес исследователей к разноуровневым — морфологическим, лексическим, синтаксическим средствам их выражения.

В последнее время грамматистами института при финансовой поддержке РГНФ (2005–2006 гг.) было начато исследование функционально-семантических категорий якутского языка (аспектуальности, темпоральности, таксиса) с использованием методики структурно-семантического моделирования языковых единиц, а также полевого структурирования¹⁰. Данные категории охватываются общей категорией идеи времени, куда включается и категория временной локализованности и нелокализованности. Были освещены глагольные аналитические конструкции (ГАК) с аспектуальным значением, которые представляют собой морфологическое средство выражения обсуждаемой семантической категории. Темпоральность была изучена в разноуровневом плане: морфологическом, лексическом и синтаксическом. Также был описан таксис, который подразделяется на невалентностный, валентностный и фоновый.

В 2008–2009 гг. в рамках плановых научно-исследовательских работ были исследованы дру-

гие функционально-семантические категории: эвиденциальность, каузативность и итеративность¹¹. Было установлено, что эвиденциальность и итеративность в якутском языке в отличие от других флективных языков (например, русский) имеют как ядерные (специализированные, морфологические), так и периферийные (совмещенные) средства выражения. Были проанализированы общие и дифференциальные значения в сфере функционально-синонимичных эвиденциальных конструкций. Кроме того было продолжено изучение ядерных средств функционально-семантического поля аспектуальности¹² на уровне трехкомпонентных конструкций, что является новым направлением в якутской аспектологии.

На материале якутского языка была рассмотрена крупная составляющая единица текста сложное синтаксическое целое (ССЦ). В качестве объекта исследования было выбрано ССЦ с прономинальными скрепами¹³, которое используется и в формировании аналитических сложных предложений. Подобное применение скреп показывает, что определенные языковые единицы характеризуются общими средствами связи не только на уровне предложения (высказывания), но и на уровне текста. Данным положением подтверждается известная концепция Г.П.Мельникова о том, что определяющей чертой (доминантой) строя тюркских языков является «принцип экономии аффиксов», обуславливающий важнейшие особенности языка на всех уровнях¹⁴.

Наряду с функционально-семантическими и синтаксическими исследованиями, были разработаны и актуальные проблемы словообразования, фразеологии¹⁵. При этом единицы данных лексико-грамматических систем были проанализированы, прежде всего, с позиции билатерального — структурно-семантического подхода, что, как уже отмечалось, было использовано и при рассмотрении функционально-семантических категорий. Если грамматические исследования проводились на основе методики полевого структурирования, то в лексико-грамматических изысканиях применялся принцип полевого структурирования тех или иных систем обозначений.

Таким образом, и функционально-семантические, и лексико-грамматические исследования в якутском языкознании основывались на общем принципе полевого структурирования.

В настоящее время перед якутскими исследователями стоит задача — создать новые модели грамматик, основанные на достижениях отече-

ственной науки о языке, а также якутского языкознания. Продолжаются исследования других функционально-семантических категорий якутского языка: залоговости, локативности, определенности/неопределенности, качественности, количественности и др.

Основной целью исследований является создание новой модели грамматики, учитывающей основные системные особенности якутского языка.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Бетлингк О.Н. О языке якутов / Пер. с нем. — Новосибирск, 1990.

² Харитонов Л.Н. Неизменяемые слова в якутском языке. — Якутск, 1943; *Он же*. Современный якутский язык. — Якутск, 1947; *Он же*. Типы глагольной основы в якутском языке. — М.; Л., 1954; *Он же*. Формы глагольного вида в якутском языке. — М.; Л., 1960; *Он же*. Залоговые формы глагола в якутском языке. — М.; Л., 1963.

³ Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. — Якутск, 1978; *Он же*. О содержании и объеме языковой модальности. — Новосибирск, 1982; *Он же*. Модальные слова в якутском языке. — Новосибирск, 1984; *Он же*. Модальные сочетания в якутском языке. — М., 1988; *Он же*. Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке. — Новосибирск, 1999.

⁴ Большой толковый словарь якутского языка. Т. 1. — Новосибирск, 2004; Т. 2. — Новосибирск, 2005; Т. 3. — Новосибирск, 2006; Т. 4. — Новосибирск, 2007. — Т. 5. — Новосибирск, 2008; Т. 6. — Новосибирск, 2009.

⁵ Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика, морфология. — М., 1982; Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2-й. Синтаксис. — Новосибирск, 1995.

⁶ Попова Н.И. Монопредикативная конструкция в якутском языке. 1995 [Рукопись].

⁷ Данилова Н.И., Попова Н.И., Ефремов Н.Н. Курс якутской грамматики. Система морфологических категорий и синтаксических конструкций. — Якутск, 2004; Данилова Н.И. Смысловая структура аналитических средств связи в якутском языке. — Новосибирск, 2001; Ефремов Н.Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. — Новосибирск, 1998.

⁸ Гузев В.Г., Насилов Д.М. Г.П. Мельников и тюркология // Российская тюркология. — 2010. — № 2. — С. 37.

⁹ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя (На материале староанатолийско-тюркского языка). — Л., 1987; *Он же*. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (На материале староанатолийско-тюркского языка). — Л., 1990.

¹⁰ Ефремов Н.Н., Данилова Н.И., Попова Н.И. Функционально-семантические категории в якутском языке (темпоральность, аспектуальность, таксис). 2005–2006. [Рукопись].

¹¹ Ефремов Н.Н. Категория эвиденциальности в якутском языке. 2008–2009 [Рукопись]; Данилова Н.И. Каузативность в якутском языке. 2008–2009 [Рукопись]; Самсонова Е.М. Итеративность в якутском языке. 2009 [Рукопись].

¹² Попова Н.И. Бивербальные конструкции с аспектуальной семантикой в якутском языке. 2009 [Рукопись].

¹³ Сивцева Н.А. Сложное синтаксическое целое с аналитическими скрепами (указательное местоимение *ол* и его производные). 2008–2009 [Рукопись].

¹⁴ Гузев В.Г., Насилов Д.М. Указ. соч.

¹⁵ Готовцева Л.М. Структурно-семантические особенности субстантивных, адъективных, адвербиальных фразеологических единиц якутского языка. [Рукопись]; Иванова И.Б. Лексико-семантическая классификация отглагольных имен существительных в якутском языке [Рукопись].

N.N.Yefremov

Investigations in Sakha grammar: Results, perspectives, problems

The article highlights the main results, problems and perspectives of research on Sakha grammar and underlines the role of grammar investigations in the development of other branches of Sakha linguistics, first and foremost lexicography. It is postulated that nowadays one of promising directions of such investigations are functional-semantic ones which must be conducted based on the method of the structural-semantic modeling of linguistic units as well as the method of field structuring.

Keywords: functional semantic grammar, lexicography, linguistic unit, method of structural-semantic modeling.

В.А.Роббек

О новом подходе к исследованию грамматики тунгусоманьчжурских языков

Существенно дополнен круг проблем, которые изложены в предыдущих авторских исследованиях грамматического строя эвенского и других тунгусоманьчжурского языков, рассматриваемых в функционально-семантическом аспекте. Автор предлагает отдавать предпочтение в исследованиях языка интроспективному взгляду самого носителя языка и тому, как в языке отражаются национально-культурные и индивидуальные свойства говорящего.

Ключевые слова: современное направление в лингвистике, теория функциональной грамматики, тунгусоманьчжурские языки, функционально-семантическая категория, языковая форма, функционально-семантическое поле, темпоральность, модальность, нумеративность, персональность, аспектуальность, категориальная ситуация.

Традиционная грамматика за более чем 20 веков выработала свою стройную теорию, методу и методологию исследования языков и превратилась в универсальную для описания почти всех языков мира, став фундаментальной и основополагающей во всех исследованиях сущности языка. Исследования, исходящие из принципа системности, находящие выражение в членении ее предмета на отдельные уровни, позволяют существенно раскрыть особенности значений и форм ее предмета. Эта грамматика, структурированная по модели, выработанной в индоевропейских языках, берет свое начало из восьми частей речи, выделенных Аристотелем (384–322 гг. до н.э.). На развитие данной грамматической теории оказали огромное влияние грамматика и логика Пор-Рояля («Всеобщая рациональная грамматика» А.Арно и К.Лансло (1660 г.) и «Логика, или искусство мыслить» А.Арно и П.Николя (1675 г.)).

Выдающийся ученый Эрнест Геккель в 1899 г. в Штутгарте опубликовал книгу «Семь мировых загадок», где шестой загадкой он называет человеческий язык, и выразил надежду, что поколение исследователей в грядущем XX в. откроет загадки этого явления.

Языкознание XX столетия характеризуется возникновением новых направлений и новых аспектов изучения языков.

В настоящий момент продолжается совершенствование теории, методов и методологии исследования, разрабатываются различные подходы к изучению языков.

Подход к фактам языка с точки зрения функционально-семантических категорий, т.е. функциональной грамматики, не нов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что системные исследования все еще не осуществлены на основе этой теории даже в русском языке, не говоря о тунгусоманьчжурских. Тем не менее за последние годы усилиями некоторых специалистов в этой, по существу, новой области подхода к фактам языка сделано немало.

Наш подход во многом опирается на теорию понятийных категорий. Эта теория имеет свои истоки, связанные с именами таких выдающихся лингвистов, как О.Есперсен и акад. И.И.Мещанинов.

Как пишет А.В.Бондарко, «в концепции О.Есперсена намечаются две противоположные тенденции. С одной стороны, он настаивает на внеязыковом характере понятийных категорий, а с другой, — в конце концов, придает им лингвистическое значение. Первая тенденция О.Есперсена четко выражена в следующем его высказывании: «Следовательно, приходится признать, что наряду с синтаксическими категориями, или кроме них, или за этими категориями, зависящими от структуры каждого языка в том виде, в каком он существует, имеются еще внеязыковые категории (подчеркнуто мной. — В.Р.), не зависящие

от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. Некоторые из них относятся к таким фактам внешнего мира, как пол, другие — к умственной деятельности или к логике. За отсутствием лучшего термина я буду называть эти категории «понятийными категориями»¹. Далее, рассмотрев соотношение категории рода (синтаксической по терминологии автора) и понятийной категории пола, О.Есперсен заключает: «В других случаях нет возможности создать два типа терминов, из которых один относился бы к реальному миру и к миру универсальной логики, а другой — к миру грамматики, но мы всегда должны стремиться к разграничению этих двух областей»².

Не менее четко проявляется противоположная, не «универсально-логическая», а конкретно-лингвистическая тенденция: «Устанавливая категории в разделе (В) (раздел В — «Понятие» соотносится с разделами А — «Форма» и Б — «Функция». — *В.Р.*), необходимо всегда помнить, что они должны иметь лингвистическое значение. Мы хотим показать языковые (грамматические) явления, а поэтому было бы неправильно приступать к делу, не принимая во внимание существование языка вообще, классифицируя предметы и понятия безотносительно к их языковому выражению. Напротив, нам следует поступить, *mutatis mutandis*, так, как мы поступали, когда устанавливали синтаксические категории: там мы обращали пристальное внимание на то, что нашло выражение в языковых формах, а здесь мы должны сосредоточить свое внимание на уже установленных синтаксических категориях»³.

Таким образом, вопреки провозглашению внеязыкового характера понятийных категорий их установление фактически определяется языковыми грамматическими категориями и другими языковыми средствами. Это и проявляется в конкретной разработке О.Есперсоном таких понятийных категорий, как активность и пассивность, категория числа, лица, времени, вида, степеней сравнения и т.д.

Акад. И.И.Мещанинов настойчиво подчеркивал языковую природу понятийных категорий: «Смысловая сторона, конечно, должна обращать на себя внимание. Но при ее учете приходится придерживаться самого языкового материала. Приходится проследивать в самом языке, в его

лексических группировках и соответствиях, в морфологии и синтаксисе, выражение тех понятий, которые создаются нормами сознания и образуют в языке выдержанные схемы. Эти понятия, выражаемые в самом языке, хотя бы и неграмматической формой грамматического понятия, остаются в пределах языкового материала. Поэтому они не выпадают из общего числа языковых категорий»⁴.

И.И.Мещанинов не только подчеркивал языковой характер понятийных категорий, но и выдвигал критерий системности языкового выражения как необходимый признак таких категорий: «Всякое понятие ... может быть выражено описательно, может быть передано семантикою отдельного слова, может в своей передаче образовать в нем определенную систему. В последнем случае выступает понятийная категория. Она передается не через язык, а в самом языке, не только его средствами, а в самой его материальной части. Таким образом, не всякое передаваемое языком понятие является понятийною категорией. Ею становится такое понятие, которое выступает в языковом строе и получает в нем определенное построение. Последнее находит свое выражение в определенной лексической, морфологической или синтаксической системе»⁵.

Помимо теории понятийных категорий в трактовке О.Есперсена и акад. И.Мещанинова концепция функционально-семантических категорий связана в лингвистической традиции с теми работами, в которых так или иначе проводится принцип «от функции к форме» (как единственный или в сочетании с принципом «от формы к функции»).

Непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике имеют также работы, направленные на изучение взаимодействия разных сторон языка (грамматики и лексики), разных языковых уровней, в частности, с применением теории поля.

Опираясь на эти теоретические положения, их сторонники и последователи дальше развили эти идеи. Так, акад. В.В.Виноградов понимал модальность как функционально-семантическую категорию, охватывающую систему грамматических форм глагольного наклонения, а также синтаксические и лексические средства выражения отношения высказывания к действительности⁶.

Направление в грамматике, которое развивает А.В.Бондарко, отличается стремлением последовательно трактовать рассматриваемые категории как категории языковые, имеющие язы-

ковое выражение и языковое содержание. С этим связан и отказ Бондарко от термина «понятийная категория», поскольку этот термин дает основание думать, что имеются в виду логические понятия, а не категории языка. «Термин «функционально-семантическая категория» вряд ли можно признать вполне удачным, — пишет А.В.Бондарко, — но пока трудно найти более удовлетворительное название»⁷. Использование данного термина находит известное основание в том, что критерием выделения рассматриваемых категорий является частичная общность семантических функций взаимодействующих языковых элементов (наличие семантического инварианта при всех различиях вариантов).

В связи с тем, что мы опираемся на теорию функциональной грамматики, развиваемую проф. А.В.Бондарко, есть необходимость вкратце остановиться на тех новых понятиях и терминах, которые еще широко не распространены или не имеют идентичного толкования, а в тунгусо-маньчжуроведение вводятся впервые.

Термин функционально-семантическая категория широко используется А.В.Бондарко. Функционально-семантическая категория, по его мнению, представляет собой систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций (например, функции выражения темпоральных или модальных отношений). «Используя в составе избранного нами термина, — пишет А.В.Бондарко, — слово категория, мы в данном случае имеем в виду группировки, объединения (ср. одно из отмеченных в словарях значений слова категория: «группа, разряд»), сферы. По своей структуре рассматриваемые категории представляют собой поле. Этим оправдывается практикуемое нами параллельное использование термина функционально-семантическая категория и функционально-семантическое поле»⁸.

Грамматические (морфологические) категории трактуются нами вслед за рядом лингвистов как системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородным содержанием. Нас интересует не только разграничение понятий, но и взаимодействие морфологических категорий со всем тем, что их окружает и с ними связано. Тем самым яснее выявляется специфика морфологических категорий, их отличие от смежных лексико-грамматических явлений.

Например, говоря о грамматических категориях глагола эвенского языка и их компонентах, мы имеем в виду определенные классы грамма-

тических объектов (в плане лингвистической онтологии), предполагаемые той лингвистической теорией, которая в своих понятиях и категориях (гносеологического плана) стремится отразить существенные свойства этих лингвистических объектов. По нашему мнению, это один из основных вопросов грамматики. Акад. Л.В.Щерба писал, что «грамматика в сущности сводится к описанию существующих в языке категорий...»⁹. В языковедческой традиции хорошо известен подход к определению предмета грамматики на основе понятия грамматической категории. Более частные признаки функционально-грамматического описания коренятся в общих принципах построения грамматики, представляя собой развитие ее функциональных аспектов.

Система грамматических единиц, классов и категорий с обобщенным содержанием, дополненным по отношению к содержанию лексических единиц вместе с правилами их функционирования, — система, служащая, в конечном счете, для передачи обобщенных категорий и структур мыслительного содержания, лежащих в основе смысла высказывания, и составляет основу грамматического строя языка.

Другим понятием, используемым в данном исследовании, является понятие семантическая категория (СК). Семантические категории понимаются нами как основные инварианты в языковых значениях, выраженных различными средствами высказывания. СК занимают доминирующее положение в иерархической системе содержательной вариативности. СК выделяются на основе их регулярной представленности в содержании высказываний в значениях языковых единиц, классов и категорий. Хотя такие СК, как время (темпоральность), пространство (локативность), качество, количество, условие, причина, давно выделены научным познанием, постоянная возможность их конкретного членения в результате лингвистического анализа высказываний не утрачивает эвристической значимости. В тех же случаях, когда СК не соотносится непосредственно с той или иной из известных грамматических категорий и не имеет прямого соответствия среди наиболее широких философских понятий, операция вычленения СК в результате анализа содержания высказываний приобретает непосредственную исследовательскую актуальность. Так обстоит дело, в частности, с временной локализованностью.

СК связаны с конкретными средствами того или иного языка, а в нашем случае — эвенского

и отчасти других тунгусоманьжурских языков, т.е. с определенной языковой формой.

Комплексы языковых средств, служащих для выражения разновидностей данной СК, могут включать системы противопоставленных друг другу рядов грамматических форм (компонент возможный, но не обязательный), различные типы синтаксических конструкций, лексико-грамматические разряды, единицы строевой лексики, сложные комбинации разноуровневых средств¹⁰, служащих для выражения вариантов данной категории в данном языке. Это и есть функционально-семантические поля (ФСП).

Когда речь идет о функционально-семантическом поле, о его компонентах и связях между ними, о структуре поля, то имеется в виду ФСП в абстрактном парадигматическом пространстве языковой системы. «Для разработки теории поля, — пишет А.В.Бондарко, — которая соответствовала бы не только онтологии языка, но и онтологии речи, необходимо понятие, которое было бы ориентировано на реализацию элементов данного поля в речи, в высказывании, на закономерности и типы репрезентации изучаемых ФСП в системе речи. Таким понятием, связывающим поле в системе языка с полем в речи, с полем в его отношении к передаваемой высказыванием ситуации и является понятие категориальной ситуации»¹¹.

Одним из возможных подходов к проблеме анализа языковой семантики на уровне высказывания является анализ, основанный на вводимом А.В.Бондарко понятии категориальная ситуация¹². При таком подходе предметом анализа становится базирующаяся на определенном ФСП содержательная структура, не прикрепленная «жестко» лишь к какой-то одной грамматической форме, а связанная с различными элементами высказывания, с высказыванием в целом. В этом смысле предмет анализа близок к тому, что называют аспектуальной, темпоральной, модальной характеристикой высказывания с точки зрения носителя языка. Все же в таких случаях мы говорим именно о ситуациях, потому что имеются в виду содержательные структуры, включающие комплексные семантические элементы и отношения между ними. Предметом анализа являются содержательные структуры, соотношенные с определенными структурами в плане выражения, охватывающими различные формальные средства, рассеянные в высказывании.

При таком подходе к фактам языка меняются не только термины, но и сама структура этого

понятия, принятая нами от А.В.Бондарко и его школы. Грамматические категории в традиционном понятии заменены понятием функционально-семантических полей (ФСП)¹³. Это расширяет их содержание.

Функционально-семантические и морфологические категории относятся не к разным «мирам» — универсально-логическому и лингвистическому, а к одному и тому же языковому миру. Различие между этими категориями лежит в другой плоскости. Морфологические категории относятся к одной стороне языка — морфологической и к одному языковому уровню — уровню слова как словоформы. Функционально-семантические же категории, как уже было сказано, представляют собой более широкие языковые сферы, куда входят как морфологические категории, так и взаимодействующие с ними и связанные с ними семантико-функциональной общностью элементы, относящиеся к иным сторонам и уровням языка. Морфологические категории рассматриваются как исходный пункт для выделения функционально-семантической категории в данном языке.

Следующий шаг — определение других языковых элементов, которые взаимодействуют с данной морфологической категорией на базе частичной семантической общности. Так могут быть выделены следующие функционально-семантические категории.

Темпоральность — это функционально-семантическая категория, охватывающая различные языковые средства выражения времени. Например, в эвенском языке эта категория помимо системы временных форм (*-pa/-pэ-*; *-pi-*, *-d'u/-чи-*) глагола представлена такими средствами, как лексические показатели времени (*осиду* 'давно, в старину' *тиэк* 'сейчас', *эсимэ* 'погода' и т.п.), синтаксическая структура некоторых типов предложений, формы (косвенных) наклонений и т.д. Предусмотренное традиционной грамматикой разграничение времени моментом речи не полностью соответствует фактам эвенского языка. Так, формой настоящего времени с суффиксом *-pa/-pэ* может быть выражено и законченное действие, и настоящий момент речи. Рассмотрение категории темпоральности позволило выделить 18 аспектуально-временных форм вместо 3, описанных традиционной грамматикой¹⁴, и таксисные¹⁵ отношения разновременности, одновременности, предшествования, а также аспектуально-таксисные ситуации, включающие элементы семантики обусловленности: временную обуслов-

ленность, причинную обусловленность, отношения условия, целевую обусловленность и другие.

Модальность понимается в соответствии с концепцией В.В.Виноградова как функционально-семантическая категория, охватывающая систему грамматических форм глагольной модальности и наклонения, а также синтаксические и лексические средства выражения отношения высказывания к действительности с точки зрения говорящего. В разработку этой категории существенный теоретический вклад внесен исследованиями последних лет, в особенности трудами якутоведа Н.Е.Петрова¹⁶.

Нумеративность — это функционально-семантическая категория, отражающая восприятие, осмысление человеком количественной характеристики объектов, действий и явлений, выраженных в языке и речи: числа, меры, величины и др. Вместе с тем нумеративность — это базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле, охватывающее группировку грамматических, лексических, а также комбинированных средств языка.

Персональность — функционально-семантическая категория, выражающая семантику лица и опирающаяся на глагольные и местоименные формы лица, а также некоторые синтаксические и лексические средства выражения этой семантики.

Аспектуальность — функционально-семантическая категория, выражаемая различными средствами, показывающими характер, интенсивность, итеративность глагольного действия. Как нами показано раньше, в эвенском языке нет совершенного и несовершенного видов, грамматизированных, как, например, в русском языке.

Залоговость в эвенском языке охватывает грамматическую категорию залога и относящиеся к той же семантической сфере словообразовательные, лексико-синтаксические и лексические средства¹⁷.

Понятие функционально-семантической категории, вероятно, может быть истолковано и более широко по сравнению с той трактовкой, которая была дана выше. Это понятие могло бы охватывать и такие категории, которым, судя по лингвистической литературе, нельзя найти аналогии среди традиционных морфологических категорий: такие категории, как, например, в русском языке категории вещественности, отвлеченности, а в эвенском языке — собирательности, породы (по В.А.Аврорину)¹⁸ и т.д.

Существуют, однако, глубокие различия между функционально-семантическими категориями, которые могут опираться на категории морфологические, и теми, которые не могут иметь такой опоры. В последнем случае с точки зрения эвенского и других тунгусоманьчжурских (т.е. агглютинативных) языков вряд ли можно говорить о функционально-семантической категории. Мы склонны придерживаться взгляда исследователей, которые называют функционально-семантическими лишь те категории, ядром которых является морфологическая категория¹⁹.

Новый теоретический подход к исследованию грамматических категорий эвенского и других тунгусоманьчжурских языков предопределяет и новую, отличную от традиционной методику исследования. Она сводится вкратце к следующему.

Система понятий *семантическая категория* (СК), *функционально-семантическое поле* (ФСП) и *категориальная ситуация* (КС) базируется на анализе, идущем от высказываний, в содержании которых выступают варианты, дающие основу для «вхождения» в СК в качестве семантических инвариантов. Далее ставится вопрос о системе средств выражения данной СК, ее разновидностей и вариантов в исследуемом языке. Так формируется представление о ФСП, образуемом данной категорией.

Затем начинается следующий этап. Он сводится к рассмотрению выражения данной семантической категории и ее поля в высказывании в виде типовых содержательных структур, представляющих связанный с данной семантической категорией определенный аспект выражаемой высказыванием общей ситуации. Иными словами, анализируются типовые категориальные ситуации.

Таким образом, анализ, беря начало в высказываниях, через абстракции высшей степени, какими являются понятия СК и ФСП, вновь обращается к высказыванию, получая выход в речь. Это «возвращение», однако, осуществляется на ином уровне: в высказывании исследователь не только находит исходный материал, но и приходит — на основе систематизации высказываний с использованием понятий СК и ФСП — к обобщениям особого рода (не только парадигматическим, но и синтагматическим), предполагающим установление типовых содержательных структур (СС) и их вариантов.

Итак, функционально-семантический подход к изучению грамматических явлений, во-первых,

содержит изучение и описание закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующими в передаче смысла высказывания; во-вторых, при этом анализ осуществляется не только в направлении от формы к значению (от средств к функциям), но и в направлении от значений к форме (от функций к средствам).

Грамматика, ориентированная на функциональный анализ, может включать (в той или иной форме):

а) анализ системы языковых средств, участвующих в реализации изучаемых функций;

б) анализ семантических функций, реализуемых в высказывании, в речи.

В разрабатываемом нами применительно к эвенскому и другим тунгусоманьчжурским языкам варианте функциональной грамматики этим целям служат два компонента:

а) описание структуры ФСП в составе системы полей данного языка (полевое структурирование);

б) описание типовых категориальных ситуаций (аспектуальных, темпоральных, каузальных, кондициональных, нумеративных, персональных и т.п.), базирующихся на определенном ФСП, сконструированных с точки зрения носителя языка.

В функциональной грамматике основным и наиболее существенным является акцент на изучении функций языковых средств, закономерностей и правил их функционирования в высказывании, взаимодействии элементов разных уровней и аспектов системы языка в речи.

Существенным методическим дополнением является введение разной направленности грамматического анализа.

Функциональный подход допускает возможность анализа в направлении «от значения к форме» (от функций к средствам). Эта возможность характерна именно для функциональной, но не для формальной (структурной) грамматики. Вместе с тем данный признак не является для функциональной грамматики постоянным и обязательным.

Грамматическое описание может быть основано на анализе лишь в направлении «от формы к значению» (от средств к функциям), и тем не менее оно будет функциональным, если его характеризует специальная ориентация на изучение закономерностей функционирования грамматических единиц в речи.

Соотношение «средство-функция» с наибольшей полнотой описывается при синтезе подходов со стороны средств и со стороны функций.

Целесообразность двустороннего подхода к описанию функций языковых средств обусловлена, прежде всего, возможностью соответствия единицы плана выражения нескольким единицам плана содержания с точки зрения говорящего.

В связи с этим очевидна необходимость учета, с одной стороны, многообразия языковых значений, что возможно лишь при анализе со стороны средств, а с другой — многообразия языковых средств, что возможно лишь при анализе со стороны функций.

Следует подчеркнуть еще один важный момент: направление от функций к средствам соответствует точке зрения говорящего, а противоположное — слушающего (подчеркнуто мной. — В.Р.).

Отсюда возникает необходимость синтеза аспектов грамматики для слушающего (пассивной) и для говорящего (активной), и это является новым методом в исследовании грамматики тунгусоманьчжурских языков.

Функциональная грамматика включается в общую функциональную модель языка²⁰. Как часть функциональной лингвистики по своим теоретическим основаниям и методам анализа она связана с функциональным подходом современной теории научного познания²¹.

На данную область грамматических исследований распространяется общая проблематика поведения (функционирования) системы, типов ее взаимодействия с другими, лежащими вне ее субъектами, т.е. со средой.

Сфера функциональной грамматики, по мнению профессора А.В.Бондарко, пересекается с такими областями исследований, как:

1) *грамматическая типология* (см. работы С.Д.Кацнельсона, А.А.Холодовича, В.С.Храковского, В.П.Недялкова и др.);

2) *контрастивная грамматика* (см., в частности, работы В.Н.Ярцевой);

3) различные направления исследований по грамматической *семантике*, по *грамматике текста*, по грамматическим аспектам *психолингвистики*, по *прикладной лингвистике* и др.²²

При всем этом следует подчеркнуть, что функционально-грамматические описания являются совершенно автономными. Например, содержание работы по исследованию грамматических категорий эвенского и других тунгусоманьчжурских языков составляют следующие процедуры:

анализ функционально-семантических полей темпоральности и модальности в их системных связях, включая рассмотрение разновидностей и вариантов категориальных ситуаций (КС), лежащих в основе ФСП; определение компонентов поля и его структуры; описание соответствующих категориальных ситуаций в их основных вариантах.

Грамматика данного типа, включающая анализ в направлении от семантики к средствам ее выражения и от формальных средств к их семантике, имеет непосредственный выход в практику активного изучения языков, что уже проиллюстрировано на тунгусоманьчжурском материале такими исследователями, как И.В.Недялков, А.Л.Мальчуков и другие.

Также имея в виду свои исследования и некоторые работы коллег по эвенскому языку и другим тунгусоманьчжурским языкам по теории функциональной грамматики, в настоящее время можно констатировать, что практические широкие исследования еще не начались. Из этих обстоятельств вытекает необходимость хотя бы наметить основные направления и темы будущих исследований.

Прежде всего, это возможность и принципы построения функциональной грамматики эвенского и других тунгусоманьчжурских языков, а шире — агглютинативных. С этой точки зрения одним из первых направлений в исследовании, дополнительно к вышеназванным, в любом из этих языков должна стать тема «Компоненты, системно-структурной организации, языковой, семантики и, средств её выражения», связанная с понятиями «полевая структура», «центр–периферия», «прототипы и их окружение». Определенные трудности могут представлять языковые категоризации семантического содержания в каждом из тунгусоманьчжурских языков. Некоторые подходы к этой проблеме в эвенском языке предприняты в моих работах²³.

Различные аспекты категоризации семантики лучше всего могут быть раскрыты в комплексном исследовании взаимосвязанных вопросов. Эти исследования на материале тунгусоманьчжурских языков еще не начаты. Вот некоторые из них: 1) оппозиции и неоппозитивные различия; 2) взаимодействие системы и среды; 3) структурные типы грамматических значений; 4) проблемы соотношения языкового и мыслительного содержания; 5) значение и смысл; 6) интернациональность грамматической семантики в родственных и неродственных языках; 7) семантика личности и субъектно-предикатно-объект-

ные отношения; В моей работе²⁴ затронуты такие темы по темпоральности, как категория времени, временная локализованность (или конкретность/неконкретность) действия, категория лица и таксис. Тем не менее, считаю, что одна из важных тем — языковая интерпретация идеи времени в категориях аспектуальности, темпоральности, временной локализованности, таксиса и временного порядка еще достаточно не раскрыта в комплексе взаимосвязанных вопросов. Как полагают специалисты, это одна из основных тем теории значения в системе функциональной грамматики.

Преимущество функционально-семантического подхода к фактам тунгусоманьчжурских языков выявляется в том, что он не противоречит, например, приемам некоторых новых направлений в лингвистике, возникших во второй половине XX и начале XXI в., ибо структура языка и речи, а также их компоненты являются постоянными у данного носителя языка, прибавляются лишь дополнительные функции языковых средств. Новые достижения в лингвистике не противоречат теории функциональной грамматики, а только усиливают правильное предположение отсутствия изоморфизма между единицами плана выражения и плана содержания.

Они объединяют внимание исследователя к человеку говорящему и тесную связь с другими науками о человеке. Эти новые направления: когнитивная лингвистика, лингвополитология, лингвокультурология, лингвистика текста, прагматическая лингвистика, коммуникативная лингвистика, герменевтика и др. Они сфокусированы на изучении языковой компетенции носителя языка, на знаниях носителя языка о мире, зафиксированных в языке. Известный мыслитель и лингвист И.А.Бодуэн де Куртенэ писал: «Язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое сообщество»²⁵.

Носитель языка — это носитель определенных концептуальных систем. А экспликация процесса концептуализации и содержания концепта доступна только лингвисту, который сам является носителем данного языка. Получение, переработка, хранение, а затем передача информации связаны с использованием языка. Поэтому вполне естественно, что язык оказался в центре внимания. А механизм использования языка может изучаться методом теории функциональной грамматики. В таком случае интроспективный взгляд носителя языка является одним из существен-

ных направлений в изучении языков, например тунгусоманьчжурских.

Нам представляются наиболее подходящими для раскрытия языкового содержания интроспективного взгляда носителя языка методы когнитивной лингвистики²⁶. Они охватывают знание и мышление в их языковом воплощении в устах носителя языка. Е.Ф.Киров констатировал, что Н.Хомский, известный американский лингвист, писал: «Когнитивная революция относится к состояниям разума/мозга и тому, как они обуславливают поведение человека, особенно к когнитивным состояниям знания, понимания, интерпретаций, верований и т.п.»²⁷.

Наука о языке в наше время начинает занимать авангардные методологические позиции в системе гуманитарного знания, и обойтись без её помощи при изучении других гуманитарных наук невозможно. Существует предположение, что XXI в. должен стать веком торжества гуманитарных наук, а центральное место среди них займет лингвистика.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Есперсен О. Философия грамматики. — М., 1958. — С. 57–58.

² Там же. — С. 59.

³ Там же. — С. 60.

⁴ Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. — 1945. — № 1 — С. 14.

⁵ Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. — М.; Л., 1945. — С. 195.

⁶ Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Тр. Института русского языка АН СССР. — 1950. — Т. 2. — С. 10.

⁷ Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — Л., 1983. — С. 8.

⁸ Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — С. 289.

⁹ Щерба Л.В. Избранные труды по русскому языку. — М., 1957. — С. 21.

¹⁰ Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. — Новосибирск: Наука, 2007. — С. 353–356.

¹¹ Бондарко А.В. Функциональная грамматика. — Л., 1984. — С. 99.

¹² Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. — С. 291.

¹³ Там же. — С. 289.

¹⁴ Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. — С. 31–33.

¹⁵ Там же. — С. 96.

¹⁶ Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. — Новосибирск, 1981; Он же. Модальные слова в якутском языке. — Новосибирск, 1984.

¹⁷ Роббек В.А. Категория залоговости в эвенском языке. — Л.: Наука, 1982.

¹⁸ Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Ч. II. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. — М.; Л., 1961. — С. 59–64.

¹⁹ Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики.

²⁰ Звегинцев В.А. Функция и цель в лингвистической теории // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. — М., 1977. — С. 120–146.

²¹ Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании. — Новосибирск, 1982.

²² Чурилина Л.Н. Актуальные проблемы современной лингвистики. — М., 2006.

²³ Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. — Новосибирск: Наука, 2007.

²⁴ Там же. — С. 31–96.

²⁵ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: 2 т. — М., 1963. — С. 71.

²⁶ Киров Е.Ф. Когнитивная модель деятельности // Русское слово в мировой культуре. Пленарное заседание: сборник докладов. — СПб., 2003.

²⁷ Там же. — С. 243.

В.А.Роббек

On a new approach to investigating the grammar of Tungus-Manchu languages

The paper supplements considerably the circle of problems outlined in the previous investigations of the grammatical structure of Even and other Tungus-Manchu languages considered by the author in the functional-semantic aspect. The author gives priority in linguistic research to the introspective view of the native speaker himself and to the way the national-cultural and individual properties of the speaker are reflected in the language.

Keywords: current direction in linguistics, theory of functional grammar, Tungus-Manchu languages, functional-semantic category, linguistic form, functional-semantic field, temporality, modality, numerativity, personality, aspectuality, categorial situation.

Н.И.Иванова

Второй этап социолингвистических исследований: тенденции, проблемы, перспективы

Описываются основные результаты социолингвистических исследований, проводившихся в 2007–2009 гг., в которых отражены особенности этноязыковой ситуации в Республике Саха (Якутия) по следующим параметрам: выбор родного языка, языковой сдвиг, дистрибуция языков, показатели прямого и обратного двуязычия, функциональная нагрузка языков в различных сферах общения.

Ключевые слова: социолингвистическое исследование, этноязыковая ситуация, языковая самоидентификация, владение языками, двуязычие, функциональная значимость.

Завершён второй этап социолингвистических исследований. Если первый этап научных работ сотрудников центра языковой политики (затем — сектора социолингвистических исследований) был посвящён социолингвистическому изучению информационного пространства республики, в том числе функционированию государственных языков в средствах массовой информации (телевидение, радиовещание, печать) и визуальной информации в условиях активного двуязычия, то второй этап ознаменован широким охватом населения (в основном двух крупных этносов — якутского и русского) республики — проведён массовый опрос по единой комплексной социолингвистической анкете. Таким образом, сегодня на реальном фактическом материале можно проследить существующие и намечающиеся тенденции языковой ситуации по республике, описать динамику в становлении нового баланса языков, определить языковое самочувствие носителей языков, что отражает в эксплицитной и имплицитной форме особенности этноязыковых процессов в обществе.

Детальный факторный анализ функционирования языков в Республике Саха (Якутия) по результатам массовых социолингвистических исследований в 12 населённых пунктах республики (в т.ч. в гг. Якутске, Мирном, Нерюнгри, Вилуйске и в наслегах и посёлках Вилуйского, Оймяконского, Нерюнгринского, Мегино-Кангаласского улусов (районов), локально — в сёлах

Хатыстыр Алданского, Кыстатыам Жиганского улусов) в 2007–2008 гг., в ходе которого было опрошено 1829 чел. (в т.ч. 1083 якутов, 485 — русских, 249 — представителей других этносов), отобранных по квотной выборке, выявил составляющие языковой ситуации в полиэтническом лингвистическом пространстве, обусловленные отражением политических, этнодемографических, социальных и экономических изменений в обществе.

Одним из основных показателей является выбор родного языка — языковая самоидентификация. Результаты показывают, что 85,8% якутов и 95,7% русских признают родным язык своей национальности.

Нас всегда интересовали процессы языкового сдвига, когда родным признаётся неэтнический язык — доля лиц, признавших родным язык не своей национальности, стала меньше, но это за счёт того, что в опроснике был введён вариант *оба языка*. Таким образом, выявилось, что 10,4% якутов, это каждый десятый якут, признаёт родным оба языка: якутский и русский. А языковой сдвиг тогда обнаруживается только у 3,9%, против 6,5% по переписи 2002 г. Признание обоих языков родными, так называемая двойная языковая идентификация, характерна для современного общества, это явление наблюдается в основном у молодых людей до 25 лет, как правило, родившихся в смешанных семьях, хорошо владеющих обоими языками. Данный признак «языковая идентификация» — выбор родного языка различается в зависимости от места

проживания и окружающей речевой среды. Например, в промышленном Мирнинском районе 84,2% якутов признают родным якутский, а эвенки — 72,7%.

Высоки внутриэтнические особенности значимости родного языка у русских и якутов, наблюдается возрастание прямой языковой идентичности у молодых якутов, более выраженное на селе; однако вместе с тем наметилось незначительное ослабление символа национального самосознания как показателя этнической идентичности. Выбор родного языка детерминирован языком обучения в школе; как показали ответы респондентов, обучение на родном или с компонентом родного якутского в наибольшей степени определяет прямую языковую идентификацию. По сравнению с 90-ми годами в 2008 г. (табл. 1.) очевиден качественный сдвиг во владении русским языком: в 2,6 раза возросло количество якутов, свободно владеющих русским. Во владении якутским языком можно констатировать, что резкого разрыва межпоколенных связей в языковой компетенции не зафиксировано, т.е. языковой континуум непрерывен. Однако в целом по республике уровень свободного владения якутским у якутов ниже уровня владения русским.

приобщения к другому, неродному языку — одному из доминирующих языков республики: так якуты с целью раннего активного приобщения к русскому языку выбирают детсад с русским языком обучения и воспитания, однако обучение в школе предпочитают на родном. Неякутское население проявляет уважение к титульному языку. Стратегия приобщения русских к якутскому языку — в дошкольном возрасте активнее знакомить с местным языком, в школе ориентировать на иностранный (в основном английский). Но у определённой части имеется мнение этнолокализующего характера, ограничивающее языковой репертуар лишь русским. Локально, в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, часть якутского и русского населения придерживается мнения, что должны изучаться официальные языки коренных малочисленных народов Севера.

У родителей-якутов в сфере образования по сравнению с 1989 г. ориентация только на русский и только на якутский сократилась, происходит переориентация на иностранные языки (в том числе и на восточные), потребность в билингвальном (русско-якутском) типе школ устойчива.

Таблица 1

Степень владения языками	Якутский язык			Русский язык			
	Якуты	Русские	Другие	Якуты		Русские	Другие
				1990 г.*	2008 г.		
Свободно говорю, читаю, пишу	84,5	4,3	36,4	32,9	87,2	99,2	94,4
Говорю, читаю, но не пишу	8,1	1,6	11,9		2,2	0,4	2,6
Говорю, но не читаю и не пишу	2,9	3,5	4,5		0,3	0,0	0,4
Говорю с затруднениями	1,5	4,3	4,0	22,7	8,7	0,2	2,2
Все понимаю, но не говорю	0,7	2,0	4,5	1,4	0,9	0,0	0,4
Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю	1,6	25,5	12,5		0,4	0,0	0,0
Не владею	0,7	58,8	26,1		0,2	0,2	0,0

* Цит. по кн.: Аргунова Т.В. Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). — Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. — С. 48.

Объём владения другими языками объективизируется в основном во владении иностранными языками, среди которых лидирует знание английского. В выборе языка воспитания и обучения в дошкольном учреждении у всех этнических групп (якуты, русские, представители других этносов) просматривается стратегия раннего

Использование двуязычия в семейном общении сельских якутов находится примерно на уровне 1985 г.: 1968 г. — 1,7%; 1985 г. — 18,7%, 2008 г. — 17,3%. В зависимости от места проживания прослеживается разница: тенденция устойчивого использования якутского языка в сельской местности — сёлах и улусных центрах; в горо-

дах и посёлках городского типа — русского, причём разница составляет 20–30% в пользу русского.

В целом среди якутов в семейном общении этнический язык устойчиво является транслятором в кросскультурном общении (с бабушкой, дедушкой) — 89%; в межпоколенном (с родителями) — 83,5%. У якутов молодого и среднего возраста наблюдается снижение использования якутского языка во внутрипоколенном общении (с супругом (ой) — 76,6% и в межпоколенном общении (с детьми) — 72%. Чётко обозначена тенденция к смешанному русско-якутскому общению в семье. Положительная динамика наблюдается в общении на родном языке в семьях родителей-якутов с высшим образованием: 1985 г. — 52%, 2008 г. — 85%.

В общении на работе в целом по республике доминирует русский, наиболее высока потребность в нём у молодых, однако в зависимости от места проживания динамика изменения языковой дистрибуции, детерминированная, с одной стороны, этнодемографическими параметрами, с другой — установившимся функциональным соотношением языков в течение длительного времени, разнаправлена — по сравнению с 80 гг. доля общения на якутском возросла в г. Якутске (табл. 2), а в улусах в целом значительно возросла доля общения на русском (табл. 3). Сравнение социальных функций языков в общении на работе и с друзьями ярче выявили различия в функциональной нагрузке языков и стратегию речевого поведения в зависимости от этнической принадлежности и степени владения.

В ответах молодых высокая функциональная значимость якутского языка в сфере среднего и высшего образования отражает нарастающую социальную базу языка, подкрепляемую повышением национального самосознания, стремлением к равностатусному общению; из экстралингвистических факторов, способствующих данному явлению, можно назвать лишь этнодемографический.

Языковое соотношение в обращениях к органам власти, публичных выступлениях, восприятии устной публичной информации детерминировано установившимися социальными функциями — преобладающей значимостью русского языка в делопроизводстве, в документообороте; устность снижает объём использования русского языка, передавая часть его функций двуязычию.

В сфере обслуживания для русских значим русский язык, для других русский преобладает, менее значимо двуязычное общение. Среди якутов существуют различные языковые практики, зависящие от уровня этнического самосознания в части положительной самооценки, языковой лояльности, установившихся в течение длительного времени языков общения, языковой толерантности. У якутов по республике преобладает русский — 47,0% (в г. Якутске — 67,2%), в улусах — якутский либо двуязычие. Сфера обслуживания в настоящее время, на наш взгляд, является наименее детерминированной от внешних факторов, поскольку снижается фактор официальности, усиливается прагматика коммуникации, целеориентированность и предстаёт как обла-

дающая наиболее экстенсивной коммуникативной базой, где не якутское население общается на якутском языке. Таким образом, сфера обслуживания в данных условиях исследования предстаёт как максимально реализующая паритетное русско-национальное и национально-русское двуязычие.

В целом по республике в личном коммуникативном пространстве (личная переписка; личные записи, дневник; сочинение стихов, прозы) доминирует якутский для якутов (кроме ситуации, обладающей

Таблица 2

Население	Язык общения на работе среди якутского населения (г. Якутск), %					
	Якутский		Русский		Оба языка	
	1980	2008	1980	2008	1980	2008
Все	5,3	23,0	45,6	44,1	49,1	32,9

Таблица 3

Население	Язык общения на работе среди якутского населения (улусы), %								
	Якутский			Русский			Оба языка		
	1968	1985	2008	1968	1985	2008	1968	1985	2008
Все	89,5	50,5	49,6	1,3	2,1	17,3	4,6	47,4	33,1
Мужчины	91,5	55,7	54,7	1,1	1,0	10,3	5,1	43,3	35,0
Женщины	85,5	46,7	45,0	1,4	3,0	23,6	4,1	50,3	31,3

самым глубоким уровнем интимизации — в ведении личных записей, дневников) и русский язык у русских и других. Незначительное доминирование якутского языка у якутов в 2–3% достигнуто за счёт ответов якутского населения в улусах; в г. Якутске преобладает русский во всех трёх ситуациях. Сопоставления¹ обозначили отрицательную динамику якутского языка и двуязычия в личной переписке, положительную динамику в реализации русского.

Ведущей тенденцией в потреблении визуальной информации является выраженная приверженность к использованию двуязычия: исследования показали весьма высокую степень толерантности в вопросах ранжирования языков в визуальной информации, несоответствие спроса и предложения в потреблении данного информпродукта. Реальное соотношение языков в массовой визуальной информации, которое указали респонденты, отражает единодушное мнение о том, что в этнолингвоинформационном пространстве существующий языковой дисбаланс не удовлетворяет потребности этнических групп. Так, все группы единодушны в расширении использования двуязычия, якутского языка, спорадично — компонента иностранного языка и сокращения только лишь русскоязычной информации².

Продemonстрируем данное стремление в цифрах по г. Якутску (таб. 4). Был задан вопрос, на каких языках, по Вашему мнению, хуже воспринимается следующая информация: объявление, вывески учреждений.

Выявление мотивации изучения якутского языка как государственного у взрослых невла-

деющих (якуты, русские, другие) отразило открытость разных этнических сообществ, достаточно высокую этническую и языковую толерантность и особенности стратегии в изучении языков³. На основе наших научно обоснованных рекомендаций мэрией г. Якутска инициировано обучение взрослых, не владеющих якутским языком, которое успешно сейчас проводится преподавателями факультета якутской филологии Якутского государственного университета.

Картина межэтнических отношений между двумя основными этносами, или наиболее эксплицитное выражение этноязыкового самочувствия, проявляется в стремлении к равностатусному контакту со стороны якутов, приводящем русских к некоторому дискомфорту в межэтнических отношениях.

Гетеростереотип (якутский язык в представлениях русских) как элемент идентичности и как индикатор отношений в данном случае очень показателен: было получено много ответов о неспособности якутского языка обслуживать какую бы то ни было коммуникативную сферу, хотя реально в ряде сфер якутский язык активно функционирует. Таким образом, при любой интерпретации очевидна конфликтогенная зона, возникающая в связи с некоторым расширением функций якутского языка в г. Якутске и представленная в форме предубеждений. В то же время автостереотипы якутов отражают отсутствие гиперболизации этнического самосознания, отрицательно влияющей на толерантность: оценки адекватны реальному функциональному состоянию якутского языка в данных сферах и пред-

Таблица 4

Вид информации	Языки	Якуты		Русские		Другие народы	
		Желаемое соотношение	Реальное соотношение	Желаемое соотношение	Реальное соотношение	Желаемое соотношение	Реальное соотношение
Объявления	Якутский	4,4	3,8	1,0	1,4	0,0	0,0
	Русский	55,5	86,7	87,3	94,3	68,1	91,5
	Якутский и русский	40,1	9,2	10,7	4,3	31,9	8,5
	Иностранный	0,0	0,3	1,0	0,0	0,0	0,0
	Языки МНС	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Вывески учреждений	Якутский	3,3	0,9	0,0	2,0	0,0	0,0
	Русский	56,7	81,0	81,5	92,2	67,4	83,7
	Якутский и русский	40,0	17,8	17,5	5,9	30,4	16,3
	Иностранный	0,0	0,3	1,0	0,0	2,2	0,0
	Языки МНС	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Таблица 5

Как Вы оцениваете будущее языка своей национальности в РС(Я)?	Национальность		
	Якут	Русский	Другие
Уверенно	33,1%	49,8%	30,3%
С тревогой	43,9%	18,3%	27,7%
С отчаянием	5,7%	1,5%	5,0%
Затрудняюсь ответить	17,3%	30,4%	37,0%

ставляют среднестатистического горожанина – носителя якутского языка⁴.

В табл. 5 представлено мнение этнических групп о будущем своих этнических языков в республике, из которого следует: актуальность соблюдения плюрализма языковой политики в полиэтническом социуме, стремление сохранить самобытность этнических групп путем предоставления им значительной свободы в решении их этнических вопросов и интеграции, направленной на объединение различных этносов в данном социуме, и предоставление им возможности сохранять свою самобытность и отличительные особенности.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Аргунова Т.В. Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – С. 66.

² Иванова Н.И. Этнолингвоинформационное пространство РС(Я): ориентации в потреблении визуальной информации // Актуальные проблемы изучения языка и литературы, языковой картины мира и языковая личность: Материалы 4-й Международной конференции, 20–22 октября 2009 г. г. Абакан. – Абакан, 2009. – С. 110–111.

И пожалуй, также можно констатировать, что главное достижение данного этапа социолингвистических исследований в том, что заложена основа для диахронической социолингвистики – материалы опросника, состоящего из 69 вопросов, послужат богатым сопоставительным материалом для будущих исследований, поскольку наша основная трудность состояла именно в недостаточности социолингвистических фактов предыдущих лет. Последовательность, единообразие измерительных материалов, комплексность, т.е. использование качественных и количественных методов, есть основа для фундаментальных социолингвистических исследований. Социолингвистическое направление и в будущих разработках будет следовать данным принципам.

³ Иванова Н.И. Речевое поведение в условиях межкультурной коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Психолого-педагогические науки: Научный журнал. – СПб., 2008. – № 12(88). – С. 132–140.

⁴ Иванова Н.И. Этноязыковое самочувствие русских в РС(Я): социолингвистические факты // Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России: Всеросс. научно-практич. конф. (9–12 ноября 2009 г. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2009. – С. 146–149.

N.I. Ivanova

Second stage of socio-linguistic investigations: Tendencies, problems, perspectives

The article describes the main results of socio-linguistic research carried out in 2007–2009 which reflect the specifics of an ethno-linguistic situation in the Sakha Republic (Yakutia) of the Russian Federation according to the following parameters: choice of mother tongue, linguistic shift, distribution of languages, indicators of direct and reciprocal bilingualism, functional load of languages in the various areas of relations.

Keywords: socio-linguistic research, ethno-linguistic situation, linguistic self-identification, having a command of languages, bilingualism, functional significance.

Л.М.Готовцева

Якутская фразеология: современное состояние и перспективы изучения

В статье речь идет о состоянии и перспективах изучения фразеологии якутского языка. Создание двуязычных словарей, двух типов фразеологических словарей, академическая картотека якутского языка способствовали накоплению фразеологического материала и первоначальной его систематизации. Отмечается, что нет единого подхода к пониманию сущности и объема фразеологии. В работах якутских филологов фразеология исследуется в разных аспектах. В статье намечаются пути исследования фразеологии якутского языка.

Ключевые слова: фразеология, семантика, структура, фразеологическая система, объект фразеологии, объем фразеологической единицы, признаки фразеологической единицы, устойчивый словесный комплекс, фразеография.

Современные фразеологические исследования охватывают широкий круг проблем, связанных с семантикой, структурой и составом фразеологизмов, особенностями их функционирования.

К актуальным дискуссионным проблемам фразеологии относятся такие, как дальнейшее уточнение понятия фразеологической единицы, соотношение фразеологизмов с другими единицами языка, сущность процессов возникновения и закрепления в языке новых фразеологизмов, стилистическая характеристика, особенности реализации фразеологизмов в речи.

Фразеологические единицы (далее — *ФЕ*) якутского языка зафиксированы в «Якутско-немецком словаре» О.Н.Бетлингга. Многие *ФЕ* были отмечены в «Словаре якутского языка» Э.К.Пекарского. Достаточное количество *ФЕ* было включено А.Е.Кулаковским в сборник «Якутские пословицы и поговорки»¹. Богаты фразеологическим материалом русско-якутские и якутско-русский словари, изданные в разные годы. В двуязычных словарях наблюдается непоследовательность в размещении фразеологизмов. В них не до конца осуществляется принцип дифференциации фразеологического материала от других явлений языка (составные термины, сложные слова, модальные сочетания, пословицы, поговорки, а также отдельные фольклорные элементы).

Более детальное и специальное изучение фразеологизмов якутского языка начинается с

60-х гг. XX в. Появляются статьи Н.С.Григорьева, посвященные разным аспектам изучения фразеологизмов. В них он затрагивает вопросы методики научного анализа *ФЕ*², рассматривает семантику идиом, компоненты которых утратили первоначальное прямое значение и непонятны современным носителям языка³.

О том, что исследование стилистики *ФЕ* имеет большое значение как в научном, так и в практическом плане, Н.С.Григорьев еще в 1976 г. писал в статье «О стилистической функции фразеологических единиц в якутском языке». Проанализировав *ФЕ* и сопоставив их со словом, он приходит к выводу, что основные стилистические функции *ФЕ* якутского языка заключаются в образном выражении понятия. *ФЕ* не дублируют в своей стилистической функции простое слово, а выполняют то, что непосильно ему⁴.

Анализ структурных и семантических особенностей различных групп устойчивых словесных комплексов находим в работах П.С.Афанасьева и Н.К.Антонова, А.Г.Нелунова. П.С. Афанасьев в учебном пособии «Лексикология якутского языка» отграничивает *ФЕ* от сложных слов. Он считает, что их основное различие заключается в характере обозначения понятия: сложные слова являются прямой номинацией понятия, а фразеологизмы — вторичным, образным обозначением понятия. Фразеологизмы являются изобразительным средством языка⁵.

Касаясь проблемы объема *ФЕ*, он включает в состав фразеологии крылатые слова со структурой словосочетаний, так как они имеют слож-

ное лексическое значение и потому так же, как ФЕ, являются вторичной, образной номинацией понятия: *сордоох суха* 'злополучная, доставляющая хлопоты соха', *ачаа саһаана* 'для отвода глаз', *бэйэтэ эмтиэкэ* 'сам себе лекарь'⁶. Пословицы, поговорки, крылатые слова со структурой предложения П.С.Афанасьев выводит за пределы фразеологии.

Н.К.Антонов придерживается мнения тех исследователей, которые под ФЕ понимают «воспроизводимые устойчивые сочетания слов»⁷. Фразеологизмы якутского языка он делит на 1) однозначные: *аба баһын тосту олоҕо* 'превзойти славой, богатством своего отца'; 2) многозначные: *уһун илиилээх* 'а) имеющий привычку брать то, что плохо лежит; б) имеющий возможность отомстить, где угодно'; 3) сложные, равнозначные предложениям ФЕ: *отоннооттоххо онгоойук туолар* 'собирать по ягодке — лукошко наполнится', *быһах угун кыстыммат* 'свой человек его не подводит'. Таким образом, рассматривая фразеологию в «широком» смысле, Н.К.Антонов включает в ее разряд пословицы и поговорки⁸. Он делит ФЕ якутского языка на 2 группы: 1) фразеологические сращения, где внутренняя форма фразеологизма немотивирована семантикой составляющих его компонентов: *хой баһын туой* 'молоть вздор, нести чепуху', *нудьу балай* 'без зазрения совести', *бытыга умайбыт* 'аппетит разыгрался у кого-л.'; 2) фразеологические сочетания, где внутренняя форма фразеологизма мотивирована семантикой составляющих его компонентов: *биллэр күөл балыга* 'мелкая рыбешка'.

Для становления фразеологии якутского языка особое значение имеют исследования А.Г.Нелунова. Работа «Глагольная фразеология якутского языка» является первым значительным по содержанию и объему специальным исследованием ФЕ современного якутского литературного языка и создана на основе богатого языкового материала⁹. В данной работе он основывается на взглядах тех ученых, которые придерживаются «узкого» подхода к объекту фразеологии, не включает пословицы, поговорки, устойчивые модели сочетания слов в состав фразеологии.

Многие выводы и наблюдения автора заслуживают внимания с точки зрения проблемы общей тюркологии. Они актуальны, прежде всего, в аспекте семантики.

А.Г.Нелуновым проводится разграничение ФЕ от других смежных явлений. Так, в работе¹⁰ рассматривается статус фразеологизмов в соотношении с такими соприкасающимися устойчи-

выми языковыми образованиями, как терминологические и модальные словосочетания. Проанализировав довольно большой языковой материал, автор устанавливает, что при отграничении составных терминов и модальных словосочетаний от фразеологизмов определяющим является семантический критерий. В другой его статье анализируются крылатые слова и фразеологизмы, выявляются их отличительные черты¹¹.

Вопросы синтаксиса ФЕ якутского языка затрагиваются Н.Н.Неустроевым, М.А.Черосовым. Анализируя безличные предложения, сказуемые которых выражены устойчивыми словосочетаниями, Н.Н.Неустроев утверждает, что «устойчивое словосочетание употребляется в качестве сказуемого безличных предложений в том случае, если оно не имеет аффикса притяжательности, выражающего лицо грамматического подлежащего»¹². Например, *тиһэбэр тиийэн, киниэхэ да киэн көбүс кыараата* 'в конце концов и у него лопнуло терпение'. Постоянный порядок слов, слитное интонационное произношение и стертость конкретных значений компонентов ФЕ якутского языка отмечает М.А.Черосов¹³.

Сопоставительным, лингвокультурологическим аспектам описания ФЕ посвящены работы Л.М.Готовцевой¹⁴, А.Г.Нелунова¹⁵, Т.Н.Николаевой¹⁶, С.М.Прокопьевой¹⁷, С.Н.Семенова¹⁸.

Отдельные аспекты стилистики фразеологизмов находят отражение в работах А.Г.Нелунова¹⁹, Н.М.Борисовой²⁰, Л.М.Готовцевой²¹, С.В.Ивановой²², Л.Е.Манчуриной²³, А.М.Николаевой²⁴, А.К.Прокопьевой²⁵. Об оживлении интереса к освоению фразеологического богатства языка на страницах республиканских газет пишет П.А.Слепцов в своей монографии²⁶. Фразеологические сочетания как выразительные средства в поэзии А.Е.Кулаковского анализируются в его же работе²⁷.

Устойчивые сравнения исследуются в статьях Ю.И.Васильева²⁸, Т.Н.Николаевой²⁹.

Для создания общей теории устойчивых сочетаний якутского языка необходимо предварительное изучение многих частных вопросов. Таковыми являются изучение отдельных разрядов фразеологизмов, а именно, субстантивных, адъективных, адвербиальных. В этой связи хочется отметить отчет «Структурно-семантические особенности субстантивных, адъективных, адвербиальных фразеологических единиц якутского языка»³⁰. В нем выявлен корпус субстантивных, адъективных, адвербиальных фразеологизмов якутского языка (670 субстантивных, 450 адъек-

тивных и 250 адвербиальных ФЕ, всего 1370 единиц); приведено системное описание структурных, морфологических и семантических свойств данных лексико-грамматических разрядов. Анализу структуры и семантики отдельных типов ФЕ посвящены статьи А.Г.Нелунова³¹, Л.М.Готовцевой³², С.М.Прокопьевой³³, Е.Н.Дмитриевой³⁴, К.Д.Дьячковского³⁵. О влиянии русского языка на фразеологизмы якутского языка говорится в статье И.П.Винокурова, Н.И.Винокуровой³⁶.

Что же касается вопросов составления фразеологических словарей, то значительным шагом в изучении фразеологии явилось появление в 1974 г. «Фразеологического словаря якутского языка» Н.С.Григорьева, получившего положительный отзыв у специалистов, а также у тех, кто интересуется родным языком³⁷. Достоинством словаря следует считать то, что во «Введении» автор определяет признаки ФЕ якутского языка, отграничивая фразеологизмы от устойчивых словесных комплексов (УСК) разного типа. К УСК нефразеологического типа он относит пословицы, поговорки, лексические единицы, парные слова, устойчивые модели сочетания слов³⁸. Являясь сторонником «узкого» понимания объема фразеологии, он включает в ее состав собственно фразеологизмы и постоянные определения.

«Фразеологический словарь якутского языка» Н.С.Григорьева имеет большое значение для изучения якутского языка, его фразеологии. Он является первой серьезной работой, в которой представлен богатый материал фразеологизмов якутского языка.

В сборнике «Якутские пословицы и поговорки» Н.В.Емельянов, придерживается мнения академика В.В.Виноградова о том, что ФЕ есть «единицы более сложного порядка, эквивалентные слову»³⁹ и не относит пословицы к фразеологизмам, считая, что это расширяет понятие устойчивых фразеологических сочетаний. По его мнению, поговорки по своему содержанию и функциям близки к фразеологизмам⁴⁰.

«Якутско-русский фразеологический словарь» А.Г.Нелунова⁴¹ — первая в истории фразеологии якутского языка попытка строгой дифференциации состава ФЕ и в то же время наиболее полное отражение фразеологического богатства якутского языка. В словарь включены помимо употребительных фразеологизмов, устаревшие, диалектные ФЕ, ФЕ-кальки, постоянные эпитеты. Данный словарь имеет большое значение для разработки прикладных вопросов якутского ли-

тературного языка, а также для сопоставительных исследований родственных и неродственных языков. Словарь высоко оценен специалистами⁴².

Коллективом авторов выпущен учебный «Немецко-русско-якутский фразеологический словарь»⁴³. В виде научного отчета составлен «Якутско-русский тематико-идеографический словарь фразеологизмов»⁴⁴. В данной работе автор руководствовалась тезисом о том, что «идеографическая классификация идиом является необходимым шагом на пути к построению их адекватных толкований. Только сопоставление семантически близких единиц дает возможность выявить и описать их индивидуальные отличительные особенности»⁴⁵.

Вышли из печати 6 томов Большого толкового словаря якутского языка (буквы А–М), в котором достаточно полно отражены, наряду с лексикой, и фразеологизмы. По нашим подсчетам, лексема ИЛИИ включает 95 ФЕ, лексема БАС — 41 ФЕ. Таким образом, можно смело утверждать, что составляемый многотомный словарь охватит с наибольшей полнотой все фразеологическое богатство якутского языка. В целом теоретическая концепция словаря отвечает требованиям, которые существуют в практике лексикографии в настоящее время. Это касается и принципов отбора материала и подачи вариантных форм ФЕ, стилистической характеристики ФЕ, способов толкования ФЕ, квалификации многозначных ФЕ, разграничения значений и оттенков ФЕ, способов перевода и подбора эквивалентов из арсенала русского языка.

Разные аспекты фразеологии находят отражение в статьях А.Г.Нелунова⁴⁶ и Л.М.Готовцевой⁴⁷.

На современном этапе развития фразеологии проблема сочетаемости ФЕ является принципиально важной. Еще в 1974 г. В.Н.Телия написала: «Раскрытие и описание семантических механизмов фразеологической сочетаемости слов — насущная задача фразеологии»⁴⁸. Вопросы сочетаемости фразеологизмов якутского языка затрагиваются в статье⁴⁹, а также в монографии А.Г.Нелунова «Глагольная фразеология якутского языка». В главе «Форма глагольных ФЕ якутского языка» он рассматривает внутреннюю форму, т.е. отношения компонентов фразеологизмов между собой с морфолого-синтаксической точки зрения; внешнюю форму, т.е. отношения и связи фразеологизма в целом с другими словами в предложении. Он указывает на неразработанность вопроса о границе лексического состава фразео-

логизмов якутского языка. «Отсутствие единого принципа при определении границ ФЕ приводит к тому, что зачастую лингвисты фиксируют интуитивно. При этом неизбежны неточности в подаче лексического состава фразеологизмов. ... Иногда в состав ФЕ вводят слова, не являющиеся собственными компонентами фразеологизмов»⁵⁰. Семантическая и формальная характеристика фразеологизмов невозможна без учета их валентности. Вопросы о границе той или иной ФЕ, объеме значения, парадигматических связях фразеологизмов так или иначе связаны с лексической и грамматической сочетаемостью ФЕ. Все это предопределило разработку Л.М.Готовцевой темы «Сочетаемость фразеологизмов якутского языка» в рамках проекта НИР «Якутский язык: системные отношения в грамматике и лексике; функционирование» (2010–2012 гг.).

Итак, обозревая современное состояние изучения ФЕ якутского языка, можно заключить:

– Составление различных типов двуязычных словарей, фразеологического словаря якутского языка, сборников пословиц и поговорок, якутско-русского фразеологического словаря, многотомного академического толкового словаря якутского языка, академической картотеки якутского языка способствовало накоплению фразеологического материала и первоначальной его систематизации.

– В понимании сущности и объема ФЕ у исследователей якутского языка преобладает «узкий» подход.

– Свое понимание сущности и объема ФЕ высказывают в своих исследованиях Н.С.Григорьев, Н.К.Антонов, П.С.Афанасьев, Н.В.Емельянов, А.Г.Нелунов, Л.М.Готовцева, Т.Н.Николаева⁵¹. Их взгляды основываются на теоретических достижениях современной фразеологии с учетом специфики фразеологического корпуса якутского языка.

– Несмотря на наличие большого количества теоретических работ по фразеологии, среди тюркологов (как и среди русистов, германистов) нет единства взглядов в понимании сущности ФЕ, в определении основных свойств фразеологизмов. В этой связи исследования лингвистов якутского языка, введение в научный оборот ФЕ якутского языка могут быть полезными для решения спорного общетеоретического вопроса фразеологии — отграничения ФЕ от других смежных явлений: составных терминов, модальных сочетаний, постоянных эпитетов, крылатых слов, типовых конструкций грамматического характера, пословиц, поговорок, устойчивых моделей

сочетания слов — помогут уточнить структурные и семантические особенности различных групп устойчивых словесных комплексов, выработать более надежные критерии разграничения ФЕ от сходных с ними образований и определить место ФЕ в составе других УСК и в общей системе языка.

– Глубоко и детально разработаны глагольные ФЕ якутского языка, но нужны обобщающие работы монографического характера по другим лексико-грамматическим разрядам: субстантивному, адъективному, адвербиальному ФЕ.

– Сопоставительный, лингвокультурологический аспекты описания ФЕ не остаются вне поля зрения якутских фразеологов.

– Все другие, в том числе важнейшие проблемы ФЕ якутского языка, затрагиваются вскользь (изучение центрального пласта фразеологии — идиом, стилистические функции ФЕ, диахронный анализ ФЕ, синтаксис ФЕ) и др.

– Ждут разрешения такие аспекты фразеологии, как проблема разграничения ФЕ от других устойчивых словосочетаний, семантика ФЕ и семантические отношения во фразеологической системе, фразеологическая стилистика, функционирование ФЕ в тексте, синтаксис ФЕ, диалектная фразеология, вопросы теории и практики перевода фразеологизмов, проблемы историко-этимологического анализа фразеологии, фразеография, лингвокультурология.

– Всестороннего наблюдения, инвентаризации и изучения требуют новые фразеологизмы, активно употребляющиеся и вошедшие во фразеологический фонд языка.

– Весьма перспективно сравнительное, сравнительно-типологическое, сопоставительное изучение фразеологизмов якутского языка с фразеологией тюркских, монгольских, а также неродственных языков.

– Плодотворным представляется анализ ФЕ якутского языка по лексико-семантическим рядам компонентов-соматизмов, зоонимов, глаголов движения, состояния, говорения, прилагательных цветообозначений и т.д.

Признание ЮНЕСКО олонхо шедевром устного нематериального культурного наследия человечества придаст новый импульс для последующих фразеологических изысканий.

Надеемся, что исследования по фразеологии якутского языка будут способствовать дальнейшему развитию общей теории устойчивых сочетаний якутского языка, типологии и дальнейшей разработке вопросов структуры и семантики, стилистики, синтаксиса ФЕ.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Кулаковский А.Е. Якутские пословицы и поговорки. — Якутск, 1925. — 122 с.

² Григорьев Н.С. О некоторых вопросах методики научного анализа фразеологических единиц якутского языка // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения. — Казань, 1960. — С. 165–177.

³ Григорьев Н.С. О семантике некоторых устойчивых словосочетаний в якутском языке // Ученые записки Якутского ун-та. Серия общ. наук. — 1960. — Вып. 7. — С. 115–125.

⁴ Григорьев Н.С. О стилистической функции фразеологических единиц в якутском языке // Якутский филологический сборник — Якутск, 1976. — С. 82.

⁵ Афанасьев П.С. Лексикология якутского языка. — Якутск, 1977. — С. 13.

⁶ Там же. — С. 16.

⁷ Антонов Н.К. Саха билигин тылын лексиката. — Якутск, 1967. — С. 94.

⁸ Там же. — С. 95.

⁹ Нелунов А.Г. Глагольная фразеология якутского языка. — Якутск, 1981. — 125 с.

¹⁰ Нелунов А.Г. Место фразеологизмов в устойчивых словесных комплексах якутского языка // Якутский язык: Лексика, семантика. — Якутск, 1987. — С. 68.

¹¹ Нелунов А.Г. Крылатые слова и фразеологизмы в якутском языке // Саха тыла: устуоруйата, сайдыыта, туттуллуута. — Якутск, 2008. — С. 95–96.

¹² Неустроев Н.Н. Безличные предложения в современном якутском языке. — Якутск, 1972. — С. 93.

¹³ Черосов М.А. Основные типы синтаксических словосочетаний в якутском языке. — Якутск, 1972. — С. 33.

¹⁴ Готовцева Л.М. К сопоставительному изучению соматической фразеологии (на материале русского и якутского языков) // Якутский язык: лексикология, лексикография. — Якутск, 1989. — С. 119–124; Она же. Многочисленные фразеологические единицы с соматическим компонентом (на материале якутского, русского и якутского языков) // Якутский язык: семантика, фразеология. — Якутск, 1991. — С. 43–57; Она же. Межъязыковые фразеологические омонимы // Якутский язык: семантика, фразеология. — Якутск, 1991. — С. 129–133; Она же. Национально-специфические фразеологизмы // Духовная культура в жизни этноса — Якутск, 1991. — С. 100–105; Она же. Фразеологические единицы с соматическим компонентом языка саха как объект сопоставительного изучения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Якутск, 1994. — 22 с.; Она же. Фразеологическая активность компонентов-соматизмов // Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия) — Новосибирск, 2003. — С. 216–224; Готовцева Л.М., Михайлова Р.Д. Парадигматический анализ фразеологических единиц с числовым компонентом 3 немецкого языка (в сопоставлении с ФЕ якутского языка) // Академик Ш.Ш.Сарыбаев жана казах тил билим меселелери — Алматы, 2005 — С. 751–757;

Готовцева Л.М., Петров В.Н. Концепт смерть во фразеологической картине мира // Вестник Казахского университета им. аль Фараби. Серия филологическая. — Алматы, 2005, — № 3 (85). — С. 79–81; Готовцева Л.М., Андреева А.В. Лингвокультурологический анализ ФЕ, обозначающих зрелый возраст человека (на материале немецкого и якутского языков) // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая политика в межкультурной среде. — Абакан, 2006 — С. 77–78; Готовцева Л.М., Андреева А.В. Лингвокультурологический анализ ФЕ, обозначающих понятие возраст человека (на материале немецкого и якутского языков) // Материалы Международной научной конференции «Россия — Германия: историко-культурные контакты» — Якутск, 2006 — С. 258–270; Готовцева Л.М. Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц, обозначающих старый возраст человека, в немецком и русском языках // Материалы III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковое развитие и языковое образование Юга Сибири и сопредельных территорий» — Абакан, 2008. — С. 141–144; Она же. Фразеологические единицы якутского языка, характеризующие человека, как фрагмент фразеологической картины мира // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая картина мира и языковая личность» — Абакан, 2009 — С. 152–153; Она же. Структурно-грамматическая организация фразеологических единиц якутского языка (в сопоставлении с русскими и немецкими ФЕ) // Материалы Международной научной конференции «Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология» — М., 2009. — С. 150–152; Она же. «Соматизмы Бас, Төбө, Голова» в составе фразеологизмов // Языковая ситуация и проблемы межкультурной коммуникации — Якутск, 2009 — С. 67–69; Она же. Сопоставительный аспект изучения фразеологизмов в русской и якутской лингвокультурах // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России» — Элиста, 2009 — С. 49–51.

¹⁵ Нелунов А.Г. Фразеологизмы, связанные с представлениями о смерти // Тюркские и северные языки. — Якутск, 2002. — С. 188–197; Он же. Фразеологизмы, связанные с поверьями и другими древними формами религиозных представлений // Наука и образование. — 2004. — № 3. — С. 63–66; Он же. Роль экстралингвистических факторов в образовании фразеологизмов якутского языка // Наука и образование — 2007. — № 3. — С. 146–148; Он же. Фразеологизмы с компонентом ыт ‘собака’ в якутском языке // Материалы Международной научной конференции «Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология» — М., 2009. — С. 181–182; Он же. Фразеологизмы якутского языка, обусловленные социально-историческими факторами // Система ценностей современного общества: Сб. материалов

Х Международной практической конференции. — Новосибирск, 2010 — С. 191–194.

¹⁶ Николаева Т.Н. Типологическая параметризация компаративной фразеологии современного якутского и немецкого языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Якутск, 2003. — 22 с.; Она же. Языковая личность во фразеологической картине мира // С.А.Новгородов и новое в якутском языкознании. — Якутск, 2003 — С. 92–98; Она же. Типология компаративных фразеологических единиц современного якутского и немецкого языков по семантическому параметру «Перенос из одной понятийной сферы в другую» // О.Н.Бетлингк и тюркское языкознание. — Якутск, 2005. — С. 161–165.

¹⁷ Прокопьева С.М. Проблема фразеологической образности в исследовании универсально-типологического и национально-специфического во фразеологической системе языка. — М., 1995. — 163 с.

¹⁸ Семенов С.Н. Зоономиния в якутских и русских фразеологизмах: лексико-статистический анализ // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологии. Четвертые Жуковские чтения. Материалы Международного научного симпозиума. — Великий Новгород, 2009 — С. 206–207.

¹⁹ Якутско-русский фразеологический словарь / Сост. А.Г.Нелунов — Новосибирск, 1998. — Т. 1. — С. 56–58.

²⁰ Борисова Н.М. Функционирование языка саха в сфере периодической печати: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Якутск, 2000. — 22 с.

²¹ Готовцева Л.М. К вопросу о стилистической дифференциации фразеологизмов в словарях // С.А.Новгородов и новое в якутском языкознании. — Якутск, 2003 — С. 88 — 91; Она же. Структурно-семантические особенности субстантивных, адъективных, адвербиальных фразеологических единиц якутского языка. 2009. — С. 96–119. [Рукопись].

²² Иванова С.В. Сомоҕо домоххо холбуу кэпсиирэ истиилистикэтэ // Саха тыла: историята, сайдыыта, проблемалара. — Дьокуускай, 2006. — С. 61–62.

²³ Манчурина Л.Е. Н.С.Григорьев сомоҕо домох истиилистикэтин туһунан суруйуута // Саха тыла: историята, сайдыыта, проблемалара. — Дьокуускай, 2006. — С. 55–57.

²⁴ Николаева А.М. Средства выражения экспрессивности в якутском литературном языке (лексико-семантический аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Якутск, 2006. — 30 с.

²⁵ Прокопьева А.К. Стилистическое употребление сложных предложений в олонхо // Саха тыла: устуоруйата, сайдыыта, туттулуута. — Дьокуускай, 2008. — С. 160–165.

²⁶ Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. — Новосибирск, Наука, 1990. — С. 124–125.

²⁷ Слепцов П.А. Өксөкүлээх Өлөксөй поэзиятын тылын уратытын туһунан // Өксөкүлээх Өлөксөй. Ырыа-хоһоон. Т. 1. — Новосибирск, Наука, 2009 — С. 68–88.

²⁸ Васильев Ю.И. Фразеологические сращения со словом «курдук» в якутском языке. // Изучение языков в Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 122–132.

²⁹ Николаева Т.Н. Экспликация показателя сравнения (на материале современного якутского языка) // Материалы Международной научной конференции. — Новокузнецк, 2008. — С. 109–112.

³⁰ Готовцева Л.М. Структурно-семантические особенности субстантивных, адъективных, адвербиальных фразеологических единиц якутского языка. 2009. — 135 с. [Рукопись].

³¹ Нелунов А.Г. О структуре глагольных фразеологизмов якутского языка // Лексикологические исследования — Якутск, 1976. — С. 3–32; Он же. Лексические варианты глагольных фразеологических единиц якутского языка // Там же. — С. 68–75; Он же. Разбор фразеологизмов как членов предложения // Саха литературатыгар саҥа программалан үлэ опытыттан. — Якутскай, 1976. — С. 40–63; Он же. Фразеологизмы, образованные от пословиц и поговорок // Межкультурное взаимодействие в Сибири: историко-этнографические, лингвистические, литературоведческие аспекты — Якутск, 2009. — С. 119–121.

³² Готовцева Л.М. Фразеосемантические группы субстантивных фразеологизмов якутского языка // Проблемы изучения тюркских языков на рубеже XX–XXI веков. — Якутск, 2010. — С. 122–124.

³³ Прокопьева С.М. Когнитивный анализ образной фразеологии в труде О.Н.Бетлингк // О.Н.Бетлингк и тюркское языкознание. — Якутск, 2005. — С. 157–161; Она же. Образные фразеологические единицы в лексикографии якутского языка // Межкультурное взаимодействие в Сибири: историко-этнографические, лингвистические, литературоведческие аспекты — Якутск, 2009. — С. 177–183.

³⁴ Дмитриева Е.Н., Иванова А.В., Михайлова И.В. Роль метафоры в языковой картине мира // Россия — Азия: Механизмы сохранения и модернизации этничности. Материалы Международной научно-практической конференции (18–21 июня 2008 г.) — Улан-Удэ, 2008. — Вып. № 3. — С. 102–104.

³⁵ Дьячковский К.Д. Сомоҕо домох семантической суолтата (Н.С.Григорьев «Саха тылын сомоҕо домохун тылдьытыгар олобуран») // Саха тыла: историята, сайдыыта, проблемалара. — Дьокуускай, 2006. — С. 30–31.

³⁶ Винокуров И.П., Винокурова Н.И. Нуучча тыла сомоҕо домоххо кэстүүтэ // Саха тыла: историята, сайдыыта, проблемалара. — Дьокуускай, 2006. — С. 29–30.

³⁷ Нелунов А.Г. Саха тылын сомоҕо домохторун туһунан. — Хотугу Сулус. — 1975. — № 8. — С. 106–111; Григорьев Н.С. «Саха тылын сомоҕо домохун тылдьытын» туһунан // Саха тыла: историята, сайдыыта, проблемалара. — Дьокуускай, 2006. — С. 25–26; Сидоров Е.С. Кэскиллээх тылдьыт // Кыым, 16 февраля, 1975.

³⁸ Григорьев Н.С. Саха тылын сомоҕо домохун тылдьыта. — Дьокуускай, 1974. — С. 36.

³⁹ Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки. — Якутск, 1962. — С. 21.

⁴⁰ Там же. — С. 12.

⁴² Якутско-русский фразеологический словарь / Сост. А.Г.Нелунов — Новосибирск, 1998. — Т. 1., 2002. — Т. 2.

⁴² Дьячковский Ф.Н., Прокопьева С.М. Новое в тюркологической фразеологии // Наука и образование. — 2003, — № 2 (30) — С. 125–126; Дьячковский Ф.Н. Тюрк тылын фразеологиятыгар суду кылаат // Чолбон. — 2003, — № 7 — С. 91–92.

⁴³ Немецко-русско-якутский фразеологический словарь / Сост. Афанасьева Е.Н., Готовцева Л.М., Дьячковский Ф.Н. и др. — М., 2001. — 100 с.

⁴⁴ Готовцева Л.М. Якутско-русский тематико-идеографический словарь фразеологизмов. 2004. — 210 с. [Рукопись].

⁴⁵ Баранов А.Н., Добровольский Д.Д. Аспекты теории фразеологии. — М., 2008. — С. 656.

⁴⁶ Нелунов А.Г. Разработка фразеологических единиц в «Толковом словаре якутского языка» // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии. — Якутск, 1980. — С. 18–35; Он же. Словарь О.Н.Бетлинга и якутская фразеология // О.Н.Бетлингк и тюркское языкознание. — Якутск, 2005. — С. 149–152; Он же. Перевод и лексикографическая разработка фразеологизмов в «Русско-якутском

словаре» / Под редакцией П.С.Афанасьева и Л.Н.Харитоновой // Актуальные проблемы перевода в свете языковой политики. — Якутск, 2006. — С. 125–133.

⁴⁷ Готовцева Л.М. Учебный тематический фразеологический словарь якутского языка // Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции современного общества. — Якутск, 2007. — С. 223–225.

⁴⁸ Телия В.Н. Семантический аспект сочетаемости и фразеологическая сочетаемость // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 265.

⁴⁹ Нелунов А.Г. Некоторые особенности сочетания фразеологизмов в предложении // Саха тылыгар ыстатыйалар уонна матырыйааллар. — Якутский, 1977. — С. 89–94.

⁵⁰ Нелунов А.Г. Глагольная фразеология якутского языка. — Якутск, 1981. — С. 96–97.

⁵¹ Николаева Т.Н. Точка зрения на объем фразеологии (на материале немецкого и якутского языков) // Материалы Международного научно-практического семинара «Россия и Европа: как подобрать слова» — Томск, 2009. — С. 95–100.

L. M. Gotovtseva

Sakha phraseology:

Modern state and research perspectives

The article is about the state of study and perspectives of development of Sakha phraseology. The completion of bilingual dictionaries, two types of phraseological dictionaries and the academic card file system all promoted the accumulation of phraseological material and its initial systematization. As noted in the paper, there is no single approach to understanding the essence and volume of phraseology. In the works of Sakha philologists phraseology is investigated in different aspects. The article outlines paths for studying Sakha phraseology.

Keywords: phraseology, semantics, structure, phraseological system, the object of phraseology, phraseological unit volume, phraseological unit features, stable word complex, phraseography.

УДК 81'367.625:811.512.157

С.М.Прокопьева, В.Д.Монастырев

Кодификация многозначного глагола «көр» в Большом толковом словаре якутского языка

Через анализ языковой семантики многозначного слова **көр** мы выходим в сферу концептов. Все концепты «визуальной направленности действия» многозначного глагола **көр** (позициональность действия, стадийность действия, целенаправленность действия, психологическое действие, оценочное действие, физическое действие, односторонняя направленность действия), находящиеся в логической связи с 14 лексико-семантическими вариантами, и 54 устойчивых словосочетания нашли отражение и кодифицированы по всем правилам и требованиям лексикографической практики в Большом толковом словаре якутского языка.

В Словаре также представлены виды узуальной вариантности, присущие компонентному составу фразеологических единиц: субституция, количественная, позиционная и комбинированная вариантность, а также — все семантические категории фразеологических единиц с компонентом **көр**: полисемия, омонимия, синонимия и антонимия.

Ключевые слова: лексическое значение, семантическая структура, концепты, фразеологические сочетания, вариантность.

Большой толковый словарь якутского языка включает лексику и фразеологию современного литературного якутского языка, распространенные диалектизмы, народную терминологическую лексику, изобразительные слова разговорного языка и языка художественной литературы, получившие общенародное употребление. Кроме того, в Словаре зафиксированы специфический фольклорный фонд (устаревшие слова и выражения), формульные выражения, встречающиеся в письменном зафиксированных текстах олонхо. Таким образом, в Словаре раскрывается лексико-семантическая система языка народа саха со всеми его стилистическими оттенками и нюансами, которая в полном объеме почти недоступна большей части носителей языка.

В полном объеме (15 томов) Словарь станет настоящим сводом богатого мира лексической семантики языка саха, через который можно будет познать менталитет, национальный характер, образ жизни и культуру народа саха.

Слова в Словаре расположены в алфавитном порядке. Каждое слово сопровождается самостоятельной словарной статьей, которая начинается с заглавного слова. Словарная статья включает все пометы, относящиеся к заглавным словам, их толкование на якутском и русском языках, в том числе и толкование устойчивых словесных комплексов (если таковые имеются), а также иллюстративный материал к ним. Основным источником иллюстративных примеров является материал, сосредоточенный в 3-миллионной академической базовой картотеке лексического и фразеологического фонда якутского языка. Это лучшие образцы устного народного творчества, произведения классиков якутской литературы, народных писателей и поэтов старшего, среднего и молодого поколения. Примеры дают не только систему значений заглавного слова, но и подтверждают, уточняют, делают более конкретным и ясным его толкование. Кроме того, они предназначены быть лучшими образцами употребления слова в речи.

В данной статье мы рассмотрим кодификацию логической связи семантической структуры

многозначного глагола **көр** в Большом толковом словаре якутского языка¹.

Многозначный глагол **көр** по своей семантике входит в группу глаголов зрительного восприятия и является довольно интересным в семантическом плане, так как семантические отношения внутри связанных между собой значений данного глагола выражены формами одного слова. В IV томе Большого толкового словаря якутского языка полисемантический глагол **көр** представлен 14 лексическими значениями, 1 грамматическим, 2 омонимами и 54 фразеологическими единицами.

1. Глагол **көр** передает направление взгляда на кого-л., что-л.. В качестве объекта-локализатора могут выступать любые предметы, на которые направлен взгляд субъекта. Слово **көр** имеет 14 лексико-семантических вариантов (ЛСВ).

ЛСВ-1. Архисемой, т.е. основным исходным значением слова «**көр**», в современном якутском языке является значение: «направлять взгляд на кого-, что-л., смотреть, видеть». *Дьоно эмиэ тугу эрэ кэпсэтэн ботугураһаллар. Сотору-сотору оһонньор диэки көрөллөр* (Н.Якутская).

ЛСВ-2 «держать в поле зрения кого-, что-л.». *Дьон барыта көрөр сиригэр дьиэ ортотугар турбахтаата* (Т.Сметанин).

ЛСВ-3 «открывать глаза». *Уолчаан уһуктан чэмэличи көрөн кэлэр* (Н.Якутская).

ЛСВ-4 «внимательно следить за действиями кого-л.». *Биһигини ойууртан кэтээн көрө сыппыттар* (С Ефремов).

ЛСВ-5 «подробно ознакомиться с чем-л., присматривать, наблюдать». *Бу дьыаланы улахан тойон бэйэтэ көрдөбүнэ быһаарыһы* (Болот Боотур).

ЛСВ-6 «вникнув, хорошо разобраться в том или ином вопросе, обсудить его». *Бүгүн мунньахха икки боппуруоһу көрөллөр.*

ЛСВ-7 «встречаться, встретиться с кем-л., увидеть кого-л.». *Дьону миигин көрүүхтэрин баһараллара үчүгэй* (И.Гоголев).

ЛСВ-8 «обследовать больного». *Быраас миигин көрөн баран эм бөбөтүн анаата.*

ЛСВ-9 «заботиться о ком-чем-л., ухаживать, присматривать за кем, чем-л.; проверять кого-,

что-л.». *Бу киһи ойобун көрбөт. Биз кэннигэр баран быһа тэптэрэн кэбистэ* (Эрилих Эристиин).

ЛСВ-10 «испытывать, переживать, терпеть горе, неприятности и т.п.». *Мин эдэр сааспар үгүс кыһалҕаны, эрэйи-муну көрбүтүм* (Дьүөгэ Ааныстыырап).

ЛСВ-11 «так или иначе относиться к кому-, чему-л.; судить о чем-л., оценивать кого-, что-л.». *Сирэйдэриттэн-харахтарыттан көрдөбүнэ, кини туһунан кэпсэтэр быһыылаахтар* (Н.Якутскай).

ЛСВ-12 «засветить, засиять (о солнце)». *Ойуур үүнээйилэрин сарсыардаттан кизһээнгэ диэри кун чабылыччы көрөр* (КВА Б).

ЛСВ-13 *перен.* «быть обращенным на кого-, что-л.». *Дьылэр көбүс-көнө кэрискэнэн субуруспуттар, өрүс угуор көрөн тураллар* (М.Горькай (тылб.)).

ЛСВ-14 *перен.* «испускать сияние, светиться, блистать». *Сулустар чобулччу көрбүттэр.*

2. В сочетании с деепричастием на **-ан** выступает в роли вспомогательного глагола со значением «пробовать, пытаться, сметь». *Амсайан көр. Баран көрүүһүкпүн* (А.Софронов).

Через анализ языковой семантики многозначного слова **көр** мы выходим в сферу концептов, единиц мыслительной деятельности, квантов знания. Семантический потенциал глагола **көр** содержит в своем составе следующие концепты:

1. Визуальная направленность действия:

— «направлять взгляд на кого-, что-л., смотреть, видеть». *Дьонно эмиэ тугу эрэ кэпсэтэн ботугураһаллар. Сотору-сотору обонньор диэки көрөллөр* (Н.Якутскай).

1.1. Позициональность действия:

— «держат в поле зрения кого-, что-л.». *Дьон барыта көрөр сиригэр дьиз ортотугар турбахтаата* (Т.Сметанин).

1.2. Стадиальность действия:

— «открывать глаза». *Уолчаан уһуктан чэмэличи көрөн сытар* (Н.Якутскай).

1.3. Целенаправленность действия:

— «внимательно следить за действиями кого-л.». *Биһигини ойууртан кэтээн көрө сыппыттар* (Н.Якутскай).

— «подробно ознакомиться с чем-л., просматривать, наблюдать». *Бу дьыаланы улахан тойон бэйэтэ көрдөбүнэ быһаарыһы* (Болот Боотур).

— «вникнув, хорошо разобраться в том или ином вопросе, обсудить его». *Бүгүн муньахха икки боппуруоһу көрөллөр.*

— «встречаться, встретиться с кем-л., увидеть кого-л.». *Дьонум миигин көрүүхтэрин баһараллара үчүгэй* (И.Гоголев).

— «обследовать больного». *Быраас миигин көрөн баран эмн бөбөтүн анаата.*

— «заботиться о ком-, чем-л., ухаживать, присматривать за кем-, чем-л.; проверять кого-, что-л.». *Бу киһи ойобун көрбөт. Биз кэннигэр баран быһа тэптэрэн кэбистэ* (Эрилих Эристиин).

1.4. Психологическое действие:

— Испытывать, переживать, терпеть горе, неприятности и т.п. *Мин эдэр сааспар үгүс кыһалҕаны көрбүтүм, элбэхтик эрэйдэммитим.* (Дьүөгэ Ааныстыырап).

1.5. Оценочное действие:

— «так или иначе относиться к кому-, чему-л.; судить о чем-л., оценивать кого-, что-л.». *Сирэйдэриттэн-харахтарыттан көрдөбүнэ, кини туһунан кэпсэтэр быһыылаахтар* (Н.Якутскай).

1.6. Физическое действие:

— «засветить, засиять (о солнце)». *Ойуур үүнээйилэрин сарсыардаттан кизһээнгэ диэри кун чабылыччы көрөр* (КВА Б).

1.7. Односторонняя направленность действия:

— «быть обращенным на кого-, что-л.». *Дьылэр көбүс-көнө кэрискэнэн субуруспуттар, өрүс угуор көрөн тураллар* (М.Горькай (тылб.)).

— «испускать сияние, светиться, блистать». *Сулустар чобулччу көрбүттэр.*

Таким образом, в результате анализа многозначного глагола **көр** в рамках концепта «визуальная направленность действия» были выявлены следующие группы: «позициональность действия», «стадиальность действия», «целенаправленность действия», «психологическое действие», «оценочное действие», «физическое действие», «односторонняя направленность действия».

В данной работе также проанализированы экспликации фразеологических единиц якутского языка с компонентом **көр**.

В Большом толковом словаре якутского языка в составе многозначного слова **көр**, имеющего 14 значений, наличествуют 54 устойчивых словосочетания с мотивированными значениями компонентов и с глобальным переосмыслением компонентного состава, т.е. фразеологических единиц (далее — ФЕ). При анализе комплекса критериев, служащих для идентификации ФЕ (полное или частичное переосмысление компонентного состава, структурная раздельнооформленность, устойчивость лексического состава, воспроизводимость в готовом виде), приоритетное значение придается семантическому критерию, т.е. полному или частичному переосмыслению компонентного состава².

По характеру значения, возникающего в результате взаимодействия структуры, сочетаемос-

ти и семантического преобразования компонентного состава, различаются фразеологические единства, фразеологические выражения и фразеологические сочетания³. Во ФЕ представлены все вышеуказанные типы с компонентом **көр**.

I. В группу фразеологических единств входят как устойчивые словесные комплексы, не мотивированные по семантике значениями составляющих их компонентов, так и устойчивые словесные комплексы с мотивированным значением составляющих их компонентов.

К первым относятся идиомы, значение которых полностью переосмыслено и не мотивировано значением составляющих их компонентов, например: **Киһи сүрэжин-быарын көрбүтүнэн киирэр** — «трогает за самое сердце; по сердцу, по душе» *Тэлгэнэ сытар оппут минньигэс сыта киһи сүрэжин-быарын көрбүтүнэн киирэр* (Н.Якутская). **Тэбэн көрбөккө барда** — «быть убитым наповал». *Саа тыаһаата. Бөрө, тэбэн көрбөккө барда. Тэбэн көрбөккө утуй* — «спать мертвым сном, заснуть как убитый» *Уһун күнгэ тэбэн көрбөккө утуйдубут* (И.Никифоров). **Үрүң харабын өрө көрдө** — «он наконец-то свободно вздохнул (напр., освободившись от гнета, забот и т.п.)» *Кыра-хара дьон, Кыһалбаттан тахсан, Үрүң харахпытын өрө көрбүппүт* (Саха нар. ыр), и компаративные ФЕ, например: **Үөс курдугунан көрдө** — «бросить сердитый, злой, негодующий взгляд» *Чугаһаа-быттарын кэннэ көрбүтүм: биирдэстэрэ хара бытыктаах үөс курдугунан көрбүт киһи эбит* (Н.Неустроев).

Ко вторым относятся фразеологические единства, значение которых мотивировано значением составляющих их компонентов, например: **Абааһы көр** — «питать антипатию, относиться недружелюбно; питать злобу, ненависть, быть нетерпимым к кому-, чему-л.» *Итирик киһи айдаарарын абааһы көрөн тахсан барбытым* (Н.Якутская). **Айыы харабынан көрөр** — «относиться по-доброму, доброжелательно к кому-либо» *Павел Константиновиһы начааланньыга айыы харабынан көрөр буолбут дэһэллэрэ* (Н.Чернышевская (тылб.)). **Атыннык көрөн табыста** — «получилось иначе, чем ожидалось» *Санаабыт санаата барыта атыннык көрөн табыста. Атын хараххынан көр* калька — «смотреть другими глазами» *Мин учууталым тылларымтан уһуктубут курдук тулабын атын харахпынан көрөбүн* (Н.Лутинов). **Иннигин тымтыктанан көр** — «прозревать свою будущность, предугадывать предстоящие события» (*обычно употребляется в отрицательных оборотах*) *Бу курдук буолуо диэн киһи иннин тымтыктанан көрүө дуо?* (Эрилих Эристиин). **Көрөн ту-**

руо суоҕа — «он не будет стоять в стороне, действовать, сидеть сложа руки (*обязательно придет на помощь*)» *Манна көрөн турар киһи суох буолар* (П.Аввакумов). **Өтө көр** — «точно предугадать, что будет в будущем, предвидеть» *Сөмөлүттэрэ көппөт гына алдьаммытын лүөччүк өтө көрбүтэ* (Суорун Омоллоон). **Тобулу көр** — «сверлить глазами; не спускать глаз с кого-, чего-л.» *Ойуунун тобулу көрөн олорор* (П.Ойуунускай). **Тэһэ көр** — «бросать острый пронзительный взгляд» *Одуулаан тэһэ көрөн сытта*. Болот Боотур. **Хара буорунан көр** — «не иметь никакой растительности, ни одного зеленого ростка, дерна; становиться лысой (о почве, земле; букв. смотреть черной землей)» *Муора кытылын хаарын тыал хастаан, сорох сиригэн хара буорунан көрөн сытар буолара* (Н.Якутская). **Хатыылаахтык көр** — «бросать колючий, злобный взгляд» *Маастар Басов ыалдьытын хатыылаахтык көрбүтэ* (А.Аба-быныскай).

II. Фразеологическими выражениями являются единицы, соответствующие по грамматической структуре предикативным сочетаниям слов и предложениям. Примерами служат поговорки с компонентом **көр: киһи көрбөт, ыт үрбэт буол** — «постареть, одряхлеть или обнищать настолько, что никто за человека не считает (букв.: человек не замечает, собака не облаивает)» *Ол курдук сытан, киһи көрбөт, ыт үрбэт буолан, дьүдьэйи бөбөнү дьүдьэйэн баран өлбүтэ* (Саха фольк.). **Көрөртөн да сүөргү, этэртэн да эриэккэс фольк.** — «дикий, дикий, необычайный, необыкновенный; дивный» *Этэртэн да эриэккэс, Көрөртөн да сүөргү, Күндү тааһым барахсан Күнтэн көспүт сарданалаах эбит* (С.Зверев).

III. К фразеологическим сочетаниям, в составе которых один компонент имеет переосмысленное значение, относятся, например: **Көрбүтүм эрэ** — «мой единственный» (*обычно о ребенке*). *Киһи буолан орто дойдуга көрбүппүт эрэ Манечкабыт* (С.Ефремов). **Көрөртөн көрө үчүгэй** — «необычайно красивый, распрекрасный, невиданной красоты» *Бу оҕо көрөртөн көрө үчүгэй дьүһүннэх* («Чолбон»). **Күнгэ көрбүтүм** — «мой любимый человек, моя отрада, моя надежда» *Оо, күнгэ көрбүтүм! Эн тускар кыайарбын-кыайаппын барытын онгоруом!* (Г.Угаров).

Образная палитра семантики ФЕ с компонентом **көр** способствует образованию новых значений. Имплицитно выраженный способ образования ФЕ предполагает вторичный концептуальный перенос первично минимально абстрактных и более денотативно ориентированных ФЕ.

На фразеологическом уровне в отличие от лексического при анализе многозначного глагола **көр** происходят более глубинные семантические процессы в силу раздельнооформленности ФЕ и выделяются следующие типы семантических отношений: 1) радиальная фразеологическая полисемия, 2) цепочечная фразеологическая полисемия, 3) радиально-цепочечная фразеологическая полисемия.

1. При радиальной фразеологической полисемии все фразеосемантические варианты объединены общим фразеосемантическим инвариантом. Например:

көрөн туруо суоба — 1) он не будет стоять в стороне, бездействовать, сидеть сложа руки (обязательно придет на помощь) *Манна көрөн турар киһи суох буолар, ол кэлэктиип бииргэ сомоһолоһуутугар көмөлөөх* (П.Аввакумов); 2) он не будет робеть перед кем-, чем-л., он не испугается (обязательно совершит задуманное) *Уута тымныы диэн көрөн туруом суоба* («ХС»). **Оройунан (төбөтүнэн) көрбүт** — 1) необузданный, озорной, носящийся сломя голову, неукротимый баловень, отчаянный шалун (о детях). *Бу уол оройунан көрөн, киһи хаһыытын истэбэт буолбут ээ* («ХС»); 2) шустрый, бедовый, боевой. *Былыр мин, оройунан көрө сылдьарым саҕана, сииккэ сизлбит, хаарга хаампыт бэйэм* (Н. Туобулаахап). **Сирэй-иттэн көрөн** — 1) в зависимости от отношения к человеку делать что-л. для него хуже или лучше. *Мунньах киһини сирэйиттэн көрбөккө, литературнай кириитикэни кизгник тэнитэргэ эбээһинэстээтэ*. ССЛИО; 2) на месте, на ходу, смотря по обстоятельствам, ориентируясь по обстановке (делать что-л.) *Сирэйиттэн көрөн дакылааккын көннөрөөр*.

2. Цепочечная фразеологическая полисемия предполагает мотивированность последующего фразеосемантического варианта предыдущим вариантом вплоть до образования омонимичного ФЕ. Например: **батты көр** — 1) намеренно занижать действительные размеры чего-л. *Оппут батты көрөн холоһунна биэс сыарҕа буолсу*. ГНС СТСДТ; 2) относиться к кому-л. высокомерно, без должного уважения, смотреть на кого-л. свысока *Илдьирийбит сонноох уолу батты көрөн, хаһытаан ордоотоото*; **күн сири (сырдыгын, күнү) көр** — 1) выходить в свет, увидеть свет. *К.Туйаарыскай бастакы кинигэтэ 1952 сыллаахха күн сири көрбүтэ* (ВДЕ ССО); 2) появиться на свет, родиться. *Мин бу Кыталыктаах илин саппыйатыгар күнү көрбүтүм* (А. Сыромятникова).

өрө көр — 1) баловаться, шалить, резвиться (букв. вверх смотреть). *Дьэ өрө көрбүт оһолор*

бэйэлээхтэри туох кыайар үһү! (Суорун Омоллоон); 2) оказывать сопротивление; пререкаться, спорить. *Эн туоххар туолангын миигин өрө көрүөххүнүй?* (А.Федоров); **<үрүн> харабын өрө көрбөт** — 1) пребывать в унижении, притеснении; не видеть света белого (от гнета, притеснения) *Саллар саастарыгар харахтарын өрө көрбөккө үөн-көйүүр курдук санана сылдьыбыт сордоохтор* (ФЕВ УТУ); 2) соотв. вертеться как белка в колесе. *Сайынын от үлэтин үлүскэнииттэн үрүн хараххын өрө көрбөккүн* (П. Филиппов); **харабын кырыгынан көрдө** — 1) мельком, мимолетно (посмотреть, взглянуть). *Киһи бэрдэ остуолбаҕа сыһыарыллыбыт биллэри кумаабыта турарын харабын кырыгынан кылап гынан ылбыта* — «Бухта Тикси» диэн сурук көстө түспүтэ (Н.Заболоцкай); 2) тайком (видеть кого-, что-л.); незаметно (следовать за кем-, чем-л.). *Эргийэн харабым кырыгынан көрбүтүм, таайбытым курдук эһэ эбит* (Т.Сметанина); 3) злобно, недоброжелательно (смотреть).

3. Радиально-цепочечная фразеологическая полисемия не представлена среди ФЕ с компонентом **көр**.

Семантические категории, такие, как синонимия и антонимия, также наличествуют среди ФЕ с компонентом **көр**. Синонимичные ФЕ представлены как с компонентом-синонимом, так и синонимичными словосочетаниями, например: **«көрбүтүм эрэ — тула көрөр киһибит** — «мой единственный (обычно о ребенке); единственный человек, на которого можно положиться; единственная наша надежда (букв.: человек, на которого со всех сторон смотрим)»; **кумаардаан (кымаардаан) <да> көрбөт** — кумаар да сизбитигэр (ытырбытыгар) холообот — «не обращать внимания, не реагировать, не замечать»; **мэндээриччи көр** — **миин курдугунан көр** — **чалбах курдугунан көр** — «смотреть бессмысленными, пустыми глазами»; **тэһэ көр** — **өтө көр** — «бросать острый, пронзительный взгляд»; **хатыылаахтык көр** — **тобулу көр** — **батыры (дьөлө) көр** — «бросать колючий, злобный взгляд»;

Антонимы представлены ФЕ с компонентами-антонимами, например: **<үрүн> харабын өрө көрбөт** — «пребывать в унижении, притеснении; не видеть света белого (от гнета, притеснения)» — **<үрүн> харабын өрө көрдө** — «он наконец-то свободно вздохнул (напр., освободившись от гнета, забот и т.п.)».

Вариантность ФЕ с компонентом **көр** широко представлена в Словаре, что является проявлением системности фразеологии якутского языка и одним из путей совершенствования и

развития языка в целом. Примерами узуальной вариантности ФЕ с компонентом **көр** являются субституция, квантитативная, позиционная и комбинированная вариантность.

1. Субституция компонентного состава ФЕ с компонентом **көр**.

1.1. Фонетические варианты: **кумаардаан (кы-маардаан) <да> көрбөт** — «не обращать внимания, не реагировать, не замечать кого-л.»

1.2. Грамматические варианты: **курдатты (курдат) көр** — «отлично знать чьи-л. намерения, помыслы, видеть кого-л. насквозь»; **сөбүн көр (көрдөр)** — «проучить кого-л. как следует, дать хорошую взбучку кому-л.»

1.3. Субституция лексического компонента ФЕ:

1.3.1.1. Субституция глагольного компонента в результате взаимозаменяемости лексем одного тематического ряда, например: **түһээн да баттапат (көрбөт)** — «ничего не подозревать, совершенно не знать, даже не догадываться о чем-л.»

1.3.1.2. Субституция исходного глагольного компонента двумя глагольными единицами, например: **харабын кырыгытынан көрдө (кылап гын-на)** — 1) мельком, мимолетно (посмотреть, взглянуть); 2) тайком (видеть кого-, что-л.); незаметно (следовать за кем-, чем-л.); 3) злобно, недоброжелательно (смотреть).

1.3.2. Лексическая вариантность компонента-существительного с синонимической заменой именного компонента, например: **дэнги (эндиэни, энчини) көрбөт** — «не переносить, не терпеть даже самой малости того, что выходит за рамки привычного; раздражаться из-за пустяков»; **күн си-рин (сырдыгын, күнү) көр** — 1) появиться, родиться на свет божий; 2) увидеть свет, выходить в свет (издаваться); **оройунан (төбөтүнэн) көрбүт** — 1) необузданный, озорной, носящийся сломя голову, неуправляемый баловень, отчаянный шалун (о детях); 2) шустрый, бедовый, боевой.

1.3.3. Субституция исходного адъективного компонента синонимичным словом, например: **көрүөхтэн кэрэ (дьикти)** — «очень хороший, превосходный, дивный; глаз не оторвать».

1.3.4. Субституция компонента-наречия, например: **батыры (дьөлө) көр** — «сверлить взглядом; смотреть пристально»; **харабын мунгунан (ти-эрэ) көр** — «выпучить, выкатить глаза (от крайнего изумления, удивления, ужаса)».

2. Квантитативные варианты (варианты полной и сокращенной формы) ФЕ, например: **<кы-рыы харабынан> кынчайан көрбөтө** — «совершенно не обращать внимания на кого-л., игнорировать

кого-л., пренебрегать кем-л., даже не взглянуть»; **киһи сирэйин <сирэйин-харабын> таба көрбөт** — «стыдиться, стесняться, побаиваться (из-за содеянного, ср. прятать глаза)»; **<үрүн> харабын өрө көрбөт** — 1) пребывать в унижении, притеснении; не видеть света белого (от гнета, притеснения); 2) *соотв.* вертеться как белка в колесе.

3. Позиционная вариантность: **көрөөр да истээр (истээр да көрөөр)** — *соотв.* «как пить дать».

4. Комбинированная вариантность ФЕ; **көрүөх бэтэрээ өттүнэ — <көрөн баран> чыпчылыыах бэтэрээ өттүгэр (икки ардыгар)** — «в мгновение ока».

Исследование ФЕ с компонентом **көр** выявило основные виды узуальной вариантности, присущие компонентному составу ФЕ современного якутского языка: субституцию, квантитативную, позиционную и комбинированную вариантность.

Все вышеуказанные концепты «визуальной направленности действия» многозначного глагола **көр** (позициональность действия, стадияльность действия, целенаправленность действия, психологическое действие, оценочное действие, физическое действие, односторонняя направленность действия), находящиеся в логической связи с 14 лексико-семантическими вариантами и 54 устойчивыми словосочетаниями нашли отражение и кодифицированы по всем правилам и требованиям лексико- и фразеологической практики в Большом толковом словаре якутского языка.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Большой толковый словарь якутского языка, IV том, — Новосибирск: Наука, 2007, — С. 317–325.

² Прокопьева С.М. Проблема фразеологической образности в исследовании универсально-типологического и национально-специфического во фразеологической системе языка. — М.: Мир книги, 1995. — С. 45.

³ Чернышева, И.И. Фразеология современного немецкого языка. — М.: Высшая школа, 1970. — С. 39.

СОКРАЩЕНИЯ

ГНС СТСДТ — Григорьев Н.С. Саха тылын сомобо домохторун тылдьыта. — Якутская, 1974.

КВА Б — Корчагина В.А. Ботаника. 5-6 кыл. — Якутская, 1974.

ССЛИО — Саха советскай литературатын историгын очерката. — Якутская, 1955.

S.M.Prokopieva, V.D.Monastyrev

The codification of the poly-semantic verb *көр* in the Great Defining Dictionary of the Sakha Language

Analysing the language semantics of the polysemantic word *көр*, we find ourselves in the domain of concepts, cognitive units, cognition quanta. All concepts of visual action direction of the polysemantic word *көр* (positionality of action, staginess of action, intentionality of action, a psychological action, an evaluative action, a physical action, one-way orientation of action), having logical connections with the 14 lexico-semantic variants and 54 idioms, are presented and codified in the Great Academic Explanatory Dictionary of the Yakut Language according to all lexicographic rules and requirements.

The Dictionary presents the following types of the usual variance inherent to the component composition of phraseological units: substitution, a quantitative, positional, and combined variance. Also, all semantic categories of the phraseological units with the component *көр* are presented: polysemy, homonymy, synonymy, and antonymy.

Keywords: lexical meaning, semantic structure, concepts, phraseological combinations, variants

УДК 82-131:811.512.212

А.Н.Варламов

Родоплеменная идентификация в запевах героев эвенкийского эпоса

Предпринимается попытка анализа функциональных свойств эпических запевов в фольклоре эвенков. На примерах из текстов эвенкийского эпоса проанализирована родоплеменная идентификация в запевах его героев. В результате исследования получены выводы о высокой информативности эвенкийских эпических запевов в историческом плане.

Ключевые слова: историзм фольклора, эвенки, тунгусы, эпос, история эвенков.

Особенностью эпического жанра ряда народов Сибири является наличие уникальных запевов у эпических персонажей. Не является исключением и эпос эвенков, в котором запевные словосочетания предваряют речь основных персонажей эпоса и сопровождаются характерной мелодией. В большинстве случаев запевные слова служат для определенной «маркировки» обладателя запевов. На это свойство эпических запевов обращали внимание известные отечественные фольклористы. Е.С. Новик указывает на то, что эпические запевы являются важным семантическим компонентом, который определяет статус текста как монолога определенного лица¹. Функциональное значение запевов в фольклоре

народов Севера было подробно рассмотрено Ж.К. Лебедевой, которая выделяла запевные слова в качестве основного компонента обрядовой поэзии, выполняющего в эпосе полисемантическую функцию: они заменяют имя героя, указывают на отличительные признаки самого героя². Глубокие функциональные свойства эпических запевов в эвенкийских нимнгаханах отмечает Г.И.Варламова: «поющие монологи и у эвенков, и у эвенов имеют запевные слова, являющиеся как бы своеобразным кодом, «визиткой» героя. В эвенкийском эпосе запевные слова героев и героинь «труднорасшифровываемы», чаще можно лишь предположить, что этот родовой запев, запевные слова (обязательно начинающие поющий монолог) восходят либо к родовому названию, либо к названию племени...»³.

В ряде случаев запевы персонажей эвенкийских сказаний напрямую указывают на принадлежность их обладателей к тому или иному роду (племени). Ниже приведем ряд примеров, где запев героя наиболее явно соответствует его родовой принадлежности:

Запев отца Нингтони-мата из сказания о Секак:
«Гуниксэкэн этэрэн, д'э, аминин гунэн:

Орел, орел!

Би-дэ гунэм.

Орел! Орел!

Секак хугэ-дінгэн,

Си тікэн н'экэксэкэн

Ема дуннэ тэгэнмэн

Истави нгэнэксэкэнни?

Экэл нгэнэрэ, гунэм».

— «На ее речь отец отвечает:

— *Орель, орель!*

Я говорю —

Орель, орель! —

Секак, дочь моя,

Ты, направившись,

До конца

Какой земли

Дойти надумала?

Не ходи, прошу!»⁴.

Орель — название рода амгунских тунгусов, зарегистрированное в XVII в. и не забытое амгунскими эвенками еще в 1948 г. Озеро в нижней части бассейна на Амгуни также называется *Орель*⁵. Происхождение самого родового названия, вероятно, соотносится с корнем *Ор* — от эвенк. *лить металл, плавить свинец*⁶.

Запев героини Секак из сказания дальневосточных эвенков «Три девицы»:

«Тар эхилэ Секак-ахи турэтчэрэн д'алткіиви, д'Ур нэкунткіиви:

Дэвэдареко!

Дэвэдареко!

Мэнгукчэн-дэ,

Нэкуйэй-дэнгэн,

Долдікал-данган...

... Тар тікэн гунэкин, Секак-ахи н'ан турэтчэрэн:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!

Д'э, гунэм-нгу

Мэнгукчэн, н'экэ,

Д'э, гунэм-нгэн,

Дулин Сивир-дуннэвэ,

Кейан-дуннэвэ

Н'экэйэрил

Бичэл бими,

Мит ахакар

Буга тэкэнмэн

Гиркумчалтї!».

— «Вот однажды Секак-девица к подругам, к младшим обратилась:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!

Монгукчон-сестрица,

Послушай, что скажу...

...Тогда Секак-девица речь повела:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!

Я говорю,

Монгукчон-сестра,

Если бы мы

По средней Сивир-землею,

По Кеян-земле

В путь направились бы,

То мы, девицы,

До основания земли

Прошли бы»⁷.

Г.М.Василевич связывает эти запевы с эвенкийским родом Дэвэдарский (деведарский), зарегистрированным у восточных эвенков в документах XVII в.⁸.

В неопубликованном сказании дальневосточных эвенков о Секак-девице героиня встречает дружественного иноплеменника-оленевода по имени Пестрая Шуба (Мэрилэ Сангияк). Мэрилэ Сангияк имеет запев «Нурга, н'ургавойнан!» (Нюрга-нюржавойнан). В этом случае этническая принадлежность героя довольно точно определяется на родовом уровне: «Нур — стрела, Нуригди — фольк.: из рода Нюри — название эвенков, живущих на побережье Байкала. Нюрумна, н'урумна — название эвенкийского рода (в преданиях) — нюрумнали»⁹.

Родоплеменная принадлежность героев эпоса эвенков не всегда может быть определена достаточно точно, но принадлежность к тем или иным родоплеменным формациям прослеживается в большинстве случаев. В эпической традиции восточных эвенков весьма распространенным женским запевом являются запевы «кимокимонин» (кимэ-кимэнин).

Запев героини из сказания дальневосточных эвенков о Кодакчоне:

«Тікэн гуниксэкэн этэрэн. Тарит нунган угилэ бихи ахаткан улгучэнд'эрэн:

Кемонин, кемонин!

Кемонин, кемонин!

Д'э, би ахаткан

Улгучэнд'эктэ!

Кэ, долдікал».

— «Он кончил говорить. Затем та девица, что над ним летала, стала рассказывать:

Кемонин! Кемонин!

Кемонин! Кемонин!

Я, девица, расскажу!
Слушай, внимай
Своими обоими ушами!»¹⁰.

Запевы эпических героев *Кемонин* (*кимэ-нин*) отражают названия конкретных родов у эвенков и других народов тунгусоманьчжурской группы: «Название рода Кима (~ Кимо) имеется у потомков ангарских эвенков, в сымской и подкаменнотунгусских группах. У удэгейцев существовал род Кимонко. Название Кемо ~ Кемонин сопоставимо со словом «кемунь» в имени предка Агуды — Рай Кемунь Агуда. Агуда, живший в XII в., был родом из племени джурджи»¹¹.

В эвенкийском эпосе обладательницы запева «кимонин» относят себя к «птичьему» племени *киливли*. Этноним *кили* соотносится с известными родоплеменными названиями, распространенными на Дальнем Востоке: «Эвенкийское происхождение имеет и широко известный среди нанайцев род Киленов (Кили)... Некогда *кили* составляли весьма многочисленное тунгусское племя, которое выйдя к Амуру, вошло в состав нанайцев, орочей, ороков, ульчей и нивхов. Среди нанайцев *кили* в конце XIX в. составляли особую группу. Л.Шренк считал их даже особым народом (племенем), поскольку их язык существенно отличался от других тунгусоязычных народов»¹².

В эпической традиции эвенков основным направлением путешествий одинокого богатыря является восток, где герой приобретает себе жену. Эта распространенная традиция отражает длительный процесс этнокультурных контактов тунгусов на Дальнем Востоке, в основе которых лежат взаимобращные отношения. На распространение взаимных браков в основе межэтнических отношений в Приамурье указывал Ч.М.Таксами¹³.

В некоторых случаях родоплеменные признаки кодировки запевов героев внешне не проявляются, однако при подробном рассмотрении можно отметить возможные параллели с реальными этноплеменными образованиями и известными историческими процессами. В сказании забайкальских эвенков о Чинанае его будущая жена — дочь Месяца (Бега Хунадин) имеет запов «Лонгкое-лонгкое»:

«Элэ арай хэгэр идерэ веет, хэгэл илчал:
— Лонгкое-лонгкое!
Боканылив, боканылив,
Уркэлви ныдекэл.
Лонгкое-лонгкое!

Ахи хэгэдевки, тар элэ тэдемэ Бега хунадин эмэдечэ».

— «Вдруг песня слышится, вот как звучит она:

— Лонгкое-лонгкое!
Служанка моя, служанка моя,
Двери открывай.
Лонгкое-лонгкое!
Это настоящая Месяца дочь так поет»¹⁴.

Рассматриваемый запов дочери Месяца сопоставим по этимологии с названием одного из ульчских родов «Лонгки», имеющего ороческое происхождение¹⁵. Кроме этого, в этом запеве обнаруживаются и другие возможные параллели.

В эвенкийском языке запов дочери Месяца, в первую очередь, соотносится со словом «*лонгјама*» — серп луны, первая четверть луны. Слово со схожим значением имеется в нивхском языке (*лонг* — луна, *лонгнъями* — месяц)¹⁶. В эвенкийском сказании об «Удалой девице Секак и ее брате Ираны», записанном и расшифрованном Г.И.Варламовой, встречается тот же персонаж — дочь Месяца, в этом сказании она имеет несколько измененный запов — «*Линглеро-линглерон!*». Слова запева *лонгкое* и *линглерон* соотносятся друг с другом по этимологии (*лонг-линг*), отождествляя общие этноплеменные признаки.

Одно из древних маньчжурских племен, входившее в состав известных в китайских источниках племен под названием «мяо», имело самоназвание «лингучи»¹⁷. Для точности отметим, что под названием *мяо* объединены различные племена, значительно отличающиеся по культурным признакам, в том числе по языку. При обращении к культуре *лингучи-мяо* выявляются весьма интересные факты, указывающие на наличие мировоззренческих представлений, схожих с другими тунгусоманьчжурскими народами. Прежде всего, обратим внимание на мифологию народа *мяо*. В мифах *мяо* распространен сюжет о трех солнцах: «народ мяо сохранил песню о стрельбе героя Ян Я в солнца, которые светят вместе с лунами. У мяо в песне подробно рассказывается о том, как были выкованы из золота солнца и из серебра луны, как оставшиеся одно солнце и одна луна испугались и не хотели больше выходить на небо, пока их не позвал петух. По другой, более поздней легенде мяо, этот подвиг совершил Чжан Го-лао (бессмертный, образ которого мяо заимствовали из даосской мифологии)... Был человек по имени Ши И... жил на северо-западе, наблюдал за величиной солнца и луны»¹⁸.

Интересные параллели мифического сюжета прослеживаются в фольклоре приамурских народов. У нанайцев весьма распространен сюжет о трех солнцах: «Давным-давно, когда люди на земле стали только появляться, было страшное

пекло — так рассказывают тэлуңгу. Было три солнца. Негде было укрыться; звери, утки, птицы сгорали. И людям от этого была большая беда. Много людей в ту пору погибло. И вот как-то один отважный человек взял лук и стрелы и, едва три солнца закатились, побежал туда, откуда они должны утром подняться... Как только показалось первое солнце, храбрец хорошо прицелился и пустил в него стрелу. Солнце угасая, упало обратно... Оставил он только одно солнце.

Так отважный человек спас людей от большой беды.

С той поры только одно солнце обходит землю»¹⁹.

В удэгейском фольклоре сюжет, поясняющий — откуда появилась луна, еще более схож с сюжетом мифов мяо: «Жил охотник *егдыга* с женой. В то время было два солнца. Очень жарко они светили... Два солнца высоко вверх не поднимались, стояли над самой высокой скалой. Когда однажды они взошли над скалой, *егдыга* выстрелил из лука... Стрела полетела с таким шумом, как будто земля перевертывалась. Попала прямо в одно солнце. Это солнце тусклым-претусклым стало и в луну превратилось. Другое солнце вверх поднялось»²⁰.

Естественно, что на сходстве мифологических мотивов, строить предположение о единстве культур и этнической общности нельзя, оно может быть лишь дополнением к другим, более веским доводам. Таковые доводы в нашем случае имеются. Это, прежде всего, тип традиционной одежды, сохранившийся даже в настоящее время у некоторых ответвлений народа мяо. Тип костюма некоторых групп племен *мяо-лингучи* внешне очень схож с тунгусским (распашной покроем, наличие передника)*. Структура и цветовая гамма орнамента некоторых племен *мяо* очень схожа с таковыми тунгусоманьчжурских народов Приамурья, а также эвенков. Возникают резонные вопросы, когда и каким образом приамурские народы заселили юг и юго-запад Китая? На эти вопросы имеется предположительное объяснение, опирающееся на исторические докумен-

тальные источники. Сформировавшиеся на обширной территории Приамурья мохэ, основу которых составляли тунгусоязычные племена, продвигались на юг. Эпоха формирования мохэ-чжурчженей и расцвет государственности пришлись на VI—XII в. н.э. Во времена существования чжурчженского государства «Айсин Гурун» (Золотая империя, кит.: Цзинь), тунгусоязычные племена распространились практически по всей территории Китая²¹.

Как видим, заповедь эпической героини дочери Месяца (Бега Хунадин) указывает на этнокультурные контакты тунгусов в Приамурье, а возможно и на их взаимосвязи с более южными племенами. В данном случае эпические традиции эвенков Забайкалья совпадают с восточной эпической традицией и указывают на устойчивую тенденцию взаимосвязи территорий Забайкалья-Прибайкалья и Дальнего Востока в истории и этногенезе тунгусоманьчжурских народов²².

Таким образом, заповеди персонажей эвенкийского эпоса, кроме полисемантической функции, служат для родоплеменной идентификации эпического персонажа. Подобные заповеди содержат информацию, указывающую напрямую или опосредованно на родо- или этноплеменную принадлежность обладателя запева. Анализ заповедей эпоса эвенков позволяет обнаружить ряд культурных параллелей с различными этапами истории и этногенеза тунгусоманьчжурских народов.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Новик Е.С. К типологии несказочной прозы // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 36–48.

² Лебедева Ж.К. О жанрообразовании в архаическом эпосе народностей Крайнего Севера // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 49.

³ Варламова Г.И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. — Новосибирск: Наука, 2002. — С. 3.

⁴ Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Сост. Василевич Г.М. — Л.: Наука, 1966. — С. 198.

⁵ Там же. — С. 343.

⁶ Сравнительный словарь тунгусоманьчжурских языков / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. 2. — Л.: Наука, 1977. — С. 30.

⁷ Исторический фольклор эвенков. — 45–50, 206.

⁸ Там же. — С. 345.

⁹ Сравнительный словарь тунгусоманьчжурских языков. Т. 2. — Л.: Наука, 1977. — С. 648–649.

* Сходство культурных признаков тунгусов и мяо отмечал В. Копперс. В качестве основных схожих признаков он выделял распашной покрой одежды и передник, а также традиции матриархата и нехарактерную для большинства китайского племенного состава антропологию (Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — М.: Изд-во АН СССР. 1958. — С. 185–186).

- ¹⁰ Исторический фольклор эвенков. — С. 21–180.
¹¹ Там же. — С. 345.
¹² История и культура нанайцев (историко-этнографические очерки) / С.В.Березницкий, Е.А.Гаер, С.Ф.Карабанова и др. — СПб: Наука, 2003. — С. 27.
¹³ Таксами Ч.М. Некоторые общие черты летних средств передвижения у народов Нижнего Амура и Сахалина // Материальная культура народов Сибири и Севера. — Л.: Наука, 1976. — С. 123.
¹⁴ Сказания восточных эвенков / Сост. Г.И. Варламова, А.Н. Варламов. — Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. — С. 28, 55.
¹⁵ Сравнительный словарь тунгусоманьчжурских языков / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. 1. — Л.: Наука, 1975. — С. 504.
¹⁶ Там же. — С. 504.
¹⁷ Там же. — С. 498.
¹⁸ Рифтин Б. Изучение китайской мифологии и книга профессора Юань Кэ // Мифы древнего Китая. — М.: Наука, 1965. — С. 449–477.
¹⁹ Нанайский фольклор: Нингман, сиюхор, тэлунгу / Сост. Н.Б. Киле. — Новосибирск: Наука, 1996. — С. 399. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
²⁰ Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / Сост. М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга, М.М. Хасанова. — Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. — С. 81. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, Т. 18).
²¹ Воробьев М.В. Чжурчжени и государство Цзинь. — М.: Наука, 1975. — С. 448.
²² Варламов А.Н. «Эпическая история» бесписьменных народов: по материалам фольклора эвенков // Вестник Поморского ун-та. — 2009. — № 8. — С. 63–72.

A.N. Varlamov

Tribal identification in the opening songs of the heroes of the Evenki epos

The article attempts to analyze functional features of the epic opening songs in the Evenki folklore. Tribal identification in the opening songs of the heroes of the Evenki epos is analyzed on the examples of the texts of the Evenki epos. As a result of investigation, conclusions are obtained about the high informative status of Evenki epic opening songs in the historical respect.

Keywords: historicism, Evenki, Tungus, epos, history of the Evenkis.

УДК 398.2 811.554

Л.Н. Жукова

Каннибализм и мечта о счастливой жизни в сказочном фольклоре одулов (лесных юкагиров верхней Колымы)

Образ каннибала уходит своими корнями в древние слои фольклора; каннибализм находится в тесной зависимости от малопродуктивного хозяйства древних полубродячих охотников. Борьба с людоедством и поиск эффективных средств защиты от него являются одной из главных тем сказочного фольклора одулов.

Ключевые слова: старческая немощь, кровная месть, реинкарнация, этические нормы.

В устном народном творчестве одулов (лесных юкагиров верхней Колымы) нет яркого противопоставления мужских и женских образов или обостренных социальных мотивов, антагонистические отношения циркулируют вокруг борьбы

сил добра и зла, между человеком, его помощниками и людоедами. Но людоед — не призрак, не черт или выходец из потустороннего мира, он имеет человеческую природу.

Символами злодеев в одульском фольклоре выступают Сказочные (Мифические) Старики и Старухи-людоеды, их дети, бродившие в архаическое время по тайге в поисках пищи. В конце

XIX — начале XX в. одним из первых исследователей юкагирской культуры В.И. Иохельсоном записан цикл сказок о Сказочных Стариках *Чуоледи Полут'ах* и других чудовищах-людоедах¹. Одинокого или семейного древнего старика к людям и другим персонажам сказок гонит голод.

«Заяц, мне какой-нибудь еды дай... Умереть хочу (умираю), мне какой-нибудь еды дай»².

Говорящую собачку спрашивает: «Люди где находятся?»... — «Люди пошли»... — «Я есть хочу, иди верши (тальниковые корзины для ловли рыбы. — Л.Ж.) смотри»... — «Иди сам смотри». Сказочный Старик пошел. Много рыбы из тальничной сети промыл, все проглотил. Насытился, спать лег в травяном доме, крепко заснул. Собачка огонь положила, дом подожгла. Сказочный Старик вместе с домом сгорел»³.

В.И. Иохельсон считал, что людоед *Чуоледи Полут* является продуктом юкагирской демонологии, а цикл сказок о нем носит самостоятельный характер. «Юкагирский *Чуоледи Полут* имеет совершенно материальную природу и питается человеческим мясом точно так же, как мы питаемся мясом животных. Сказочные старики есть приморские и лесные, и главное их занятие — охота на людей. Наружно они ничем не отличаются от людей, носят одежду; но они столь крупного роста, что убитого лося несут на себе привязанным к ремешкам кафтана. Умом же они далеко уступают людям. Часто люди берут их хитростью и убивают. В двух сказках собака является спасительницей людей от аппетита *Чуоледи Полут'а*. Сказочные Старики женаты и имеют детей. Теперь, говорят юкагиры, они сделались невидимками, чтобы люди не могли им вредить, и внезапно нападают на заблудившихся. Весьма возможно, что в юкагирских мифах о чудовищах-людоедах мы имеем следы существования на севере племени каннибалов, пожиравших пленников или вообще иноплеменников. В связи с этим предположением достойно внимания то обстоятельство, что в приведенных сказках людоед, пожирающий кровного родственника, сейчас же умирает, т. е. людоедство среди своих считается грехом»⁴.

Из анализа сказочных текстов данного цикла следует:

— Сказочные людоеды — это не фантастические или мифические существа, а реальные люди, носящие одежду, имеющие семьи. В сказках это старики, уже не могущие охотиться и гнать зверя, старухи, девушки, нетрудоспособные дети, только в двух текстах упоминаются мужчины дееспособного возраста. В одном тек-

сте говорится, пока муж был на промысле, женщина убила собственного ослушавшегося ее ребенка. Родители съели его и умерли⁵. В другом тексте зятем в юкагирской семье был сын *Чуоледи Полут'а*, он, как все, охотился на животных, а себе для еды приносил людей⁶. Людоеды бродили по тайге в поисках пищи, нападали на обитателей одиноко стоящих жилищ (где преимущественно находились женщины), или к ним забредали одинокие путники, в крайнем случае, они разделялись с младшими членами своей семьи.

— Каннибализм у юкагиров Колымского округа в период голодовки уже в позднее время (конец XIX — начало XX в.) описал В.И. Иохельсон. «Взрослые охотники разбрелись в поисках пищи, а оставшиеся в юртах старики, женщины и дети начали умирать от голода. Затем, по-видимому, старшие члены рода начали убивать детей, и есть их. Потом очередь дошла и до взрослых, пока не осталась одна старуха. Она умерла сидя на корточках перед очагом. Рядом с ней находилась дочка, умерщвленная ею, но к которой она еще не притронулась. Вокруг были разбросаны обглоданные кости и части человеческих тел. На очаге был обнаружен котел, из которого торчали кости детской руки»⁷.

Не удивительно, что такие ужасающие своим натурализмом описания случаев каннибализма питали сказочный цикл. Корни страха перед людоедством лежат в глубинах сознания человека, соотносимых с глубиной истории человеческого общества. Поэтому образ сказочных людоедов есть не столько продукт юкагирской демонологии, сколько отражение действительных реалий, сопровождавших всю историю юкагирского народа. В фольклоре это не намек на существование отдельного племени северных каннибалов, пожиравших пленников или вообще иноплеменников, как предположил В.И. Иохельсон, а постоянно грозивший человеку каннибализм в условиях присваивающего охотничье-рыболовного хозяйства. Полагаем, что по этой причине фольклорный образ бродящего по тайге в поисках пищи *Чуоледи Полут'а* сохранился в своем первозданном облике вплоть до конца XIX — начала XX в.

«В некоторых сказках о *Чуоледи Полут'ах*, — далее пишет В.И. Иохельсон, — изображаются Сказочные Старики, не убивающие людей, точно этот отдел сказок относится к более позднему периоду, когда племя «Сказочных Стариков» перестало быть каннибалами. В № 27 один Сказочный Старик прячет девушку от погони дру-

гого Сказочного Старика, съевшего его сестру. В № 18 Сказочный Старик не ест детей, а заставляет их прислуживать себе, а в № 15 Сказочный Старик находится в дружбе с человеком»⁸. В записанном нами в 1988 г. тексте Сказочный Старик даже противоречит традиционному пониманию этого образа: он спасает людей от голода. Терпящая нужду семья отправила молодого охотника на поиски помощи, тот набрел в тайге на дом одинокого старика. Парень оказал знаки уважения хозяину дома, и старик, как в русских сказках о Бабе-яге, накормил гостя, распросил, уложил спать, а утром отправил в обратную дорогу. Уже дома охотник узнал, что его семье неизвестными людьми доставлены большие запасы продуктов⁹. Более того, Сказочный Старик выступил в качестве покровителя молодого охотника: «С тех пор в том месте, где они жили, стало больше зайцев, больших зверей, рыбы, птицы. Тот парень... стал лучшим охотником, женился, детей заимел». В пересказе текста на русском языке рассказчик В.Г. Шалугин уточнил, что имя старику — Хозяин Земли и он, как полноправный владетель животного мира, пообещал юноше: «Зайцы теперь ловиться будут. Они с ветром вместе ходят, я ветер вызову»¹⁰. В этом тексте Сказочный Старик подменяет функции Хозяина Земли — покровителя охоты и охотников лесных юкагиров, награждавшего охотничьей удачей одних и наказывавшего других. Так от душегуба-людоеда до покровителя человека исторически менялась значимость этого древнего образа.

На двойственную природу Сказочного Старика обратила внимание П.Е. Прокопьева, которая отмечала, что под этим именем «иногда встречаются положительные персонажи: людские защитники, помощники, хозяева отдельных территорий. В этих своих функциях *Чуульдъиш Пулут** максимально сближается с образом предка, покровителя и благодателя»¹¹. В отрицательной ипостаси древний мифологизированный образ людоеда связан со стихиями Воды и Земли, «он сам — прямое воплощение хаоса, которому анимистическое мировосприятие придало антропоморфный, но пугающий облик... *Чуульдъиш Пулут* живет в мифическое время упорядочения мира, поэтому не удивительно, что наравне с ним в фольклоре действуют такие же древние, как и он, персонажи — тотемные первопредки,

которые являются полноправными участниками обустройства и преобразования Вселенной»¹².

Одной из возможно поздних характеристик облика *Чуоледи Полут'а* является указание на его рост: людоед добытого лося несет на себе привязанным к ремешкам кафтана. В народных воззрениях и фольклорных текстах мифологический Хозяин Земли обычно предстает как высокий, высотой с лиственницу темный человек¹³. Таким же в некоторых сказках выступает и людоед, здесь акцентируется его большой рост: заглядывает в дымовое отверстие¹⁴, опускает в него половой орган¹⁵. Немаловажно и то, что в качестве одежды этого персонажа назван кафтан с ремешками, в юкагирской культуре распашной кафтан (наряду с другими иноэтническими элементами) считается поздним заимствованием от тунгусов¹⁶. В большинстве же сказок образ людоеда идентичен человеку, поэтому в гиперболизации внешности *Чуоледи Полут'а* можно видеть контаминацию с вышеназванным образом Хозяина Земли. Столь же поздним, как отмечал В.И. Иохельсон, является представление о том, что древние старики-людоеды стали невидимыми и неожиданно нападают на заблудившихся. Так народная традиция объясняет сохраняющуюся опасность пребывания одинокого путника в тайге при отсутствии реальных людоедов.

Появление запрета на поедание родственника могло явиться следствием необходимости иметь защиту от агрессии среди своего ближайшего окружения. Это едва ли не одна из первых норм первобытного права, обеспечивавшая человеку относительно безопасное существование внутри родового коллектива.

Наказанием за нарушение запрета явилась столь жесткая и действенная мера, как смерть. Смерть за смерть — это первое свидетельство появления института кровной мести. Первоначально запрет имел магическую составляющую, «мстила» сама кровь: даже непреднамеренно отведавший мясо родственника сказочный персонаж погибал. Именно это магическое свойство родной крови использовал коварный Заяц, чтобы избавиться от своей голодной матери: он дал ей смешанную со снегом кровь, собранную из своего разбитого носа¹⁷. Древний институт кровной мести, по-видимому, зародился именно внутри рода и лишь с течением времени стал одним из регуляторов отношений между родами.

В одульском тексте «О Маленькой Старушке сказка»¹⁸ не сообщается, через кого героиня получила информацию о грозящей опасности. Но

* *Чуульдъиш Пулут* — один из вариантов написания имени персонажа. — Л.Ж.

к приходу *Чуоледи Полут'а* Маленькая Старушка подготовилась основательно: на волшебной упряжке из наперстка и кроильной доски *нинбэ* отправилась к озеру, собрала нужные предметы и с их помощью одолела людоеда. Помощниками старушки сказка называет двух шук, два лебединых яйца, четыре камня, двое ноговиц с горячей золой. Сама она спряталась и вооружилась топориком.

Японская исследовательница Кимико Сайто со ссылкой на ряд публикаций выявила этот сюжет у многих народов северной и южной Азии: энцев, эвенов, нанайцев, айнов, японцев, китайцев, корейцев, индийцев¹⁹. Записан он у нганасан²⁰ и якутов²¹. Наиболее близкой к юкагирскому тексту является якутская сказка, записанная в 1985 г. в Якутске, но начало и концовка ее отличны от юкагирской²². Самый ранний вариант этой якутской сказки «Старуха и Монгус» зафиксирован в 1880 г. в Баягантайском улусе ссылкой Н.А. Виташевским²³.

Сказка в записи 1985 г. отражает скотоводческую культуру якутов: первоначально людоед Ангаа Монгус съедает у старушки «восемьдесят косяков лошадей, стадо коров в девяносто хотонах», сыновей и дочерей. Советчиком собрать нужные для защиты предметы выступает сосед старушки Чынгырыкаан-голова, называемый «головой мышей». Героиня поступает согласно совету — побеждает людоеда, уколов подушечку его большого пальца (не указано, чем), и возвращает все утраченное. В благодарность она дает Чынгырыкаану «трижды по девять лошадей, трижды по девять коров», но «у мышиноного головы, ничего нет. На дворе трава, оказывается».

Близки юкагирскому тексту китайский и корейский варианты: «старушка-героиня, хорошо зная свойства этих предметов (помощников. — Л.Ж.), разложила их на самые выгодные места и победила врага»²⁴. В других распространенных вариантах персонифицированные предметы сами по своей воле отправляются для мести в дом врага и там побеждают его.

Начало юкагирской сказки (путешествие старушки для сбора предметов-помощников) не имеет аналогов в текстах перечисленных народов (исключением является якутский пересказ 1985 г.). Далее победа над Сказочным Стариком в доме старушки описывается следующим образом: людоеда сначала ударил по спине камень, помещенный над входом, затем его ошпарила горячая зола из ноговиц, висевших у очага. Лежавшие в золе лебединые яйца лопнули и ли-

шили его зрения. Висевшие над окнами три камня упали и сломали старику позвоночник. Когда он хотел выпить холодной воды, две шуки схватили его за лицо. Тут старушка встала и топориком перебила ему сухожилия над пятками. Старик упал, она отсекла голову и вытащила тело из дому. Далее следует концовка, характерная для одульского сказочного фольклора, но не известная ни в одном из текстов вышеназванных народов. Старушка положила древнего старика на землю, соорудила над ним «ивовую юрту» (в оригинале: *өнмиэдиэ-нумо*, т.е. «дом из молодых лиственниц»). Сама же вернулась в свой дом и легла спать. Наутро она проснулась молодой девушкой в прекрасном доме, а в середине «ивовой юрты» (доме из молодых лиственниц) сидел красивый юноша, расчесывая голову (волосы). Посмотрев друг на друга, они поженились.

Концовка юкагирского текста — женитьба помолодевших старика и старухи. Своими действиями героиня не только способствовала перерождению древнего старика в прекрасного юношу, но, предвосхитив мыслителей XX в., показала, что «добро нужно делать из зла, потому что его больше не из чего делать». Именно перерождение зла в добро постулирует юкагирская сказка, а не только победу над злом и его уничтожение. Во многих эпосах народов мира пределом подвигов героя является победа над представителем хтонических сил, чертом, чудовищем и возвращение домой с освобожденной прекрасной пленницей, богатством, освобождение других, скованных злыми чарами добродетельных сил. Современные фильмы-боевики основываются на этой же идее. Герой — спаситель мира не несет в мир гармонию, он обнажает противоречия, обостряет их, и своей победой над врагом утверждает свою силу и правоту. Мир становится полярным, в нем правит принцип «кто не с нами, тот против нас».

Юкагирская сказка много мудрее. В ней не только побеждает добро, но, главное, добро окультурирует зло, преобразует его и вновь вводит в лоно собственной культуры. При этом обновляется и само добро, сон героини также синонимичен смерти. Через смерть и сон осуществляются перерождения героев. В тексте «Доврэ» побежденный людоед перед смертью говорит «Мне спать хочется. Я буду спать»²⁵. Чудесным образом возвращенный к жизни юноша, после того, как был съеден каннибалами, говорит: «Долго, видно, спал!», на что его брат отвечает: «Если бы меня не было, ты бы долго спал»²⁶. Широко из-

вестно метафорическое выражение «Спит вечным сном», а о выловленной рыбе говорят, не умерла или погибла, а уснула. В универсальной системе двоичных оппозиционных противоположностей жизнь и бодрствование противопоставлены смерти и сну. Маленькая Старушка обновляется сама и обновляет мир, она живет во времени через звенья новых перерождений, и, согласно этой цикличности, вновь и вновь облагораживает мужское агрессивное начало. Здесь символ последовательно перерождающихся женщин сопоставим с растительным кодом, с идеей Мирового Древа, а сам образ старушки приобрел в одульском фольклоре особую этическую значимость. Жизнеутверждающая сила образа оказала определенное влияние на личностные качества женских персонажей устного народного творчества одулов.

Рассматриваемая сказка демонстрирует размытость границ между добром и злом, жизнью и смертью. И это существенно отличает ее от перечисленных выше вариантов, бытующих у народов Азии, сюжет которых завершается победой героя над врагом. Возможно, одульского типа концовка, хронологически очень древняя, в этих вариантах оказалась утраченной, произошло это в период общей поляризации сил добра и зла, когда обожествленное Небо стало однозначно отождествляться как положительное мужское, а Земля — отрицательное женское (ср. китай. *инь* и *ян*). С утверждением трехчастной картины мира в религиозно-мифологических концептах многих народов тенденция восприятия женского начала как стереотипа зла значительно усилилась.

В корейском и нанайском вариантах сказки завершаются женитьбой: герой, одержавший победу с помощью помощников, женится на освобожденной из плена девушке; либо герой и его помощники женятся на сестрах врага²⁷. Героями выступают мужские персонажи, одерживающие победу над мужскими же враждебными персонажами. В этих сказках положительно отмеченные герои — защитники женщин, а образы самостоятельных боевитых амазонок безвозвратно ушли в прошлое.

В рассмотренной сказке о Маленькой Старушке любопытно указание на то, что девушка обнаруживает возродившегося юношу сидящим в середине шалаша; в юкагирских конусовидных жилищах, крытых дерном, корой, шкурами зверей в центре обычно располагался очаг. Так центральные части погребального ивового сооружения и жилища одулов семантически объединены

темами смерти, жизни и огня. Возникает вопрос, как старушка распорядилась отсеченной головой побежденного. Конечно, перед нами не исторический источник, а всего лишь фольклорный текст. Но мы должны видеть, как часто фольклорные тексты дополняют отсутствующие этнографические данные. Этот вопрос нас интересует в связи с тем, что отсеченная голова могла помещаться или погребаться как-то особо.

В неолитическом захоронении на Вилное (Западная Якутия) отделенная голова находилась в особом углублении в земле и затем уже над ней в погребальном костре были сожженные останки²⁸. Наличие расколотых костей человека в этом захоронении позволяет допустить присутствие признаков каннибализма. Поэтому важно выяснить, не отражают ли древние пласты фольклора какие-то особенности захоронения тела и отделенной головы, можно ли найти объяснения этому. В записанной на р. Коркодон (приток р. Колымы) В.И. Иохельсоном тунгусской сказке рассказывается, как девушка под именем Утренняя Звезда отрезала голову чудовищу *Иркунмалу*, погубившему двух ее братьев. Голова покатила в Нижний мир и оказалась в колыбели, будто ребенок, убаюкивая которого женщина с железными когтями и зубами пела: «Прибери тело, прибери ноги, прибери руки и убей эту женщину, с которой ты сражался». Утренняя Звезда увидела, что у головы *Иркунмала* действительно появились тело, руки и ноги, но еще маленькие. Героиня разрубила их, а также отсекла голову и разрешила на мелкие кусочки тело женщины Нижнего мира, качавшей колыбель с этим ребенком. Она сожгла останки чудовища, затем «развела большой костер и жгла женщину до тех пор, пока от нее не остался один пепел»²⁹. Данный текст ясно указывает на то, что голова воспринималась как потенциальный зародыш новой жизни, в Нижнем мире сказка воссоздает реальные условия младенчества: жилище с очагом, колыбель с младенцем, женщину, поющую колыбельную заклиательную песню. В этих условиях отсеченная голова хтонического персонажа реализовала потенциальную энергию к возрождению, только очистительная сила огня способна полностью уничтожить чудовище и прервать реинкарнационную цепочку. Элементы таких представлений об реинкарнации и ее пресечение с помощью огня присутствуют в одульском фольклоре.

Завершая краткий обзор цикла одульских сказок о Сказочных Стариках и Старухах-людоед-

ках скажем, что предпринятый анализ показал следующее: каннибализм на севере — это вынужденный в прошлом вид «промысла», тексты цикла содержат архаические первобытно-общинные нормы морали и права (кровавые жертвоприношения, отношение к пленным, иноплеменникам). По-видимому, цикл сказок о древних каннибалах складывался на протяжении длительного времени, что наложило отпечаток на семантическое прочтение образов главных персонажей, на основной замысел и структуру текстов. Однако мифологический мир и общее «культурное поле», в которых действуют персонажи, обусловили близкие и тесные взаимосвязи как в сюжетном, так и в образном мире. Рассмотренные одульские сказки с реинкарнационной концовкой убедительно показывают, что если считать сказку о Маленькой Старушке в качестве эталона и принять как древнюю, то многие другие концовки являются калькой и, возможно, хронологически не столь древней.

Для цикла сказок о людоедах характерны следующие темы:

- борьба сил добра и зла, и в конечном счете, победа добра;
- тема голода, поиска пищи; нравственные и этические нормы;
- реинкарнационные представления и супружество главных героев.

Эти темы имеют общечеловеческую значимость и вводят юкагирский фольклор в общий мировой фонд.

Древнего человека, как и современного, волновали темы не только обеспеченности пищей, но и семейного благополучия. Мечта эта находит воплощение в концовках сказок — молодые юноша и девушка создают семью и оказываются в новом доме. Тем самым утверждается тема цикличности жизни и бессмертия человека. Здесь уместно привести высказывание Я.Э. Голосовкера: «Утрата идеи бессмертия — признак падения и смерти культуры. Такое устремление к бессмертию в культуре и выражается как устремление к совершенству»³⁰.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Иохельсон В.И. Материалы по юкагирскому языку и фольклору, собранные в Колымском округе. — Якутск: Бичик, 2005; Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. — Новосибирск: Наука, 2005.

² Иохельсон В.И. Материалы по юкагирскому языку и фольклору. — № 6.

³ Там же. — № 20.

⁴ Там же. — С. V.

⁵ Там же. — № 3.

⁶ Там же. — № 14.

⁷ Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. — С. 99–100.

⁸ Иохельсон В.И. Материалы по юкагирскому языку и фольклору. — С. V–VI.

⁹ Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров верхней Колымы. Ч. 1. — Якутск: Изд-во ЯГУ, 1989. — № 22.

¹⁰ Хозяин Земли: Легенды и рассказы лесных юкагиров / Сост. и обраб. Л.Н. Жуковой, О.С. Чернецова. — Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. — С. 14.

¹¹ Прокопьева П.Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. — Новосибирск: Наука, 2009. — С. 74.

¹² Там же. — С. 78–79.

¹³ Юкагиры: Историко-этнографический очерк. — Новосибирск: Наука, 1975. — С. 57, 7; Жукова Л.Н., Прокопьева П.Е. Фольклорные тексты юкагиров верхней Колымы // Язык-миф-культура народов Сибири. Вып. 2. — Якутск: Изд-во ЯГУ, 1991. — № 24.

¹⁴ Иохельсон В.И. Материалы по юкагирскому языку и фольклору. — № 6.

¹⁵ Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. — С. 356.

¹⁶ Там же. — С. 530.

¹⁷ Иохельсон В.И. Материалы по юкагирскому языку и фольклору. — № 6.

¹⁸ Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. — С. 350–354.

¹⁹ Сайто К. Сравнительное исследование японской сказки «Обезьяна и краб» с вариантами других народов // Язык-миф-культура народов Сибири. Вып. 3. — Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. — С. 62–78.

²⁰ Сказка про Сиге-людоедку // Трусливый олень: (Нганасанские народные сказки в пересказе А. Старостина). — М.: Детская литература, 1982.

²¹ Суорун Омоллоон. Дедушкины сказки. — Якутск: Кн. изд-во, 1977; Якутские народные сказки / Сост. В.В. Илларионов, Ю.Н. Дьяконова, С.Д. Мухомлева и др. — Новосибирск: Наука, 2008.

²² Якутские сказки. — № 6.

²³ Там же. — С. 387, 431.

²⁴ Сайто К. Указ. соч. — С. 69, 71.

²⁵ Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Указ. соч. Ч. 1. — № 77.

²⁶ Иохельсон В.И. Материалы по юкагирскому языку и фольклору. — № 23.

²⁷ Сайто К. Указ. соч.

²⁸ Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. — М.: Наука, 1968. — С. 25–37.

²⁹ Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. — С. 414–417.

³⁰ Голосовкер Я.Э. Логика мифа. — М.: Наука, 1987. — С. 125.

L.N.Zhukova

Cannibalism and a dream of happy life in the fairytale folklore of Oduls (Forest Yukaghirs of the Upper Kolyma River)

The cannibal type has its roots in the archaic layers of folklore; cannibalism is in close dependence on a low-yielding husbandry of ancient semi-vagrant hunters. Struggling with cannibalism and searching for the effective means of protection from it is one of main topics of the Odul fairytale folklore.

Keywords: senile decay, blood revenge, reincarnation, ethic norms.

УДК 82–131:811.512-157

А.С.Ларионова

Коммуникативные архетипы эпического пения якутов

Якутский героический эпос олонхо включает в себя все богатство традиционной песенной культуры саха. На основе классификации коммуникативных архетипов Д.К.Кирнарской песни положительных героев олонхо отнесены к архетипу медитации, песни слуг — к архетипу игры, напевы отрицательных персонажей — к архетипу призыва.

Ключевые слова: героический эпос олонхо, коммуникативные архетипы, архетип медитации, архетип игры, архетип призыва.

Понятие архетип (от греч. *archetipos* — первообраз) было впервые введено в науку психологом К.Юнгом и представляет собой структурный элемент человеческой психики, который скрыт в коллективном бессознательном, общем для всего человечества. Архетипы структурируют постижение мира, себя и других людей. Ближе к архетипу «архетипические образы», которые представляют собой образы сознания, проявляющиеся в сновидениях, галлюцинациях, мистических видениях, некоторых психопатологиях, когда сознательное практически отсутствует. Архетипические образы наделены большой психической энергией, встреча с ними вызывает сильные эмоции. Они всегда сопровождали человека и были источником мифологии, религии, искусства. В этих культурных формах спутанные и подсознательные образы превращаются в символы, все более прекрасные по форме и всеобщие по содержанию. Учение Юнга оказало влияние на литературоведение и искусствоведение, в которых архетипы понимаются как совокупность общих черт, сюжетов, образов, характерных для многих литературных и культурных традиций.

В музыке также обнаруживаются первообразы, представленные мелодическими архетипами. В этом отношении архетип в некоторой степени соотносится с инвариантом, но, по нашему мнению, инвариант все же представляет собой модель или структуру, а архетип — первообраз, закрепленный в сознании человеческого социума. Коммуникативные архетипы в музыке выявлены Д.К.Кирнарской. Она считает, что «социальная коммуникация между отдельными индивидами и социальными группами предполагает несколько возможностей, обозначенных в исследованиях доисторического этапа существования цивилизации. Фундаментальный признак социума — обозначенные и принятые всеми членами общества социальные роли и способы их утверждения и функционирования. Один из таких способов — формирование коммуникативных архетипов, универсальных звуковых, зрительно-пространственных и моторно-пластических знаков, символизирующих определенные социальные отношения и роли»¹. На основании этого ею выявлены четыре коммуникативных архетипа:

1) «Архетип призыва, отмеченный в древнейших фольклорных образцах, обозначает общение лидера и толпы: от лидера исходит побуждающий импульс, приказ, вдохновляющий знак, обладающий значительным общественным

содержанием. Он возник в ходе военных конфликтов, охоты и обладает определенной активностью, агрессивностью и пафосом. Его звуковой облик отличается громкостью, размашистой восходящей звуковой линией, широтой диапазона. Зрительно-пространственный код архетипа призыва тяготеет к широким, часто зигзагообразным линиям, большому объему звуковой массы. Моторно-пластические ассоциации связаны с призывными жестами, активными движениями, прыжками и толчками.

Архетип призыва известен также и в облегченном варианте, который используется в развлекательных жанрах, обладает менее властным и серьезным характером, а напротив, тяготеет к шутке, как, например, канкан или застольная песня...»²

2) «Архетип прошения, также известный из древнейших форм фольклора, связан с мольбой, молитвой о пощаде или ниспослании благ. Этот архетип обозначает социальное отношение по типу: низший к высшему, слабый к сильному, зависимый к обладающему властью. Он во всем противоположен архетипу призыва: звуковой облик архетипа прошения тяготеет к умеренно тихой звучности, плавным округлым звуковым линиям; его зрительно-пространственный рисунок и моторно-пластическое наполнение напоминают фигуру поклона, реверанса, гибкого ниспадающего жеста. Вся лирическая сфера в музыке связана с архетипом прошения и опирается на его коды»³.

3) «Архетип игры построен на общении равных с равными в празднично-игровых ситуациях, где превосходство и социальные роли сняты и нивелированы. Таковы детские игры, хороводы и подобные им ситуации, когда члены общества ощущают единение в общей радости. Здесь преобладают прерывистые, выходящие линии, тяготеющие к круговым движениям, равномерность ритма, увертливость жеста, скользящие моторно-пластические ассоциации. Этот архетип распространен во многих видах виртуозной музыки, в шуточных и карнавальными сценах, подразумеваемых в разных музыкальных жанрах...»⁴.

4) «Архетип медитации, связанный с общением в стиле solo, когда душа говорит сама с собою и, быть может, с умопостигаемым божеством. Здесь господствует тихая звучность, бесконечные лентообразные линии, вариантное развертывание ровных, безакцентных мелодических ходов. Моторно-пластические ассоциации архетипа медитации тяготеют к качанию, кружению, маятникообразным движениям. Многие религиозные песнопения в духовной музыке и, например, колыбельные песни в музыке светской — характерные примеры архетипа медитации, с которым связана вся углубленно-сосредоточенная сфера музыкального выражения»⁵.

Д.К.Кирнарская считает, что «названные коммуникативные архетипы лежат в основе основных психоэмоциональных кодов звукового общения, музыкального и речевого. В них зашифровано целостное отношение между говорящим и слушающим, между «отправителем» и «получателем» звукового сообщения, зашифрован тип и строй их социального взаимодействия. Коммуникативные архетипы восходят к глубокой древности, основаны на фундаментальных психологических информационных кодах, которые и теперь служат ключом к расшифровке основного содержания звукового высказывания в разных видах и формах звуковой коммуникации, в разных жанрах и видах музыки независимо от ее стилистической принадлежности»⁶.

Такой показательный стиль якутского традиционного пения, как *дьиэрэтии ырыа*, с которым в якутском эпосе отождествляются положительные герои, относится к древним пластам мелоса. Если подобные древнейшие напевы классифицировать на основе коммуникативных архетипов, выявленных Д.К.Кирнарской, то зрительно-пространственный код архетипа *дьиэрэтии ырыа* предполагает канонизированную мелодию, основу которой составляют терцово-квартовые интервалы при маятникообразном рисунке напевов, вариантное развертывание ровных, безакцентных мелодических ходов. Такого рода напевы Д.К.Кирнарская относит к архетипу медитации.

Подобным стилем пения излагаются *алгысы*, также входящие в эпическое повествование, когда главный герой олонхо поет алгыс-благословение огня, как в якутском героическом сказании «Эр Соготох» в исполнении В.О.Каратаева, в записи В.В.Илларионова 1982 г. Здесь «всесильный могучий Эр Соготох, перед дальней дорогой потчует домашний очаг крепким кумысом, обращается к духу священного огня: “Почтенный мой тойон, Ала Туйгун! Выслушай своими чуткими ушами мои слова. То, что мною сварено, пусть не вытечет! Ты, мой алый огонь, вечно гори! Смотри, пусть мой скот не падает, мои наследники пусть умножаются, а счастье их продлится три века. Изобилие аласа моего пусть вечно лечит больных”»⁷. Также в этом образце алгыс-благословение поет Сир Сабыйа Баай Тойон, «проводя сына в ратный путь, благословляет словами: “Дитя мое, Эр Соготох! Пусть ноги твои не дрожат и не ослабевают! Человек с ружьем (оружием — А.Л.) пусть тебя не свалит, острый язык его пусть тебя не коснется, острый глаз пусть тебя сторонится!”»⁸.

Ю.И.Шейкин относит жанр *алгыса* к песням-гимнам. По его мнению, «гимничность, выражен-

ная в тексте, формировалась в молитвенных формах обращения к верховному божеству, духам-хозяевам природы и предкам народа. Типичный пример текстового гимна является традиционный *алгыс* у саха, используемый в качестве ритуально-обрядового обращения к духам-хозяевам и богам создателям»⁹. Молитвенные формы у многих народов зачастую близки медитации. Поэтому *алгысы* в олонхо можно отнести также к архетипу медитации по систематике мелодических архетипов, выявленных Д.К.Кирнарской.

«Материалы обрядового фольклора дают основание считать, что пение в стиле джиэрэтии ырыа являлось особым языком, понятным духам-хозяевам, божествам айыы, которые и сами “изъяснялись” на нем через посредников — белых шаманов»¹⁰. Таким образом, другие песенные эпизоды олонхо, поющие в манере джиэрэтии ырыа, также можно отнести к архетипу медитации.

Начинается напев обязательным зачином *Дьэ буо*, который представляет собой основополагающий маркер стиля *джиэрэтии ырыа*. Песни стиля *джиэрэтии ырыа* богато орнаментированы *кылысахами* (гортанными призвуками), которые представляют собой национальный архетип якутского традиционного пения и сохраняются с древнейших времен на протяжении столетий. Он основан на раздвоении человеческого голоса в пении. Такое раздвоение голоса в виде основополагающего выразительного средства преимущественно свойственно музыкальным культурам тюркских этносов. Якутский эпос имеет древнетюркские корни. *Олонхо* как жанр, зародившись в глубокой древности, непосредственно связан с мифологическими представлениями саха.

Песни женских персонажей олонхо, репрезентирующих жанр плача, близки архетипу прошения или мольбы своим ниспадающим мелодическим рисунком, плавными округлыми звуковыми линиями, как например, в «Плаче девы Среднего мира Айыы Налырдан» из олонхо П.Ядрихинского «Кюн Джеселлют богатырь», в зачине которого встречаются проходящие звуки *h-cis¹-h* и опевание *a-cis¹-h*.

Другой стиль традиционного якутского пения, именуемый *дэгэрэн ырыа*, является характеристикой таких типичных персонажей сказаний народа саха, как слуга-трикстер Сорук Боллуур и небесная шаманка Айыы Умсуур из эпического полотна «Нюргун Боотур Стремительный» в исполнении известного *олонхосута* из Амгинского улуса, представителя приленской (центральной) стилистики пения.

Музыкальный язык песни Айыы Умсуур изобилует терцово-квартовыми интонациями при общем покачивающемся мелодическом рисунке, в неспешном темпе, расцвечен мелизматическими украшениями¹¹. Ладовая структура напева основана на звукоряде *f-as-b-c (des²)* с финальным опорным тоном на II ступени. Песня имеет строфическую организацию типа *a b a₁ b₁*, в которой мелострофа соответствует половине поэтической строки. Ритмика напева хореического плана, соответствует стиховой.

Мелодия песни Сорук Боллуура с зачином «*Охулаатанг*» выражена ходами на широкие интервалы, быстрым темпом вплоть до «проглатывания» слов, захлебывающимся тоном неопределенной звуковысотности, заканчивающим попевку¹². Постоянным повтором попевки с «запиранием» последнего слога создается звукоизобразительная основа песни, связанная со скороговоркой. Доминирование в напеве интонации зова подчеркивает в персонаже функцию посланца-вестника. Так, начальная синкопированная мелострока излагается восходящим скачком на м.6 восьмыми длительностями, после чего следует нисходящее движение к звуку *h*, выраженному половинной длительностью.

При повторении данного мелодического рисунка в финалисе 1-й строки следует октавный нисходящий скачок через тон *fis* в пунктирном ритме. Последующее развитие также имеет начальный восходящий скачок на м.6, за которым следует плавное нисходящее движение, вплоть до применения несвойственного якутскому традиционному песнопению хроматизма. Звукорядную основу напева составляет *h-fis-g-gis-a-h-cis¹-d¹-dis¹*, в котором инициальным тоном строки является II ступень, а финальным — I и III ступени. Ритмическая основа песни — хореическая. В представленном напеве строфическая организация характеризуется репризной структурой типа: *a a₁ b b₁ b₂ b₂ b₃ b₁ a₂ a₃*.

Таким образом, при явном контрасте напевов, имеются и общие черты, свойственные представленным образцам. В целом же зрительно-пространственный код архетипа этого стиля *дэгэрэн ырыа* резко отличается от стиля пения *джиэрэтии ырыа* и предполагает четко метризованную хореическую мелодию, отсутствие *кылысахов*. Песне Сорук Боллура свойствен разнообразный, в том числе прерывистый, захлебывающийся мелодический рисунок, который, по Д.К.Кирнарской, относится к архетипу игры. В то время как песню небесной шаманки Айыы Умсуур с ее тихой звучностью и плавными округлыми линиями мелодии с ниспадающими интонациями

можно, как и напевы других женских героинь олонхо, отнести к архетипу прощения.

Что касается напевов героев Нижнего мира, то зрительно-пространственный код архетипа подобного рода песен отличается от пения представленных выше песен героев олонхо. Основу подобных песен составляет зигзагообразный мелодический рисунок, утрированная подача звука: фальцетная в песнях девки-абаасы и подчеркнута грубая у абаасы, не свойственные для якутской традиционной песенности полутонные ходы. На основе этого и, особенно, широкой по объему мелодии, доходящей до октавы и децимы, эти напевы можно отнести к архетипу призыва.

Таким образом, можно констатировать, что в олонхо стили пения строго закреплены за каждым героем сказания и имеют только им свойственный мелодический архетип, выработанный еще в древние века и сохранившийся до наших дней без особых изменений.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Кирнарская Д.К. Происхождение и сущность коммуникативных архетипов — универсальных семиотических кодов на примере музыкального искусства (интернет-ресурс: e-memory.ru/iik.htm).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Николаева Н.Н. Эпос олонхо и якутская опера. — Якутск, 1993. — С. 124.

⁸ Там же. — С. 124–125.

⁹ Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. — М.: Вост. лит., 2002. — С. 310.

¹⁰ Якутский героический эпос «Кыыс Дэбэлийэ». — Новосибирск, 1993. — С. 54. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

¹¹ Алексеев Э.Е., Николаева Н.Н. Образцы якутского песенного фольклора. — Якутск, 1981. — С. 25–26.

¹² Там же. С. 27–28.

A.S. Larionova

Communicative archetypes of the epic singing of the Yakuts

The Yakut heroic epos oлонхо includes all the richness of the traditional singing culture of the Sakha people. Based on D.K.Kirnar's classification of communicative archetypes, the songs of positive heroes are classified as the archetype of meditation, servants' songs — as the archetype of game, the starting songs of negative characters — as the archetype of calling.

Keywords: heroic epos oлонхо, communicative archetypes, the archetype of meditation, the archetype of game, the archetype of calling.

УДК 82(571)

Ю.Г.Хазанкович

Проблемы изучения литератур малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока*

В статье дается сравнительно-исторический анализ критических и литературоведческих исследований 1970–2000 гг., посвященных прозе и поэзии малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, обозначены перспективы дальнейшего изучения национальной художественной словесности в свете новейших методологических подходов.

Ключевые слова: критика, проза, поэзия, малочисленные народы Севера, Дальний Восток, Сибирь.

* Работа выполняется в рамках Гранта АВЦП Рособразования РФ (2.1.3 № 3144 «Художественные традиции в литературах «малых» народов северо-востока Сибири»)

Сегодня в отечественном литературоведении наметились тенденции преодоления интереса к литературам малочисленных народов северо-западной, северо-восточной Сибири и Дальнего Востока как периферийным. Одним из показате-

лей этого процесса стало оживление исследовательского внимания к этим литературам в дальнем зарубежье. Заметим, что литературы народов северо-западной Сибири: хантыйская, мансийская, ненецкая — для иностранных исследователей оказались более привлекательны. Свидетельство тому интенсивная переводческо-пропагандистская работа венгерских¹, французских, немецких² исследователей и появление первых междисциплинарных работ³.

В отечественном литературоведении художественная литература малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока стала объектом изучения значительно раньше — с середины прошлого века. Накопился достаточно большой опыт историко-сравнительного изучения художественной словесности «малых» народов в трудах Г.И.Ломидзе, Л.Г.Якименко, М.Н.Пархоменко, Н.Н.Воробьевой, С.М.Хитаровой, Р.Г.Бикмухаметова, А.В.Пошатаевой, Ч.Г.Гусейнова, А.В.Вашенко, Н.Г.Михайловской и др.⁴ Учитывая имеющийся опыт отечественного и зарубежного изучения национальных литератур, мы ставим перед собой задачу — обозначить концептуально-методологические подходы к анализу национальных литератур, соответствующие современному уровню гуманитарного знания, и в рамках этого проследить историю изучения литератур малочисленных народов региона как в критическом, так и литературоведческом аспектах.

Необходимость «критического» экскурса в рамках данной статьи обусловлена актуальностью вопроса о необходимости изучения критики в региональной и национальной специфике, который был поставлен еще в 1980-х гг. Р.Бикмухаметовым в монографии «Орбиты взаимодействия», а в контексте современных методологических поисков изучение критики приобретает особое значение для полноты представлений о национальных литературах и их рефлексии.

Поднимая вопрос о критике, посвященной литературам малочисленных народов, мы преследуем практическую цель: сделать некоторые *выводы* о характере функционирования литературной критики середины 1970—1990-х гг., выявить критерии оценок и интерпретационные доминанты в осмыслении творческой индивидуальности того или иного художника или самого явления в целом. Обращение к «критической разногласии» прошлых лет дает нам тот материал, который не только значительно дополнит наши представления о ценностных аспектах содержания литератур «малых» народов, но и позволит определить принципы ее дальнейшего анализа, сооб-

разные с природой самого предмета. Сочетание социодинамического анализа критики (экскурс в мир критических жанров) с историко-типологическим подходом позволит сфокусировать внимание на теоретических проблемах, которые имеют место в региональной критике, посвященной литературам малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока.

Наиболее регулярно критические статьи о творчестве северных поэтов и прозаиков стали появляться в середине 1970-х гг. До этого они были «эпизодично» представлены на страницах журналов. Критическое «оживление» связано с процессами, происходившими тогда в самой литературе: громко заявили о себе прозаики — нивх В.Санги и чукча Ю.Рытхэу, юкагир С.Курилов и нанай Г.Ходжер, эвенк А.Немтушкин и манси Ю.Шесталов, ненка А. Неркаги, произведения которых вошли в золотой фонд литератур «малых» народов Сибири и Дальнего Востока.

Критика 1970-х гг. была еще подступом к непосредственно литературоведческому изучению художественной словесности северян. Об этом свидетельствует произвольный, почти хаотичный, выбор критиками художественного материала и рассматриваемых тем: от очень узких до неохватно широких. Следует отметить, что такое положение сохранялось в значительной степени до середины 1980-х гг. Основным критическим жанром выступила рецензия, в которой упор делался на содержание, что позволяло критикам лишь контурно очертить «особый эстетический мир» национальной литературы с ее своеобразной тематикой. Статьи Е.Богданова, А.Мартиновича, А.Омельчука, Ю.Шпрыгова и А.Жулевой о поэтических сборниках ненцев В.Ледкова и Л.Лапцуя, юкагира Г.Курилова-Улуро Адо, чукчи А.Кымытваль и др., хотя и затрагивали самобытную проблематику, сквозные поэтические образы и изобразительные средства, но нередко «грешили» однозначными выводами и дидактизмом. При этом творческая индивидуальность поэтов только подчеркивалась, но не раскрывалась в полной мере.

Широта охвата материала, содержательная концептуальность отличала статьи, где анализировались прозаические произведения. В этом контексте следует отметить содержательные работы Э.Бальбутова и Д.Романенко, посвятивших статьи осмыслению повестей Ю.Шесталова и романа В.Санги «Женитьба Кевонгов»⁵. Интересна работа Т.Комиссаровой, попытавшейся осмыслить на страницах журнала «Байкал» документальную повесть Ю.Шесталова «Сибирское

ускорение»⁶. Следует отметить и статьи Ю.Таниной, которая обратилась к переосмыслению творчества Джанси Кимонко, Г.Андреевой о трилогии Ю.Рытхэу «Конец вечной мерзлоты» и Т.Комиссаровой о романах и повестях В.Санги⁷.

Характерным для многих исследований того времени стал «социокультурный подход»: критика стремилась прежде всего уяснить «социальную природу» литератур малочисленных народов Сибири и Севера, развивающуюся в русле «большой» русской литературы и собственных фольклорных традиций. При этом эстетическое начало художественного феномена иногда упускалось, что и предопределяло поверхностность и эклектичность выводов у некоторых критиков. Например, в статье В.Огрызко «Современные легенды Ю.Рытхэу»⁸ подчеркивается значимость именно «социальной проблематики», при этом упускается фольклоризм повести «Когда киты уходят». Но главной проблемой критики 1970-х стало отсутствие в ней четких оценочных критериев. Их намечает, на наш взгляд, А.Михайлов в статье «Художественная летопись народа»⁹. Обращаясь к эпическим текстам Ю.Рытхэу, Г.Ходжера, С.Курилова, он предлагал в качестве такого критерия динамику конфликта и характеров, тогда как А.Пошатаева прозу Ю.Шесталова проанализировала в контексте традиций лиро-эпической прозы¹⁰. Критическая статья нивхского прозаика В.Санги «От фольклора к современной художественной литературе» тоже стала значимой своей эстетической направленностью¹¹. Он подошел к осмыслению художественно-эстетического явления «изнутри», так как сам глубоко исследовал и знал нивхский фольклор и был уже автором ряда романов, которые позднее вошли в золотой фонд прозы литератур народов России. Но исследования такого характера, пожалуй, были исключением. Типичным для критиков было все же рассматривать произведения как «отражение эпохи» и ставить перед авторами не совсем литературные задачи. Отметим, региональная критика была лишена тотальной идеологичности, которая в то время поразила всю литературно-художественную критику, но все-таки не избежала «зашоренности» в подходах.

Внимание к идейной стороне произведений, многозначность которой исследователями демонстрировалась на выборе художником самого «жизненного материала» и героев, отодвигало на задний план форму произведения, его сложную и многогранную структуру, т.е. то, что составляет достоинство всякого словесно-художественного явления. Ряд публикаций отличались «инстру-

ментальностью стиля», суть которого заключалась в том, что произведение считалось художественным лишь в той мере, в какой оно вписывалось в социально-идеологический канон. Тому пример рецензия Г.Сыромятникова на книгу С.Курилова «Новые люди» — «Большое дело Куриля».

Немногочисленные статьи обзорного характера также не были лишены аналитической «однобокости» и ориентации на «преднаходимую доктрину»¹². Так, в статье якутского исследователя Г.Окорокова «Пафос общности» весьма ощутимо присутствие регламентированности, идейно-критического канона в описании проблемно-тематического диапазона литератур «малых» народов. Причем разговор из сферы художественной действительности зачастую переводился на конкретную жизнь, что, очевидно, было предопределено самой атмосферой того времени. Но несомненным достоинством критики середины 1970-х и нач. 80-х годов стало то, что ей удалось вовремя обозначить весомость самого литературно-эстетического явления.

Пик критического осмысления национальных литератур пришелся на середину 1980-х гг. Появились критико-публицистические статьи, обзоры, «литературные портреты» и рецензии. Обозначившийся консерватизм литературно-критического мышления стал преодолеваться именно в эти годы: внимание исследователей сосредоточилось уже не на описании, а на познании и оценке произведений по художественно-эстетическим параметрам. Обращение к литературам малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока как к «эстетической системе» со своей своеобразной жанровой, образной и языковой структурой, вероятно, следует связывать с изменением самого восприятия творчества «малых» народов и их самобытного художественного мышления, берущего исток в фольклоре. Если ранее критическая мысль была сфокусирована только на оси «автор—герой», то впоследствии она переместилась в плоскость вопросов взаимодействия русской литературы и художественной словесности малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока на уровне художественной формы и содержания, художественных традиций. Менее продуктивный «оценочный подход» отступил благодаря усилению аналитического аспекта в рецензиях. Интересен и тот факт, что если объектом критического осмысления в 1970-х гг. была в основном поэзия, то в середине 1980-х критики стали больше обращаться к прозе: В.Чалмаев посвящает статью творчеству Еремея Айпина,

М.Михайлова — «Новым людям» Семена Курилова, Т. Комиссарова исследует «прозу поэта» Алитета Немтушкина, а Е.Хомутова анализирует малоизвестные повести Александра Латкина¹³.

Своеобразие художественного мира романов и повестей критики связывали уже с присутствием онтологической проблематики. Частной иллюстрацией сказанного является статья М.Собольковой «Основоположник нивхской литературы», в которой творчество В.Санги осмысливается в контексте «вечных» проблем: жизни и смерти, памяти и забвения, нравственности и безответственности, родового долга и бесчестия¹⁴. Критики начинают уделять внимание художественной форме произведений. Теоретический аспект ее исследования мы находим в работе В.Переверзина «Энергия синтеза», где автор обращается к диалогии Ю.Рытхэу «Сон в начале тумана» и «Иней на пороге»¹⁵. Следует отметить, что данная работа внесла определенный вклад в концептуальное осмысление национальных литератур, заложенное аналитическими изысканиями М.Пархоменко, Ч.Гусейнова, Р.Бикмухаметова, Л.Якименко, А.Власенко и др.

Углубленная *социокультурная и эстетическая интерпретация* произведений писателей-северян, попытка их исследования в теоретическом аспекте позволили критике второй половины 1980-х годов не только представить ясные очертания «эстетического здания» литератур малочисленных народов, но и обратиться к его деталям, наметив тем самым целостное восприятие творчества каждого художника. Следует признать, что далеко не каждая статья имеет самостоятельную научную значимость: наибольшую ценность, на наш взгляд, они приобрели во всей своей массе, ибо выявили некоторые общие тенденции в тогда еще складывающемся литературно-критическом осмыслении литератур малочисленных народов.

В литературно-художественной критике конца 1980-х — середины 90-х гг. эти литературы отражались эпизодически, что связано с рядом объективных причин и самими процессами, которые происходили в литературе. В этот период кардинально начинают меняться как сами подходы к исследованию национальных литератур, так и категории литературно-критического сознания. Долгое время наша официальная критика отсекала всякие попытки своеобразие — и в мысли, и в жанре. Но изменилось само время, и заметное оживление произошло в критике. В ней появилось ранее невиданное — раскованность и непринужденность. По сути, мы стали свидете-

лями преодоления инерционного движения прошлого, преодоления косности мышления, в том числе критического. Как заметил однажды Е.Добренко, «преодоление есть прежде всего результат понимания»¹⁶. Критика, в том числе и региональная, в тот период избавлялась от идеологической привязки, суживающей ее исследовательский аппарат, от назойливого «инструментального» восприятия прозы и поэзии, что собственно и позволило критике выйти на качественно иной уровень исследования и интерпретации литератур малочисленных народов — *культурологический*.

В этом ключе своеобразным подступом к расширительной интерпретации произведений стала статья В.Огрызко об эпической поэме В.Санги «Человек Ых-мифа». В ней мы находим положение о том, что В.Санги через художественное слово открывает нивхский этнический мир в соответствующих ему образах и коллизиях, воссоздает национальный характер¹⁷. Но самым ярким представителем культурологического направления был и остается Г.Гачев. Его материал по творчеству эвенкийского прозаика Галины Кэптукэ в целом учитывает литературный и культурный контексты и представляет собой опыт культурологического прочтения произведений. В статье «Повесть эвенкины» Г.Гачевым художественный текст прочитывается через «внутреннюю систему ценностей» народов циркумполярной культуры¹⁸. Появление работ такого плана стало новым шагом в раскрытии возможностей критического осмысления национальных литератур, так как подобный подход позволяет выявить «непознанные» контекстуальные художественно-смысловые пласты в творчестве того или иного писателя.

Кардинальным изменениям критического мышления способствовала, на наш взгляд, не только «постперестроечная» атмосфера, но и появление необычных по форме и содержанию рассказов и повестей эвенков Галины Кэптукэ, Алитета Немтушкина и Александра Латкина, романов эвенов Платона Ламутского «Дух земли» и А.Кривошапкина «Берег судьбы», повести ненки Анны Неркаги «Молчащий», романов ханта Еремее Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» и ительмена Георгия Поротова «На околице Руси», которые стали своего рода попыткой возратить национальной художественной словесности самобытность, обогатить ее через проникновение в суть национального характера, национальной психологии и национального менталитета в реальном историческом контексте.

Отметим, что проблема национального менталитета, формы его выражения в художественном творчестве национальных прозаиков изучена довольно слабо. Постановочный характер она получила в работе А. Михайлова «Новый этап в развитии литератур», где он отмечал: «... и язык, и сюжет, и характеры, и этнографический, исторический, фольклорный материал, и сама форма произведения — все это... составляет произведение, вызванное к жизни национальным самосознанием автора и народа»¹⁹. Само произведение, по словам ученого, в порядке обратной связи расширяет пределы и повышает уровень национального менталитета уже самого народа. Думаем, что обращение к проблеме национального менталитета позволит критике приобрести прикладной характер, так как она будет иметь дело с «наличными системами ценностных ориентаций» их носителей (т.е. от самого автора, героев), которые исходят из социальной практики всего этноса.

Критика 1990-х — начала 2000-х гг. актуализировала еще один жанр — «социально-литературный портрет» писателя или поэта. К нему следует отнести заметки В. Огрызко в журналах «Северные просторы», «Мир Севера», «Литературная Россия», а также статьи Е. Достоваловой, В. Христофорова, А. Ветра, которые выходили в журналах «Литературное обозрение», «Розовая чайка», «Мир Севера». Их работы отличаются острой публицистичностью, но несомненным достоинством таких критических заметок, на наш взгляд, стало то, что они отражают живой, пульсирующий процесс развития литератур «малых» народов. В. Огрызко больше склонен называть свои заметки «эссе». Может быть это обусловлено тем, что именно в эссе можно продемонстрировать относительность каких-либо абсолютов, лишая их застывшей пропагандистской оценочности. Работы такого рода отличает неоднозначность постановки проблемы, раскованность критических суждений и неординарность выводов, а потому они как бы стоят особняком в ряду критических исследований.

Оценивая в целом состояние литературно-критической мысли за несколько десятилетий, следует сказать, что мы подошли сейчас, в начале третьего тысячелетия, к очень важному рубежу. Значимость момента заключается в том, что в изучении литератур малочисленных народов Севера и Дальнего Востока появилось критическое инакомыслие, т.е. тот логически необходимый аспект, который необходим в становлении исследовательского целого. Сочетание со-

циокультурного, эстетического и культурологического подходов может дополнить филологические исследования литератур малочисленных народов. Талант писателей малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока нуждается в синтетическом таланте критиков. Присутствие на страницах журналов ведущих критических жанров должно быть дополнено еще и аналитическим инакомыслием, оригинальностью подходов, что будет способствовать полноценному диалогу критики с автором и читателями.

Обращаясь непосредственно к литературоведческому аспекту изучения художественной словесности «малых» народов, отметим, что наиболее изученными являются проблемы взаимодействия с этническим фольклором на сюжетном и жанровом уровнях²⁰. В работах подчеркивалось, что мифология и фольклор в национальной художественной прозе были инструментом для раскрытия социально-исторических конфликтов, и обращение к фольклору позволило писателям запечатлеть законы природного мироустройства, этику и экологию отношений человека и Природы. Заметим, что впервые на материале прозы «малых» народов проблему «человек — природа — социум» в историко-культурном контексте рассмотрела А. Пошатаева²¹. Опираясь, с одной стороны, на культурное наследие малочисленных народов — фольклор и мифологию, где нашли отражение языческие представления аборигенов, с другой — на художественный опыт самих национальных писателей, она выявила специфическое понимание национальными писателями жизни природы и жизни человека, которое уходит своими корнями в мифологию. Это положение не утратило актуальности и продолжает развиваться. В современных исследованиях по национальным литературам уже имеет место осознание того, что традиционный фольклор, духовная культура в целом и литература, в частности, играет роль этносохраняющего фактора²². В этой связи активизировалось изучение духовной культуры, фольклора и литературы малочисленных народов как стержневой основы сохранения и развития культуры, в сравнительно-типологическом аспекте²³ и вопросов их историографии и поэтики²⁴. Впервые на материале прозы коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока в работах А. Пошатаевой были рассмотрены некоторые особенности функционирования фольклорных традиций. В частности, было отмечено, что взаимодействие литературы и фольклора не ограничивалось только проникновением или сознательным заимствованием

фольклорных тем и сюжетов: особая роль в становлении и развитии лироэпических повестей манси Ю.Шесталова фольклорного жанрового прототипа принадлежит «личной песне-судьбе» (по определению Б.Мунканчи)²⁵. Исследователь впервые на материале литератур народов Севера дала «расширенное» толкование новым качествам взаимодействия национальной литературы и фольклора, подчеркнув, что «национальная специфическая образность народного мышления и фольклорные мотивы становятся неотъемлемой частью идейно-художественной системы современного литературного произведения с его сложной проблематикой и композицией». Труд А.Пошатаевой «Литература народов Севера» является значительным в осмыслении роли духовного наследия в литературах малочисленных народов.

Особое место в осмыслении литератур малочисленных народов также занимают труды А.Ващенко. Сравнительно-типологическое изучение эпического фольклора, литературы североамериканских индейцев и некоторых художественных текстов ненца Юрия Вэллы, ханта Еремея Айпина, эвенкийки Галины Кэптукэ позволило литературоведу по-новому взглянуть на «этнические» литературы аборигенов России²⁶. Работы А.Ващенко, на наш взгляд, чрезвычайно важны в плане изучения типологических соответствий, возникающих в контекстах разных национальных литератур, благодаря общности исторического, культурного и художественно-эстетического опыта.

Перспективность типологических исследований литератур малочисленных народов, в частности проблем фольклоризма, очевидна: во-первых, национальными писателями усваиваются не только прямые, но более опосредованные формы; во-вторых, аутентичный фольклор сохранился до сих пор в среде малочисленных народов в живом бытовании. Национальные писатели являются носителями и активными реципиентами национального фольклора и мифологии. Это делает функционирование фольклорных традиций специфичным: взаимопроникновение фольклора и национальной литературы интенсифицируется, имеет место диалектика притяжения и отталкивания от фольклорной традиции в литературах малочисленных народов, и выраженность фольклорной традиции опосредована индивидуально-ценностными пристрастиями художника, его авторской концепцией мира и человека.

Диапазон актуальных проблем литератур, требующий изучения, довольно широк и находится в сфере художественно-изобразительных средств, жанрово-стилевых возможностей для отображе-

ния динамично меняющегося мира и национального бытия. Перспективы дальнейшего изучения литератур малочисленных народов Сибири, Дальнего Востока лежат прежде всего в плоскости научной рефлексии проблем национально-культурной (само)идентификации и самосознания. Тем более в самой прозе малочисленных народов идея этнического самосознания артикулирована достаточно емко в творчестве юкагиров С. Курилова, Улуро Адо и Н.Курилова, эвенов П.Ламутского и А.Кривошапкина, нанайцев Г.Ходжера и П.Киле, манси Ю.Шесталова и А.Коньковой, эвенков А.Немтушкина, А.Латкина и не только их, с целью осмысления и сохранения (само)идентичности, духовной и культурной самобытности.

Сегодня литературы малочисленных народов в их особом, архаическом, взгляде-фокусе на мир, в сохранившейся родовой памяти, рецепции мифологических универсалий, необычность которых обусловлена прямой связью литератур с фольклором и живостью самой эпической среды, в лоне которой они сформировались, представляют собой художественно-эстетический феномен, интерес к которому чрезвычайно велик не только в России, но и Европе, Америке. Литературы малочисленных народов северо-западной и северо-восточной Сибири и Дальнего Востока, зародившиеся в начале XX в. и активно развивающиеся в лоне традиций — фольклорной и русской литературы, сегодня представляют огромный интерес для исследователей. Со своим авторским миром, спецификой художественного мышления, системой национальных и универсальных мифомотивов и их смысловыми нюансами в национальном тексте, нетрадиционной проблематикой литературы малочисленных народов на современном этапе интересны для исследователей и критиков не как «периферийное» художественное явление, а как часть российского и мирового культурно-художественного пространства, и, соответственно, требуют как переоценки, так и углубления уже имеющихся представлений.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анна Беде и Гуйя Янош перевели на венгерский язык книги манси Ю. Шесталова «Приближается медвежий праздник» (1986), «Сознание Торума, сознание природы — путь к спасению» (1997), повесть «Синий ветер каслания» (1975). Петер Домокош в 1978 г. издал антологию финно-угорских литератур «Медвежья песня» и соавторов раздела «Мансийская и хантыйская литература» в учебнике

«Наши уральские родственники» (1978), в 1993 г. издана монография в переводе на русский язык «Формирование литератур малых уральских народов».

² Бригитте Шульце изучает фольклор и литературу хантов, автор монографии о словесных параллелизмах в северохантыйской поэзии.

³ Так, Тулуз Ева занимается исследованием творчества Еремее Айпина и других хантыйских прозаиков; Шаррен Анн-Виктуар — автор работ: «Люди Сибири: одна жизнь — два мира» (Париж 1995), «Литература коренных народов Сибири» (Париж, 2001), переводов на французский язык произведений Еремее Айпина, в частности рассказа «Медвежье горе»; Самсон Доминик — автор монографии «Дальний Север в повести «Илир» Анны Неркаги: страницы коренной жизни (1917–1997)» (Париж, 1998) и статей о творчестве Еремее Айпина («От упавшего с неба брата до признанного брата: краткие пометки на полях мансийской литературы» // Мансийская литература. — М., 2003. — С. 74–100).

⁴ Ломидзе Г. Ленинизм и судьбы национальных литератур. — М., 1972; Якименко Л. На дорогах века. — М., 1973; Воробьева Н., Хитарова С. На новых рубежах. — М., 1972; Бикмухаметов Р. Орбиты взаимодействия — М., 1983; Пархоменко М. Рождение нового эпоса. — М., 1979; Власенко А. Расцвет. О современной литературе народов РСФСР. — М., 1984; Комановский Б. Самые молодые литературы. — М., 1973; Романенко Д. Рождение романа: Становление и развитие романа в младописьменных литературах Российской Федерации. — М., 1970; Гусейнов Ч. Этот живой феномен. — М., 1989; Пошатаева А. Мифология и опыт писателей Севера // Способность к диалогу. Ч. 2. — М., 1993. — С. 122–154; Ващенко А. Мы — Ваша совесть. Исповедимые пути родства: хантыйская литература в свете литератур «коренных американцев» // Мир Севера. — 2001. — № 3. — С. 68–71; Роговер Е. Литература народов Севера. Вып. 1–12. — СПб, 2001–2009; Окорокова В. Юкагирский роман. — Якутск, 1994; работы В. Огрызко об истории становления и развития литератур малочисленных народов в сборниках «Хантыйская литература», «Мансийская литература», «Ненецкая литература» и др. — М., 2002–2009; Цымбалистенко Н. Литературно-художественное осмысление исторических судеб коренных народов северо-запада Сибири (на материале ненецкой и хантыйской литератур): Автореф. дисс. — д.филол. наук. — СПб., 2005.

⁵ Бальбуров Э.А. «И что без бури океан?» // Аврора. — 1979. — № 4. — С. 104–109; Романенко Д. Юван Шесталов // Рождение романа. — М.: Советский писатель, 1970. — С. 49–58.

⁶ Комиссарова Т.Н. Как продолжить традиции // Байкал. — 1978. — № 2. — С. 139–140.

⁷ Танина Ю.Н. Простота мудрости // Полярная звезда. — 1976. — № 4. — С. 98–99; Андреева Г.Т. Живая страница прошлого // Полярная звезда. — 1978. — № 5. — С. 113–117; Комиссарова Т.Н. О современной Чукотке // Литературная газета. — 1985. 20 октября. — С. 4.

⁸ Огрызко В.В. Современные легенды Ю.Рытхэу // Полярная звезда. — 1981. — № 4. — С. 105–108.

⁹ Михайлов А.К. Ускорение. — Якутск, 1983. — С. 113.

¹⁰ Пошатаева А.В. Проза Ювана Шесталова // Полярная звезда. — 1983. — № 3. — С. 103–107.

¹¹ Санги В.М. От фольклора к художественной литературе // Полярная звезда. 1976. — С. 79–82.

¹² Добренко Е. «Запущенный сад величин» (Менталитет и категории соцреалистической критики: поздний сталинизм) // Вопросы литературы. — 1993. — № 1. — С. 21–45.

¹³ Чалмаев В.А. Следующий шаг // Сибирские огни. — 1984. — № 6. С. 169–171; Михайлова М.Г. Новые люди Семена Курилова // Полярная звезда. — 1985. — № 3. — С. 107–110; Комиссарова Т.Н. Проза поэта // Полярная звезда. — 1988. — № 6. — С. 114–115; Хомутова Е.В. Два пленника // Литературное обозрение. — 1986. — № 5. — С. 46–48.

¹⁴ Соболюкова М.Н. Основоположник нивхской литературы // Санги В. Женитьба Кевонгов. — М., 1983. — С. 503–505.

¹⁵ Переверзин В.М. Энергия синтеза // Полярная звезда. — 1985. — № 5. — С. 103–107.

¹⁶ Добренко Е. Указ. соч. — С. 29.

¹⁷ Огрызко В.В. Долговечен сказ // Полярная звезда. — 1989. — № 2. С. 98–100.

¹⁸ Гачев Г.Д. Повесть эвенкины // Литературная учеба. — 1989. — № 4. — С. 72–77.

¹⁹ Михайлов А.К. Новый этап в развитии литературы (о творчестве Галины Кэптукэ) // Полярная звезда. — 1993. — № 2. — С. 161–164.

²⁰ Смольников И. Современные легенды. — М., 1975; Шпрыгов Ю. Молодость Дальнего Севера. — М., 1984; Якименко Л.Г. На дорогах века. — М., 1973; Воробьева Н.Н., Хитарова С.М. На новых рубежах. — М., 1972; Бикмухаметов Р.Г. Орбиты взаимодействия. — М., 1983; Комановский Б.Л. Самые молодые литературы. — М., 1973 и др.

²¹ Пошатаева А. Литературы народов Севера. — М.: Наука, 1988.

²² См.: Юсуфов Р.Ф. Историософия и литературный процесс: Средние века и новое время. — М., 1996. — С. 300; Юсуфов Р.Ф. История литературы в культурно-философском освещении. — М., 2005. — С. 432; Султанов К.К. «Лабиринт сцеплений»: этническое — национальное — художественное // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Вып. 2. — М., 1996. — С. 150–161; Султанов К.К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. — М., 2001. — С. 194.

²³ Необходимость применения сравнительно-типологического метода к изучению национальных литератур подчеркивал Пархоменко М.Н. в монографии «Многонациональное единство советской литературы» (М., 1978), а также см.: Пошатаева А.В. Юрий Рытхэу, Владимир Санги. Опыт реконструкции эстетики переходных эпох // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Вып. 3. — М., 1998; Ващенко А.В. «Имеющие свое имя». Жанр автобиографии в прозе Н. Скотта Момадэя и Джанси Кимонко // Нация. Личность. Литература. Вып. 2. — М., 2003. — С. 122–141 и др.

²⁴ Пошатаева А.В. Мифология и опыт писателей Севера — С. 122–154; Ващенко А.В. Мы — Ваша совесть. — С. 68–71; Литература народов Севера / Сост. Роговер Е.С. Вып. 1–12. — СПб., 2001–2009; О कोरोкова В.Б. Юкагирский роман. — Якутск: Ситим, 1994; работы Огрызко В.В. об истории становления и развития литератур малочисленных народов в сборниках «Хантыйская литература», «Мансийская литература», «Ненецкая литература» и др. — М., 2002–2009; Цымбалистенко Н.В. Литературно-художественное осмысление исторических судеб коренных народов северо-запада Сибири. — СПб., 2005.

²⁵ О личной песне, «лирической песне судьбы» см.: Новик Е. Семиотические функции голоса в фоль-

клоре и верованиях народов Сибири // Фольклор и мифология Востока. — М.: Издательство РГГУ, 1999. — С. 217–235; Венстен-Тагрина З.В. Феномен личной песни в традиционной культуре чукчей: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — СПб., 2008; Лапина М. Музыкальная культура ханты // Народы северо-западной Сибири. — Томск, 1995. — С. 88–91.

²⁶ См.: Ващенко А. «Имеющие свое имя»; Он же. Манифест этнического художника в эпоху глобализма // Ненецкая литература. — М., 2003. — С. 100–113; Он же. Жизнь человека, исповедь культуры // Эскимосская литература. — М., 2008. — С. 321–330; Он же. Мы — Ваша совесть. — С. 284–293 и др.

Yu.G. Khazankovich

Problems in the study of the literatures of the indigenous peoples of Siberia and the Far East

The article gives a comparative-historical analysis of critical and literary studies of the years 1970–2000 devoted to the prose and poetry of the indigenous peoples of Siberia and the Far East. The perspectives of further study of national belles-lettres are outlined in the light of newest methodological approaches.

Keywords: critique, prose, poetry, indigenous peoples of Siberia, Far East, Siberia.

УДК 82(571.56)

Л.Н.Романова

Основные направления современного литературоведения Якутии

Освещается современное состояние литературоведения Якутии. Автор характеризует основные направления якутского литературоведения настоящего времени. Ведущее положение, по утверждению автора, в современной науке о литературе занимают историко-генетические и сравнительно-типологические исследования.

Ключевые слова: литературоведение, национальная литература, направления, контекст, историко-генетический, сравнительно-типологический, методология.

Современная наука о литературе Якутии на рубеже XX–XXI вв. переживает качественно новый уровень в развитии, который характеризуется освобождением от идеологических догм; углубленным вниманием к подлинным художественно-эстетическим достоинствам произведения, рассматриваемым в контексте литературного направления и стилевых тенденций эпохи; широким культурологическим подходом к лите-

ратурным явлениям, предполагающим выход за пределы локально-этнического понимания границ художественного мышления.

Литературоведение Якутии, несмотря на относительную «молодость» (всего 70 с лишним лет), имеет достаточно богатый опыт исследования истории художественной словесности. При этом литературоведческая наука закономерно переживала сходные стадии в развитии, что и сама литература: те же взлеты и падения, расцветы и кризисы, что и сам литературный процесс.

За сравнительно короткий исторический период, насчитывающий всего около полутора веков, якутская литература прошла основные закономерные исторические этапы развития, имеющие как позитивные, так и негативные тенденции. Несомненно, интенсивное развитие письменности у народов, не имевших ее или утративших древние формы письменности в результате объективных исторических факторов, позволило так называемым младописьменным национальным литературам в ускоренном порядке включиться в общий процесс культурного развития России XX в. Однако в конце XX в. национальные литературы в результате прерывания междисциплинарных контактов и локализации, наступившей после развала СССР, ощутили реальный кризис в поиске новых творческих направлений и методов, форм и средств художественного отражения действительности. Кризисные явления как в литературе, так и в науке, изучающей ее, можно объяснить, во-первых, последствиями волюнтаристского прерывания традиций, заложенных всей историей художественной словесности (как устной, так и древнеписьменной литературной) народа; во-вторых, процессом ускоренного развития, повлекшего за собой скачкообразное движение, которое нарушило законы последовательного стадийного развития литературного процесса.

Литературоведческие концепции XX в. нельзя считать равноценными и равнозначными. Многие положения и принципы литературоведения прошлого не выдержали испытаний нового времени и требуют кардинального пересмотра. Переоценка ценностей на новом этапе развития проходит небезболезненно. Ведь многие произведения советского периода, считавшиеся значительными достижениями художественной литературы, создавались в полном соответствии с методом социалистического реализма, и критическое переосмысление этих произведений вынуждает литературоведов либо исключать их из числа значимых произведений своего времени (а с этими произведениями зачастую были связаны целые исторические эпохи, они отражали умонастроения общества того времени), либо умалчивать о них. В любом случае исключение (или замалчивание) некоторых произведений из истории литературы времен тоталитарного режима образует лакуны, что нарушает целостность литературного процесса и преемственность. А это особенно опасно и катастрофично для литератур, формирование и становление которых пришлось в основном на советский период. Поэтому со-

временное литературоведение стоит перед решением сложных и насущных проблем, требующих осторожного, вдумчивого исследования истории каждой отдельно взятой литературы в ее взаимосвязи с общероссийским и мировым литературным процессом с учетом национального и историко-культурного контекста.

В настоящее время в литературоведении наиболее актуализированы, во-первых, историко-генетический подход, решающий вопросы генезиса национальной литературы, истории литературы как целостного художественно-эстетического явления; во-вторых, сравнительно-типологический подход, включающий национальную литературу в региональный и мировой контекст.

Изучение истории зарождения и становления литературы приобрело принципиально новый методологический характер в 90-е гг. прошлого века с выходом «Истории якутской литературы. Вторая половина XIX – начало XX вв.» (1993), в которой значительно расширены границы истории якутской литературы, ранее исчислявшейся с начала XX в., а теперь включающей и первые письменные памятники XIX в. церковного и светского характера. Подобный подход был подготовлен в предыдущее время исследователями Н.Заболоцким, Н.Габышевым, продолжен и значительно расширен в наше время Н.Н.Тобуроковым, который в базисный фонд якутской художественной литературы совершенно закономерно включает и древнетюркскую письменную культуру.

Данная проблема также актуализирована необходимостью изучения литературного процесса как динамически развивающегося, эволюционного явления, в котором имеют принципиальное значение и генезис литературного творчества, и эволюция литературного процесса в целом, и становление творческого метода, и мастерство отдельного писателя.

В условиях глобализации для всей мировой литературы ведущее место занимают исследования синтезированного характера, раскрывающие особенности современного литературного процесса в органическом сочетании традиционного и новаторского. Возвращение к истокам, фольклорно-мифологическим пластам культуры, приобретает в творчестве современных писателей неотрадиционалистскую направленность, изучение которой в тесной связи с новаторством, авангардизмом, индивидуально-авторским стилем дает целостное представление о литературном процессе.

Так как вопрос о традиции и новаторстве является основным движущим, определяющим фак-

тором в литературоведческом анализе, он достаточно широко разработан в мировом и российском литературоведении. Каждое литературоведческое исследование, включающее в круг изучения вопросы истории литературы, биографии писателя, творческого мастерства, стиля и т.д., так или иначе, касается проблем генетических корней, соотношения традиции и новаторства, преемственности литературного развития.

В этом свете особую актуальность в наше время приобретает исследование фольклорно-литературных взаимосвязей как явления единой, целостной истории художественного сознания народа. Особенности перехода от устно-поэтической традиции к литературной были глубоко разработаны в 70–80-е гг. прошлого столетия Г.М.Васильевым, И.В.Пуховым, В.Т.Петровым, труды которых до сих пор пользуются огромной популярностью среди специалистов. Однако многие положения на сегодняшний день требуют ревизии. Современный подход к данной научной проблеме характеризуется повышенным вниманием к художественно-эстетическим факторам перехода от фольклора к литературе на уровне поэтики, текстологии. Так, в монографиях Н.В.Покатиловой становление литературной традиции показано как процесс появления нового типа осознанного авторства, определившего жанровое и стиховое своеобразие творчества первопоэта А.Е.Кулаковского. Фольклор как основной источник зарождения и становления литературной традиции исследуется также в работах Н.Н.Тобурокова, М.Н.Дьячковой, рассматривающих эпический стих, а именно фольклорный верлибр, аллитерационный принцип стихосложения, в качестве основы современного равносложного и свободного стиха. В русле современных исследовательских направлений фольклорно-литературных взаимосвязей находятся и работы по изучению средств поэтической образности Е.В.Федорова, Н.З.Копырина, Л.Н.Романовой.

Вопрос соотношения традиции и новаторства наиболее выпукло проявляется в индивидуально-авторском творчестве, в котором так или иначе отражается преемственность литературного движения и высвечивается новизна, свежесть творческого метода и стиля писателя.

Одной из важнейших ориентаций современного литературоведения является стремление к целостному охвату, всестороннему освещению литературного процесса. Фундаментальная исследовательская работа в этом направлении возможна лишь при глубоком изучении личности и твор-

чества наиболее крупных, значительных по вкладу в развитие художественной мысли, классиков литературы. В свете этого особую значимость в национальном литературоведении приобретают исследования личности и творчества мастеров художественного слова, определивших пути развития историко-литературного процесса, его направлений, течений, школ, методов и стилей.

Творчество писателя как самостоятельный объект литературоведческого исследования должно рассматриваться в динамике его жизненного пути, развития таланта, творческого роста в культурно-историческом контексте. В центре внимания подобных исследований — кардинальные вопросы мировоззрения писателей, которые рассматриваются в теснейшей связи с их творчеством. Такой подход обуславливает концептуальную целостность представлений о писателе и его творческой деятельности.

Каждая национальная литература на определенном этапе развития приходит к пониманию того, что литература «осознается как сумма индивидуальных усилий, как продукция талантов», из которых складывается литературный процесс как целостное явление.

В настоящее время в связи с изменениями в социально-культурной, политической жизни общества России происходит процесс переоценки материальных и духовных ценностей, в том числе и по отношению к художественной литературе и её наиболее значимым представителям.

О возросшем интересе к исследованию персональной модели литературного творчества в российском литературоведении свидетельствуют работы последних лет о русских писателях XX в. М.Горьком (Л.Спиридонова, П.Басинский), А.Н.Толстом (А.Крюкова), М.А.Булгакове, Б.А.Пильняке (И.Шайтанов, В.Крючков), С.А.Есенине (Н.Сидорина, Л.Зенковская, Н.Солнцева, С.Куняев), Б.Л.Пастернаке (Е.Пастернак), А.А.Ахматовой (А.Хейт, Л.Чуковская), Н.А.Заболоцком (И.Ростовцева, А.Македонов) и др. В национальном литературоведении также заметно увеличение числа исследований личности и творчества национальных писателей: в бурятском литературоведении особое положение занимает изучение творчества Г.Намсараева, Д.Улзытуева, Н.Балдано; башкирском — А.В.Тугана, М.Гафури, М.Акмуллы; алтайском — О.Адарова, Д.Каинчина, Э.Палкина, С.Суразакова, Б.Укачина; хакасском — А.Топанова, М.Баинова, М.Турана, М.Кильчицакова, М.Чебодаева и т.п.

В якутском литературоведении изучение жизненного и творческого пути якутских писателей

особенно активизировалось, начиная с конца 60-х по 80-е гг. прошлого века, благодаря трудам Г.М.Васильева, Г.С.Сыромятникова, В.Т.Петрова, Е.В.Федорова, Г.К.Боескорова, В.А.Семенова, Г.Г.Окорокова, Н.Н.Тобурокова, И.Г.Спиридонова, Н.З.Копырина. Совершенно естественно, что во главу угла литературоведческого анализа личности и творчества писателя в советский период ставился идеологический контекст, который подвергается критике современными литературоведами. Однако следует признать, что обостренное внимание к эстетически и идеологически воздействующей силе литературного произведения в этот период имел реальные результаты. Литература оказывала самое непосредственное и активное влияние на массовое общественное мнение, а литературоведение определенным образом играло немаловажную роль в воспитании читательских вкусов, что зачастую не наблюдается в современной литературе и литературоведении.

Творчество отдельного писателя в историко-культурном контексте как объект современных исследований продолжается и в работах Д.Е.Васильевой о Софр. П. Данилове, В.С.Яковлеве-Далане; А.А.Билукиной об А.И.Софронове-Алампа, Д.К.Сивцеве-Суорун Омоллоне; А.А.Бурцева, П.В.Максимовой о современных писателях Якутии; В.Б.Окороковой о северных писателях, поэтическом творчестве Н.И.Харлампьевой; В.Г.Семеновой об А.И.Софронове-Алампе; Т.П.Самсоновой о А.А.Иванове-Кюндэ и др. Огромное внимание на рубеже веков в связи с установлением новых фактов истории периода тоталитарного режима уделяется так называемым «белым пятнам» якутской литературы. Полновесное и объективное освещение получили имена репрессированных писателей, в том числе и основоположников якутской литературы П.А.Ойунского, А.И.Софронова, В.В.Никифорова, а также И.Е.Слепцова-Арбиты (И.Г.Спиридонов, Е.А.Архипова), Н.Н.Павлова-Тыасыта (Н.З.Копырин) и т.д.

Новый подход к изучению научной биографии писателя представляет монография Л.Р.Кулаковской «Научная биография А.Е.Кулаковского: личность поэта и его время» (2008), воспроизводящая жизненный путь основоположника якутской литературы А.Е.Кулаковского с привлечением большого корпуса архивных материалов (официальные документы, личные письма и дневники, варианты произведений и т.д.). В данной работе личность писателя предстает в ее цельности, единстве всех ее уникальных проявлений

в литературе, науке, общественных и философских взглядах, направленных на созидание человеческого разума, просвещение, сохранение и процветание родного народа. Монография стала стимулом для создания Полного собрания сочинений Кулаковского, первый том которого вышел в 2009 г. Он оснащен научными комментариями на уровне историко-реальных контекстов, языка, истории издания его произведений в течение XX в.

Значительное место в исследовании истории литературы Якутии заняли историко-литературные очерки: «Литература Якутии на современном этапе» (2001), «Литература Якутии XX века» (2005). Особый интерес представляет последнее издание, показывающее исторический путь развития трех ветвей литературы Якутии — якутской, русскоязычной и литературы народов Севера. Коллективная монография выявила большую потребность в исследованиях персональной модели литературного творчества в эволюционном аспекте и культурно-историческом контексте.

Несмотря на достаточно внушительное количество исследований литературных персоналий, жизнь и творчество многих крупных писателей Якутии остаются не исследованными ни в отношении восстановления биографий с научной точки зрения и на основе существующих архивных документов, ни в плане выявления особенностей поэтики и индивидуального стиля.

Современное изучение истории литературы Якутии также направлено на решение актуальных вопросов национального литературоведения в области компаративистики. Солидная база для научного изучения сравнительного литературоведения заложена И.В.Пуховым, В.Т.Петровым, Н.Н.Тобуроковым, которые выявили типологическую общность в фольклорных, раннелитературных (генезисных), стиховедческих традициях национальных литератур Сибири: Якутии, Хакасии, Тывы, Алтая. Доказательная база этих исследований определила, что наиболее результативно выявление общетипологических черт родственных литератур на уровне поэтики: сюжетов и мотивов, образов и изобразительно-выразительных средств, ритмики и звуковой организации. Исследования в данной области в 80-е гг. прошлого века ознаменовали качественно новый уровень литературоведческой науки, характеризуемый обращением к исторической поэтике.

В настоящее время литературоведение Якутии углубляет достижения науки прошлых лет, разрабатывая новые теоретико-методологические подходы к исследованию художественного текста.

На первый план в литературоведении нашего времени выходят генологические исследования. Определение жанра как основного поэтологического понятия, определяющего характер анализа текста, объединяющего и объясняющего соотношение всех его специфических компонентов, становится ведущим в современных исследованиях.

Жанр является одной из важнейших категорий истории и теории литературы. Исследование его природы и эволюции занимает одно из центральных мест в литературоведческой науке, начиная с работ Аристотеля до современных авторов. Жанр, с одной стороны, обладая «геном культурной памяти» (по М.Бахтину), является носителем многовековых «затвердевших» традиций, инвариантной структуры художественного мышления, с другой — в силу своей конкретной неповторимости в разные исторические эпохи и в разных персональных моделях литературного творчества, расценивается как величина непостоянная и динамично развивающаяся. Это природное свойство жанра предполагает предельную гибкость в исследовательских подходах.

Процесс бытования, трансформации и модификации традиционных жанров и формирования новых жанровых форм приобретает особую актуальность в связи с исследованием эволюции национального художественного мышления, тесно связанного с менталитетом народа, его историей и культурой. В свете этого особую актуальность в современном литературоведении приобретают проблемы жанровой эволюции и типологии в национальных литературах, что доказывают работы таких исследователей, как В.Д.Пюрвеев — в калмыцком литературоведении, Г.Б.Хусаинов, Р.Н.Баимов, Г.С.Кунафин, Р.Г.Бикмухаметов, Р.Т.Бикбаев и др. — в башкирском, С.Ж.Балданов, Е.Е.Балданмаксарова, Т.М.Дугаржапова и др. — в бурятском, Н.М.Киндикова — в алтайском, А.Л.Кошелева — в хакасском и др.

В якутском литературоведении генологические исследования в основном носят конкретно-жанровый (отдельные жанры и жанровые формы) или родожанровый (по принадлежности к литературному роду — прозе, поэзии, драме) характер. Специальный системный анализ развития жанров якутской литературы в эволюционном аспекте содержится в работах Г.К.Боевской («Развитие жанров прозы в якутской советской литературе», 1961), Е.В.Федорова (Якутская проза 1941–1955 г.: История, проблематика, художественные особенности», 1985), Ю.Н.Прокопьева («От рассказа к роману», 1968), А.Н.Мыреевой («Многонациональный роман 1960–1986 гг.

Типологические аспекты», 1997), В.Б.Окорочковой («Пути развития прозы в литературах народов Якутии», 2001), А.А.Билукиной («Якутская советская драматургия», 1988).

Генезис литературных жанров, их взаимодействие с традиционными фольклорными и европейскими жанровыми традициями был представлен в работах И.В.Пухова, Г.М.Васильева, Г.У.Эргиса, В.Т.Петрова, Г.С.Сыромятникова, Н.П.Канаева. Вопросы жанрового своеобразия в контексте творчества отдельных писателей рассматривались в работах В.А.Семенова, Г.С.Сыромятникова, Н.Н.Тобурокова, И.Г.Спиридонова, А.А.Бурцева, Д.Е.Васильевой, Н.З.Копырина и др.

С точки зрения разработки теоретических и методологических подходов к типологии жанров представляют особый интерес труды П.В.Максимовой («Якутская поэма. История и типология жанра», 1993; «Жанровая типология якутской поэзии: Вопросы эволюции и классификации форм», 2002), в которых классифицированы жанры якутской поэзии всего XX в. с учетом как общетеоретических положений европейской поэтики, так и национальной специфики жанрообразования.

Также немаловажное значение в определении жанрового своеобразия литературы Якутии имеют вышеназванные очерки «Литература Якутии на современном этапе. 1980–1990-е гг.», «Литература Якутии XX века», в которых представлена наиболее полная жанровая картина якутской прозы, поэзии, драмы с точки зрения бытования классических видов и их трансформации и модификации.

К новейшим исследованиям, имеющим непосредственное отношение к выявлению жанрового своеобразия якутской литературы, относятся и монографии молодых литературоведов С.Е.Ноевой и В.Д.Яковлевой. В монографии С.Е.Ноевой «Поэтика времени и пространства в романах И.М.Гоголева» (2009) впервые хронотоп рассматривается как основной жанрообразующий фактор романного жанра. В исследовании В.Д.Яковлевой («Циклы лирических стихотворений в якутской поэзии: типология и поэтика», 2009) изучены и классифицированы циклические образования в якутской поэзии всего XX в.

Однако в виду того, что жанр — категория исторически меняющаяся, развивающаяся и, следовательно, подверженная переосмыслению на каждом новом этапе развития художественного сознания, якутское литературоведение нуждается в новых теоретико-методологических разработках и исторически-конкретных оценках жан-

ровой эволюции и типологии, основывающихся на современных научных достижениях.

Сегодня становится очевидным, что при исследовании жанровой специфики якутской литературы требуется учет уникального национально-художественного опыта народа. Типология жанров, характерная для европейских литератур, в частности русской, не в полной мере соответствует художественным формам якутской литературы, берущим начало в устной традиции. Любая попытка подвести жанровые разновидности национальной литературы под жанровую сетку европейской поэтики вызывает определенные трудности, которые вынуждают говорить об условности предлагаемой классификации. Примером могут служить произведения основоположников и первых классиков якутской литературы. Так, произведение А.Е.Кулаковского «Сон шамана» по характеру описания, по пространственно-временной организации, образной систематике и другим показателям не соответствует европейской поэме — его природа более обусловлена традициями эпической песни-сказания; или произведения «Городские девушки», «Хомус» обозначаются часто в исследованиях как стихотворения, тогда как по объему и характеру описания они более близки к поэме, текстуально отсылающей к народным песням — *туойсуу*, *хоһуйуу*.

Не случайным представляется и то, что крупное эпическое произведение П.А.Ойунского «Красный шаман» характеризуется самим автором как *олонхо-тойук*. Можно предположить, что автор (знаток русской и мировой литературы) не смог найти адекватной формы для своего многомерного и сложного произведения, текстуально соотносящегося с синкретичными жанрами фольклора.

Весьма условно и жанровое деление произведений якутских прозаиков. Примером тому может служить сочинение Кюндэ «Марба», обозначенного в исследованиях как рассказ, но более симптоматически соотносимого с повестью. Такие факты в истории якутской литературы нередки. Поэтому жанровая типология якутской

литературы должна, несомненно, строиться с учетом традиций генологии устного творчества. Ведь многие произведения якутской литературы, заимствованные из устной традиции, перенесли в литературную традицию жанровые разновидности, которые сохраняют свою матричную форму до сегодняшних дней. Это, например, алгысы-благословения, алгысы-заклинания, андагар-клятвы, поэтические скороговорки, прозаические произведения, сохраняющие признаки нарративных жанров — *үһүйээн*, *сэһэн* (не всегда соотносимый с повестью). Устойчивость, инвариантность структур этих форм позволяют говорить о них как самостоятельных жанровых формах, имеющих определяемые жанровые маркеры и занявших определенное положение в жанровой систематике якутской литературы.

Литература Якутии, особенно якутская литература, распространившаяся лишь в XX в., представляет собой один из уникальных культурных феноменов общероссийского литературного процесса в отношении интенсивности развития литературной традиции на базе устного народного творчества и мирового художественного опыта. Особенность данной литературы, как и многих национальных младописьменных литератур России, выражается, в частности, и в ускоренном формировании и становлении жанровой систематики.

Таким образом, литературоведение Якутии в настоящее время, с одной стороны, продолжает традиции предыдущих исследовательских направлений, восстанавливая историю якутской литературы, определяя основные стадии в ее развитии, с другой — разрабатывает новые теоретико-методологические положения, направленные на изучение исторической поэтики. Перспективы развития современного литературоведения связаны с расширением исследовательских полей, позволяющих не только выявить уникальность, самобытность национальной литературы, но и включить ее в единое полиэтническое культурное пространство России.

L.N.Romanova

Main directions of modern literary studies in Yakutia

The article covers the modern state of literary studies in Yakutia. The author characterizes main directions of modern Yakut literary studies. According to the author, the leading position in the modern science of literature is taken by historic-genetic and comparative-typological investigations.

Keywords: literary studies, national literature, directions, context, historic-genetic, comparative-typological, methodology.

Литературы тюркских народов Сибири в научном осмыслении

Статья посвящена проблеме научного изучения литератур народов Сибири в сравнительно-типологическом аспекте. Автор рассматривает достижения национального литературоведения Сибири XX в. по основным направлениям исторической поэтики.

Ключевые слова: литературоведение, научное осмысление, литература тюркских народов Сибири, литературный процесс, контакты.

Литературы тюркских народов Сибири до настоящего времени не были предметом специального исследования, хотя в монографических и обобщающих трудах отечественных литературоведов этот вопрос частично рассматривался. К их числу относятся работы Ч.Г.Гусейнова¹, Р.Г.Бикмухаметова², И.В.Стеблевой³ и др. Традиционно в трудах местных исследователей рассматривались такие вопросы, как роль фольклора в развитии литератур региона, влияние русской литературы на становление национальных литератур и т.д.

Литературу алтайцев, тувинцев, шорцев, хакасов, саха-якутов объединяет не только историческая, но и языковая, и этнокультурная общность тюркских народов. По языковому признаку они считаются близкородственными. До недавнего времени в трудах востоковедов игнорировались письменные истоки и традиции каждой из названных литератур, корни которых восходят к орхоно-енисейским письменам.

Впервые о тюркских народах Сибири и их литературе упоминалось в трудах О.Н.Бетлингга, В.В.Радлова, энциклопедическом словаре Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, Н.Ф.Катанова и других. В известной книге В.В.Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» (1866) отмечается: «Нет на земном шаре ни одного наречия, которое бы распространялось на столь огромное пространство, как Тюркское. Племена, говорившие тюркским языком, живут в трех частях света, начиная от северо-восточной части Африки и Европейской Турции до южной полосы Сибири и самой степи Гоби»⁴. Исследователь не только собрал и опубликовал фольклорные материалы тюркских народов Сибири, но и включил в свою книгу первое художественное произ-

ведение алтайского писателя М.В.Чевалкова «Жизнь Чевалкова» (1860), которое получило положительные отзывы в XIX — начале XX столетий. К примеру, Н. Ядринцев охарактеризовал автора «образованным инородцем, сохранившим связи со своим племенем и пожелавшим посвятить себя его развитию»⁵.

Переводчик Макарий Бийский писал: «Нельзя было предполагать, что алтайское наречие может дать глубоко поэтические картины жизни Алтая в звучных стихах, может излагать священные события увлекательным образом. Но отец Михаил нашел в своем духе способы придать сравнительно бедному родному языку и образность, и звучность так, что его стихи и рассказы сделались любимым чтением на Алтае, сделались народным достоянием»⁶. Благодаря этим высказываниям тюркоязычный мир узнал о существовании алтайской литературы, литературного наследия М.В. Чевалкова, в частности.

В книгу О.Н.Бетлингга «О языке якутов» вошли «Воспоминания» А.Я.Уваровского, написанные на якутском языке⁷. В ней автор подробно рассказывает о своей жизни, работе, природе Якутии, о жизни, нравах и обычаях якутов того времени, о трудностях во время поездки в северные улусы, Иркутск и Петербург. Не случайно Н.Н.Тобуроков внес коррективы в «Историю якутской литературы», назвав Уваровского зачинателем, а Кулаковского основателем якутской литературы.

Тридцать четвертый том энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона посвящен турецкому наречию и литературе⁸, и характерно, что в нем конкретно указываются истоки тюркских литератур, а именно: орхоно-енисейские памятники VI–VIII вв.

Литературоведческие исследования в Сибири начались в начале XX столетия. Причем ос-

новое внимание уделялось вопросам тюркского стихосложения. В трудах Н.Ф.Катанова⁹, к примеру, исследована метрика тувинского стиха, а статьи якутского литератора А.Е.Кулаковского посвящены особенностям якутского стихосложения¹⁰. В 1937 г. изданы очерки «Истории якутской литературы», написанные Н.М.Заболоцким. В них впервые было дано более полное представление о дореволюционных писателях А.Е.Кулаковском, А.И.Софронове, Н.Д.Неустроеве, В.В.Никифорове и поставлена задача научного изучения их творчества. В 1930–1940-е гг. обзорные и критические статьи о литературах Сибирского региона публиковались также на страницах журнала «Сибирские огни».

Монография Н.А.Баскакова под названием «Алтайский фольклор и литература»¹¹ стала теоретической и методологической базой многих тюркских литератур. Литературоведческие статьи печатались также в «Ученых записках», издаваемых в регионах во второй половине XX в. Одновременно готовились очерки истории национальных литератур Сибири. Впоследствии эти материалы вошли в фундаментальный труд «История советской многонациональной литературы»¹², изданный Институтом мировой литературы им А.М.Горького РАН.

В дальнейшем литературоведы углубленно изучают жанровые разновидности национальных литератур в сравнительно-сопоставительном плане с русской и мировой литературой. Это монографии А.Кызласовой и В.Карамашевой — в Хакасии, В.Петрова, Д.Васильевой, А.Билюкиной, А.Мыреевой — в Якутии, Р.Палкиной — на Алтае, З.Самдан — в Туве, а также книги А.Кошелевой и Н.Таскараковой, Н.Тобурокова, Сивцевой, М.Дьячковской, Н.Киндиковой, С.Комбу. За короткий период преодолен локально-региональный подход к литературе, заметно расширились рамки литературоведческих исследований. Этому способствовало проведение научных конференций в Сибирском регионе. Достаточно назвать тематику конференций, по итогам которых издавались сборники статей «Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока (Горно-Алтайск, 1986), «Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск, 1983), «Методологические проблемы изучения истории литератур народов Сибири» (Кызыл, 2006). Наряду с исследованием проблем истории и теории тюркских литератур, особое внимание уделялось вопросам изучения современного литературного процесса.

В постперестроечное время литературоведам региона удалось вернуться к историческим корням — древней поэзии тюрков, включить ее в периодизацию национальных литератур Сибири, по-новому осмыслить фольклорные и письменные истоки тюркских литератур, раскрыть этнокультурные особенности литературных жанров.

В энциклопедический словарь «Литературы народов России. XX век»¹³ включены алтайская, тувинская, хакасская, якутская литературы. Не вошла в словарь шорская литература, которая представлена ныне 8 писателями. И что характерно, в истории этих литератур уже упоминаются древнетюркские корни.

В тюркомонгольский период алтайская литература существовала в устном виде, тувинцы вынуждены были создавать произведения на старомонгольском языке. В истории якутской литературы основоположником считается А.Кулаковский (1877–1926). Имя алтайского писателя М.В.Чевалкова (1817–1901), известное со второй половины XIX в., вошло в историю родной литературы только в 50-е гг. XX столетия. Шорцы уже в XXI в. гордятся именем писателя-миссионера И.М.Штыгашева (1861–1915), творившего в XIX в.

Другими словами, в постперестроечное время тюркологи Сибири пересматривают литературу XX столетия, возвращают в историю тюркских литератур имена незаслуженно забытых, а также репрессированных в суровые 30-е гг. писателей. К таковым относятся исследования Н.Н.Тобурокова и других якутских исследователей, В.А.Карамашевой, Н.М.Киндиковой и многих других. В них отмечается новый взгляд на развитие тюркских литератур Сибири. Одновременно созданы в республиках очерки истории тюркских литератур: в Хакасии (1985), на Алтае (2004), в Якутии (2005) и т.д. Отрадно, что литературоведы подводят итоги исследованиям национальных литератур и намечают пути их дальнейшего изучения. Таковы статьи тюркологов о развитии критики и литературоведения в Туве, на Алтае, в Якутске (З.Самдан, Д.Куулар, А.Билюкина, М.Дьячковская, Л.Романова, Н.Киндикова и др.¹⁴). Все это способствует развитию научной мысли в регионе, выходу исследований за его пределы. В начале XXI в. в Горно-Алтайске, затем дважды в Уфе состоялась Международная конференция по теме «Урал–Алтай: через века в будущее».

Литературоведы своевременно ставят также вопросы взаимного перевода художественной литературы не только на русский язык, но и на другие близкородственные языки народов России. Углубленной разработки требуют такие проблемы современного литературоведения, как язык и стиль художественной литературы, мастерство национальных писателей и т.д. Недостаточно исследованным остается современный литературный процесс.

Подводя итоги полувековому развитию тюркского литературоведения, следует подчеркнуть, что созданы в регионе очерки истории национальных литератур на родном и русском языках, изданы энциклопедический словарь литератур народов России и словари литературоведческих терминов в Хакасии, Туве, на Алтае, написаны литературные портреты отдельных писателей в контексте развития тюркских литератур. Здесь имеется в виду монография Л.Р.Кулаковской «Научная биография А.Е.Кулаковского. Личность поэта и его время»¹⁵. Судьба одной личности раскрыта на фоне исторической судьбы якутского народа. Эта работа написана на высоком научном уровне. Автором для анализа привлечено более 1800 архивных материалов, исторических документов. Нам остается перенять опыт якутских коллег по созданию монографических трудов о писателях. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что литературоведение Сибири за два последних десятилетия выросло профессионально и получило самостоятельное развитие наряду с литературоведением других регионов России.

В Сибирском регионе работают квалифицированные специалисты, исследующие собственные национальные литературы в жанрово-тематическом, историко-типологическом плане. Появились даже целые школы, в частности, стиховедческая школа Н.Н.Тобурокова.

В настоящее время собран интересный архивный материал для научного осмысления творческого наследия знаковых личностей Сибири. Небезынтересно исследование наследия ведущих литературоведов региона в контексте развития науки о литературе. В целом, есть чем гордиться исследователям Сибирского региона. И все же задачей остается подготовка нового поколения литературоведов.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Гусейнов Ч.Г. Формы общности советской многонациональной литературы. — М.: Мысль, 1978.

² Бикмухаметов Р.Г. Орбиты взаимодействия. — М.: Наука, 1983.

³ Стеблева И.Я. Изучение тюркских литератур России. XX век. — М.: Восточная литература, 1998.

⁴ Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. — Горно-Алтайск, 2006. — С. 50.

⁵ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. 2-е изд. — СПб., 1892. — С. 182.

⁶ Церковные ведомости. — 1902. — № 7. — С. 296.

⁷ Бётлингк О. О языке якутов. — СПб, 1851 (на нем.яз.).

⁸ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А.Ефрона. — СПб., 1890;

⁹ Образцы народной литературы тюркских племен. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф.Катановым. — СПб, 1907.

¹⁰ Кулаковский А.Е. Правила якутского стихосложения // Кулаковский А.Е. Научные труды. — Якутск, 1979. — С. 452–455.

¹¹ Баскаков Н.А. Алтайский фольклор и литература. — Горно-Алтайск, 1948.

¹² История советской многонациональной литературы. — М.: Наука, 1970–1974.

¹³ Литературы народов России. XX век. — М.: Наука, 2005.

¹⁴ Самдан З.Б. Развитие тувинского литературоведения // Тезисы научной конференции, посвященной 50-летию ТНИИЯЛ. — Кызыл, 1995; Куулар Д.С. Современное состояние тувинского литературоведения // Куулар Д.С. История и современность. — Кызыл, 2002. — С. 116–120; Билюкина А. Якутское литературоведение // Развитие гуманитарного исследования в Якутии. — Новосибирск, 1981; Дьячковская М.Н., Романова Л.Н. Художественное наследие XX века в литературоведческой науке: опыт ретроспекции // Якутия в российском научном пространстве XX — начале XXI вв.: гуманитарные исследования. — Якутск, 2005. — С. 181–208; Киндикова Н.М. Алтайская литература в новом прочтении (на алт. языке). — Горно-Алтайск, 1998. — С. 183–194; Ее же. Проблемы алтайского литературоведения: итоги и перспективы развития // Ее же. Алтайская литература: проблемы и суждения. — Горно-Алтайск: ГУ Книжное изд-во «Юч-Сюмер-Белуха» Республики Алтай, 2008, — С. 166–176.

¹⁵ Кулаковская Л.Р. Научная биография А.Е.Кулаковского. Личность поэта и его время. — Новосибирск: Наука, 2008.

N.M.Kindikova

Literatures of the Turkic peoples of Siberia in the scientific understanding

The article is devoted to the problem of scientific study of the literature of Siberian peoples in the comparative-typological aspect. The author considers the achievements of the national literary studies of Siberia in the 20th century along main directions of historical poetics.

Keywords: literary studies, scientific understanding, literature of the Turkic peoples of Siberia, literary process, contacts.

Тожу кижилер*, кто они? (Экспедиция в центр Азии)

Тыва в последние годы становится одним из наиболее запрашиваемых туристических маршрутов во многих российских и западных турфирмах. Древней урянхайской земле есть чем к себе заманить и что показать, для этого она одарена многими неповторимыми земными красотами: степными просторами, величием Саянских гор с альпийскими лугами, вековой девственной тайгой, свежим горным воздухом, целебными источниками-аржанами и, безусловно, живой уникальной этнической культурой, уходящей своими корнями в седую древность. Она по праву считается одним из живописных уголков Южной Сибири. Тыва не только географический, но и духовный центр Азии. Древнейшая колыбель культур многих кочевых племен и народов с богатым историческим прошлым, расположенная в самом эпицентре древних тюрко-монгольских цивилизаций Саяно-Алтая, считается исконной территорией, связующей запад и восток, север и юг Азиатского континента.

* Этническое название небольшого тюркоязычного народа в составе тувинцев. В 1991 г. официально отнесен к числу коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В прошлом известны как сойоты, сойоны, урянхайцы. Самоназвание — *туга, туха*, существуют и другие родовые названия. Численность, по данным переписи 2002 г., составляла 4442 чел. Основная территория расселения — Тоджинский кожуун Республики Тыва. Язык — диалект тувинского языка, относится к уйгуро-тюкюйской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркских языков. Традиционные занятия: таежная охота, пушной промысел, оленеводство.

Поводом нашего знакомства с Тывой послужила проводимая здесь Международная научная конференция «Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование», посвященная 80-летию основания Национального музея Республики Тыва, собравшая более 100 участников из разных регионов Сибири, России и Монголии. Главный музей республики, кроме солидного юбилея, отмечал и другие не менее важные события. Во-первых, это официальное открытие нового современного здания, презентация археологических открытий последних лет, а также торжественное открытие постоянной экспозиции «Сокровища Долины царей Тувы» — из золотых предметов, найденных в кургане Аржан-2 в Турано-Уюкской долине в 2001 г. Эти бесценные находки из Тывы, датированные 2-й половиной VII в. до н.э., по праву считают археологическим открытием мирового значения. А то, что решением Государственного Эрмитажа золотые сокровища переданы на постоянное хранение в Национальный музей Республики Тывы, говорит о многом. К слову сказать, археологические находки кургана Аржан-2 по ценности и изяществу предметов не имеют аналогов среди других находок скифского периода. Древнейшие артефакты представляют уникальные произведения искусства: золотые украшения; ажурные цепи тончайшей работы; мелкие чеканные бляшки, выполненные в «зверином стиле»; фрагменты костюмов, обшитые мельчайшим золотым бисером; оружие, инкрустированное золотом. Плоская золотая гривна с вырезанной орнаментацией поражает сходством и однотипностью со старинным якутским украшением подобного типа. В целом нет сомнения в том, что настоящая музейная эк-

Здание Национального музея Республики Тыва

спозиция новых скифских шедевров будет для многих еще одним поводом культурного паломничества в этот загадочный уголок Южной Сибири.

Новое здание Национального музея Республики Тыва — яркая достопримечательность современной архитектуры Кызыла. Огромное, красивое здание в восточном стиле, окруженное каскадом изящных фонтанов, белоснежными юртами, монументальным памятником национальным героям, стеларием древнетюркских оленных камней и изваяний впечатляет своим масштабом. Музей носит необычное имя Алдан Маадыр, в честь 60 богатырей. В памяти народной жива история тех легендарных аратов, которые восстали против гнета местных феодалов. Это реальное историческое событие, произошедшее в западных кожуунах в 1885–1886 гг., и сегодня глубоко почитаемо современными тувинцами. Это массовое народное волнение было жестоко подавлено, беспощадно были казнены не только участники, но также члены их семей и дети.

Тувинцы, наиболее многочисленный тюркоязычный народ Южной Сибири, — современные потомки древнейших степных племен, издревле кочевавших по горно-таежным и степным районам Саяно-Алтая. Тыва по праву считается прародиной многих современных тюркских народов. По последним данным переписи, тувинцев в России насчитывается более 210 тыс. чел. Они составляют более 80% населения республики. Кроме того, крупные диаспоры этнических тувинцев проживают в северных аймаках Монголии — 30 тыс., в Китае — 4 тыс. В последние годы устанавливается связь, активизируются контакты российских тувинцев со своими заграничными сородичами.

Прошлый год для Тывы был юбилейным, республика отмечала 65 лет вхождения в состав Российской Федерации. Как известно, Тыва до 1944 г. как Тувинская народная республика имела самостоятельную государственность. И сегодня особенно в культуре, языке, традиционном укладе местного населения еще заметны некоторые отпечатки исторических особенностей прошлого республики.

Республика сегодня живет в ожидании крупных строительных перемен. Так, сегодня широко обсуждается мегапроект ожидаемой железной дороги Курагино — Кызыл, завершение строительства которой планируется к 2020 г. Прокладка железной дороги по Тыве имеет немало серьезных строительно-инженерных проблем, связанных с нестандартными условиями местного горного ландшафта. Кроме этого, есть и другая не менее острая проблема: дело в том, что сравнительно небольшая территория республики является особой охраняемой зоной историко-культурного наследия, древняя тувинская земля сплошь испещрена множествами археологических памятников: курганами, древними могильниками с каменными изваяниями и стелами с древнейшими руническими письменами. На первых порах даже предлагались надземные мосты для поездов, дабы не загрождать сакральных территорий. В настоящее время в Великом хурале собираются принять законопроект «Об охране святынь и сакральных объектов в Республике Тыва», который должен охранять природные и культурные памятники на территории республики.

Наше знакомство с Тывой началось с ее столицы Кызыла — города со 120-тысячным населением, отмечающим 95-летие. Небольшой по масштабам, сравнительно чистый и спокойный город отличается провинциальными чертами. В городе немало сохранившихся исторических зданий времен Тувинской народной республики. В то же время город выделяется современным архитектурным дизайном, в отличие от нашей столицы в Кызыле прекрасные монументальные памятники: при въезде в город встречает четырехметровая фигура арата, символизирующая дух и силу тувинского народа. Возвышающийся на слиянии Большого и Малого Енисея обелиск Географический центр Азии является не только культурной достопримечательностью города, но и объектом исторического и научного значения.

Заметным событием пребывания в городе было посещение Тувинского института гуманитарных исследований при правительстве Респуб-

лики — главного научного центра, известного своими фундаментальными исследованиями в области тувиноведения по многим направлениям гуманитарной науки. Институт сотрудничает со многими ведущими учреждениями, имеет широкие связи с российскими и зарубежными коллегами, работает над совместными исследовательскими проектами. За последние годы институт подготовил ряд солидных академических изданий, таких, как многотомный «Этимологический словарь тувинского языка», новое издание «История Тувы». Одно из интересных направлений — центральноазиатские исследования в области этнической истории и современных проблем тюркомонгольских народов, в том числе этнических тувинцев, проживающих на территории Монголии и Китая. В этом году институт отмечает два важных события — свое 65-летие и 80-летие создания тувинской письменности. В связи с этим в республике планируется ряд юбилейных мероприятий, в том числе международная научная конференция, посвященная этим датам.

Тувинцы, — пожалуй, один из самых музыкальных народов Сибири, об этом свидетельствует развитая народная инструментальная музыка, богатый песенный фольклор, и наконец, уникальное горловое пение — *хоомей*. Тувинское горловое пение — особое явление в культуре южно-сибирских кочевников, оно не только народное музицирование, но и целая философия и религия народа. Сегодня искусство народных певцов-*хоомейджи* широко известно во многих странах, оно давно стало ярким символом Тывы. Его любят и почитают во многих странах мира; чтобы приобщаться к этому волшебному звучанию голоса каждый год посещает эту маленькую горную страну множество туристов со всех уголков мира.

Камнерезное искусство из местного поделочного камня «*чонар-даш*» (агальматолит) становится сегодня одним из ярких брендов современной Тывы. Искусство тувинских резчиков широко известно за пределами республики. Особый стиль и художественное своеобразие поделок местных мастеров из светло-серого мягкого камня разных оттенков давно привлекают ценителей народного искусства. Для многочисленных гостей Тывы это замечательный подарок. Находят этот редкий и удивительно красивый чудо-камень в урочище Сарыг-Хая, расположенном на территории западной Тывы. Тематика мелкой пластики из «*чонар-даша*» традиционная — фигуры животного мира: верблюды, сарлыки, арзыланы, горные

Резчик по камню *чонар-даш*

козлы и маралы. Делают и другие сувенирные поделки: шахматы, письменные наборы, шкатулки и т.д.

В последние годы литература о Тыве пополняется весьма солидными и презентабельными изданиями. Особая гордость тувинских ученых «Урянхай. Тыва дептер» (досл. «Тувинская тетрадь») — многотомный сборник, включающий известные научные и публицистические труды российских и зарубежных ученых-путешественников, участников академических экспедиций, посвященные истории и археологии Тывы, этнографии и этногенезу тувинского народа. Автором идеи и составителем этого уникального издания является С.К.Шойгу. Не менее интересно издание «Тува: словарь культуры», включающее около 1000 терминов и понятий, связанных с центром Азии, составитель его — московский журналист-путешественник Сергей Маркус. Примечательно издание еще и тем, что к нему приложены диски с записями тувинской музыки и фильма. Нельзя не отметить также выход последнего труда известного отечественного ученого-тувиноведа С.И.Вайнштейна «Загадочная Тува: экспедиции в сердце Азии», изданного также в московском издательстве.

В местном книжном издательстве недавно увидел свет тувинский перевод романа якутского писателя Николая Лугинова «По велению Чингисхана», изданного тиражом 1000 экз. В республиканском еженедельнике «Тыванын аныктары» («Молодежь Тувы») выходит цикл рассказов якутского автора в переводе тувинского журналиста К.Донгак. К выпуску также готовится отдельный сборник.

В республике немало делается для развития национальной культуры и духовного возрождения народа. Прошлый год по инициативе Председателя правительства Шолбана Кара-оола объявлен был Годом игила. *Игил* — один из девяти видов национальных музыкальных инструментов, причем он является самым почитаемым, считается первым инструментом тувинцев. Этот смычковый инструмент с конской головкой на деке, красивым бархатным звучанием считается мужским инструментом, играют на нем исключительно мужчины. *Игил* — один из этнических символов, олицетворяющий мужское начало, и связан с образом мужчины. И не случайно культурная акция года была направлена на возрождение народных традиций — почитания мужчин как глав семей, их роли в обществе.

У тувинцев бытует красивая легенда под названием «Плач игила», согласно которой, музыкальный инструмент со столь неповторимым певучим звучанием в стародавние времена был сделан из лиственницы, на которой был подвешен череп любимого коня батрака-юноши, злостно убитого богатым нойоном. Юноша долго горевал, однажды ему во сне приходит его жеребец и велит ему сделать инструмент: остов обтянуть кожей, снятой с его головы, из волос его хвоста натянуть струны. Парень играл на нем, как велел ему любимый конь, и плакал, плакал вместе с ним и музыкальный инструмент. В его игре и тоска, и гнев находили выражение, поэтому звук *игила* получился столь выразительный и наполненный грустью. Так, народная легенда приписывает инструменту небесное происхождение, она проникнута любовью к коню и тесно связана с его культом.

Традиционное жилище тувинцев — войлочная юрта и сегодня не теряет популярности. Их можно видеть и в черте Кызыла, на фоне городской архитектуры они не только органично смотрятся, но и подчеркивают национальный колорит города. За городом есть места, где в зеленой зоне разбиты целые юрточные городки, пред-

Украшенный ярким узором свод тувинской юрты

назначенные для туристов. На синем фоне горной степи белые куполки с цветными флажками, издали смотрятся словно средневековая ставка монгольского хана. Без теплой уютной войлочной юрты и сегодня немыслима полукочевая жизнь тувинца-скотовода, и горожане не прочь иметь ее в дачной усадьбе. В кожуунах существует несколько кооперативов по изготовлению традиционной юрты. Сегодня цена одной готовой юрты колеблется в пределах 65–80 тыс. рублей. Сумма вполне приемлемая, если учесть, что это стоимость уже готового полноценного жилища.

В России тувинцы — единственный из тюркоязычных народов, исповедующих буддизм. Современное возрождение буддизма, точнее его северного варианта — ламаизма, начавшееся в Тыве с начала 1990-х гг., за последние годы сделало республику одним из российских центров буддийской религии. Сегодня в Кызыле четыре действующих буддийских храма-хуре, главный из них «Цеченлинг» — официальная резиденция камбы-ламы Тувы, расположен в центре города. В городе действует также монастырь, в котором готовят местных духовных служителей. Недавняя сенсация о находке особо сакральных артефактов (фрагменты мощей и одежды величайших учителей буддизма XI–XIII вв.), находящихся в старинной статуе Будды из хранилища Национального музея, свидетельствует о весьма давних буддийских традициях на территории современной Тывы.

Субурхан — монументальное сооружение, яркий символ буддийской религии. За последние годы на территории страны появилось немало

Мани-хурту — буддийский молитвенный барабан

субурханов, в том числе в самых отдаленных кожуунах, многие из них строятся на пожертвования местного населения.

В городе немало атрибутов и элементов символики, связанных с буддийской культурой. Парадные фасады многих зданий, в том числе вполне светских, украшены каменными стражами — *арзыланами*. В оформлении здания тувинского музыкально-драматического театра также присутствуют элементы культовой архитектуры. Необычные резные детали и орнаментальный декор, украшающие фасад и фронтоны здания, придают ему национально-художественное своеобразие. Неотъемлемым дополнением театральной площади является установленный здесь один из важных атрибутов буддийской религии *мани-хурту* — крутящийся барабан, на котором любой может совершать молитвенный обряд. Театраль-

«Чалама» — ритуальные обереги из разноцветных лоскутков материи с начерченными на них словами священных молитв, с. Тоора-Хем

ная площадь примыкает к главной столичной площади — площади Арата; это, пожалуй, одно из красивейших мест в городе, где скульптурный ансамбль из каменных фигур в «зверином стиле» составляет целую систему изящных фонтанов.

Несмотря на современное распространение буддизма, в народе еще сохраняется традиционный шаманизм. Известным исследователем тувинского шаманизма и пропагандистом местных традиционных верований является президент общества тувинских шаманов «Дунгур» почетный М.Б. Кенин-Лопсан — ученый, носящий американский титул «Живое сокровище шаманизма» и звание «Человек века». В Кызыле также весьма популярна деятельность религиозной организации тувинских шаманистов «Тос-Дээр».

Шаманское святилище Тос-Дээр — 'Девять небес'

* * *

Вторая половина нашего пребывания в Тыве была связана с поездкой в Тоджу, к тувинским оленеводам. Это один из самых отдаленных и труднодоступных кожуунов, находящихся в северо-восточной части республики. До недавнего времени эта субэтническая группа тувинцев не была широко известна. Наша поездка во многом была связана с тем, что тувинцы-тоджинцы, получившие не так давно статус малочисленных народов Севера, сегодня, пожалуй, единственный народ в Южной Сибири, сохранивший традиции горно-таежного кочевого оленеводства.

В это время года, когда в Пий-Хеме спадает вода, пассажирский теплоход «Заря», курсирующий между Кызылом и Тоджей, делает последние рейсы. Поэтому без долгих раздумий мы сели на теплоход и отплыли по быстротечной

реке, чтобы попасть в один из живописнейших уголков Тывы.

Тоджинский кожуун, самый обширный по территории административный район, расположен в так называемой Тоджинской котловине. Центром является сумон Тоора-Хем. Этническое название тувинцев-тоджинцев напрямую связано с озером Тоджа (тув. Тожу-Хол) — весьма почитаемым природным объектом, главной достопримечательностью восточных территорий Тывы. Озеро входит в охраняемую территорию государственного природного заповедника «Азас».

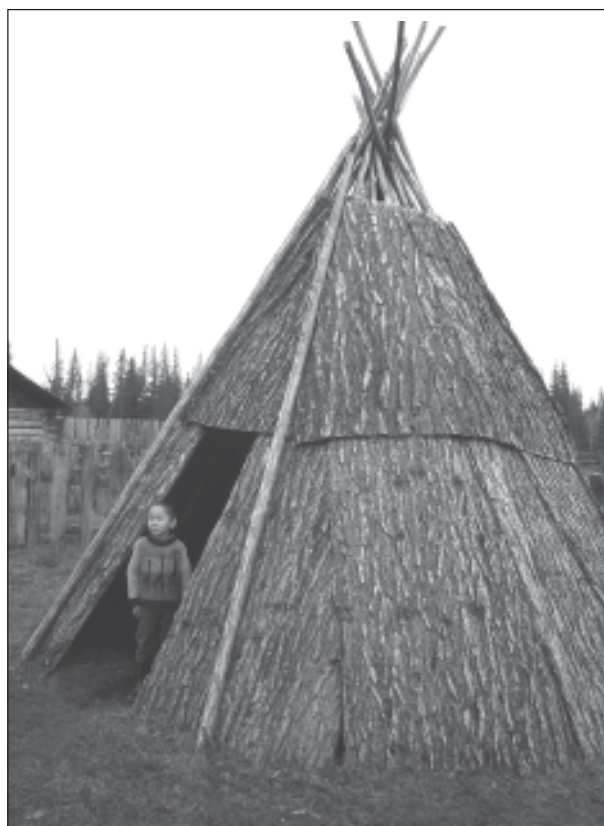
Таким образом, благодаря географическому названию местные аборигены именуются тувинцами-тоджинцами. Судя по всему термин *тожу* не совсем этноним, хотя отмечают существование в прошлом такого рода. Большинство из них составляет коренное население кожууна, некоторая их часть проживает в соседнем Шынаанском кожууне. В самой Тодже, по данным статотдела кожуунной администрации, на начало 2009 г. в шести сумонах население составляло 6174 чел., более 80% из них коренные тоджинцы.

Несмотря на обстоятельную монографию С.И.Вайнштейна¹, тувинцы-тоджинцы сегодня остаются одной из малоизученных этнических групп. Изданная более полувека назад работа давно стала библиографической редкостью. За эти годы многое изменилось как в самой Тодже, так и в жизни ее обитателей. В 1991 г. Распоряжением Правительства РСФСР тувинцы-тоджинцы включены в перечень районов проживания народностей Севера, на основании этого документа на них были распространены права, льготы и преимущества для малочисленных народов Севера². Вслед за этим в 1994 г. вышел Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина об отнесении территории Монгун-Тайгинского, Тоджинского районов и Шынаанской сельской администрации Кызылского района к районам Крайнего Севера, остальные административные территории были отнесены к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера. Так, тувинцы-тоджинцы, получившие новый официальный статус, признаны одним из 40 малочисленных народов Севера России.

В вопросах происхождения и этнической истории тоджинцев немало еще неразгаданных тайн и споров вокруг них, они весьма актуальны для тувиноведения и представляют важную задачу в современном изучении этногенетических проблем аборигенов Сибири. Судя по имеющимся гипотезам этногенез тувинцев-тоджинцев пред-

ставляет достаточно сложную и многокомпонентную картину, связанную с самодийскими, кетоязычными и, возможно, тунгусскими племенами, с проникшими к ним тюркоязычными *тубо*, родственными уйгурам.

Проживание тоджинцев в горной местности, изолированно от остальных жителей Тувы, не могло не сказаться на языке и культуре. Материальная ее сторона, продиктованная традициями охотничье-промысловых занятий, существенным образом отличалась от таковой основной массы жителей степной части страны. Основным типом жилища тоджинцев был берестяной конический шестовой чум (*алажы-өг*). В зимнее время чум покрывался меховыми покрывками из шкур оленя, лося и т.д. Нередко жилище покрывали корой лиственницы. Это было типичное жилище кочевника, максимально приспособленное к традиционному кочевому образу жизни. Внутренняя планировка жилища и связанные с ней представления имели много общего с особенностями тунгусского чума.

Чаадыр-өг — летнее жилище тоджинцев из коры лиственницы, с. Адыр-Кежиг

В отличие от одежды степного населения одежда таежных жителей имела немало местных особенностей. В ней отражались и элементы культуры соседних народов: карагасов, сойотов, дархатов, камасинцев, цаатанов, бурят. Пожалуй, одной из наиболее ярких особенностей является наличие в ней некоторых северных черт. Традиционным материалом для одежды тоджинцев была выделанная шкура оленя, марала, косули. Как и многие северные народы, тоджинцы носили камусную обувь с голенищами до колен (*бышкак идик*).

Для коренного населения северо-восточных кожуунов оленеводство является исконным занятием. На традициях местного оленеводства зиждется культура тувинцев-тоджинцев. Оленеводство южносибирских народов всегда вызывало интерес исследователей. Первые публикации о традициях оленеводства урянхайцев, карагасов, сойотов появились еще в 1920-х гг.³. Ведь Саяны по праву считаются прародиной оленеводства. Традиционное оленеводство тувинцев-тоджинцев по научной классификации относится к саянскому горно-таежному подтипу. В литературе существует ряд известных гипотез происхождения оленеводства, однако по данному вопросу до сего времени нет единого мнения. Достаточно распространенным считается мнение ученых о том, что оленеводство развивалось под влиянием тюркомонгольской коневодческой культуры. Небезынтересна моноцентрическая концепция происхождения оленеводства этнографа С.И. Вайнштейна, который выдвигал положение о том, что древнейшим очагом domestikации оленя в Евразии являются Саяны (около рубежа н.э.), начальный этап которой протекал в самодийской этнической среде. Автор на основе сравнительно-типологического изучения особенностей саянского и тунгусского оленеводства отмечал единый характер их происхождения, одомашнение оленя в Саянах положило начало постепенному распространению выючного оленеводства у народов Евразии⁴.

Но как бы то ни было истоки оленеводства у кочевых племен Саяно-Алтая имели весьма древние корни. Об этом древняя земля хранит немало сакральных свидетельств. «Оленные камни», плиты-стелы с изображениями животных, — один из древнейших мифологических мотивов культа оленя. Летящие олени с ветвистыми рогами — характерный сюжет скифосибирского искусства. Не случайно жертвенным коням Пазырыкских курганов Алтая на голову были наде-

ты олени маски с роскошными рогами. Образ оленя, — писал А.П. Окладников, — связывает все три основных мира в древнем искусстве Сибири. Он был распространен у охотников тайги в бронзовом и раннем железном веках, фигуру золотого солнечного оленя высекали также скотоводы Забайкалья и монгольских степей⁵.

По всем характеристикам и внешним особенностям тувинское оленеводство существенно отличается от других типов северного оленеводства. Пожалуй, основной отличительной чертой является то, что олени используются здесь только как верховые и выючные. Местное оленеводство как поставщик надежного выючного транспорта исконно было связано с охотничьим промыслом — основным занятием тувинцев-тоджинцев. Благодаря верховым оленям таежные охотники в поисках добычи преодолевали огромные расстояния горной тайги. Кроме того, олень давал вкусное мясо и молоко, шкуры для изготовления теплой одежды. Природные условия Восточной Тывы благоприятны для развития оленеводства: Присаянье отличается наличием значительных массивов ягельников, местные альпийские луга изобилуют богатой растительностью и питательным разнотравьем. По данным одного из дореволюционных исследователей Урянхайского края А.А. Турчанинова, в 1915 г. только в Тоджинском хошуне поголовье оленей составляло 108400⁶. В советское время тувинское оленеводство, хотя не имело как отрасль столь важного хозяйственного значения, но традиционное занятие тоджинцев получало должную поддержку.

Как видно из ниже представленной таблицы⁷ численность (тыс. голов) домашнего оленя в Республике Тыва была достаточно нестабильной. Наибольшим поголовье было перед войной, после которой оно резко сократилось.

Республика	1927 г.	1941 г.	1951 г.	1961 г.	1971 г.	1981 г.	1991 г.	1998 г.
Тыва	10,4	20,0	3,1	5,8	11,6	14,5	8,1	3,4

Попасть к оленеводам, как и предполагалось, было задачей весьма непростой. Это во многом связано с удаленностью оленеводческих стойбищ, труднодоступностью горно-таежных кочевий. О сезонном местопребывании оленеводов в кожууне мало кто обладал точной информацией, так как в это время они практически изолированы от внешнего мира. Мы могли узнать лишь о том, что они находятся где-то в очень отдаленном высокогорном районе Восточных Саян. Вопрос поездки к оленеводам благодаря администрации кожууна решился довольно быстро, туда

Оседланный олень. Современные оленеводы используют конское седло

как раз срочно отправлялась служебная машина местной администрации.

Дорога в тайгу несмотря на продолжительность не была утомительной, машина скоро сошла с трассы и двигалась по неровной каменистой дороге. Естественно, по такой дороге, неприспособленной машине и километра не проехать, наш джип с большой проходимостью легко преодолевал крутые спуски и подъемы, узкие горные лабиринты. Уже за полночь мы подъехали к стоянке охотников, прибывших из поселка. Здесь мы решили переночевать, так как проехали лишь половину пути, но спать пришлось под открытым небом у костра. Посреди дремучей тайги под звездным небом, у бурлящей горной речки спалось крепко: когда проснулись от мелкого морозящего дождя, стало уже светло. После утреннего чая снова в путь. Местная природа поражает неповторимой красотой: нетронутая таежная растительность, голубые просторы горных массивов, покрытые кедровыми лесами. По дороге заехали на прииск золотарей в местности Ойна, где нас угостили вкусным обедом. Проехали уже более ста километров, далее дорога становилась значительно хуже, даже рискованной. Проехали мимо старого заброшенного поселка артели, раньше здесь, говорят, была даже школа для детей оленеводов. Через некоторое время выехали на открытую местность, окруженную красивыми сопками со снежными вершинами. Местность эта называется Серлиг-Тайга. По подсчетам моих спутников, мы проехали более 170 км. Здесь находилась перевалбаза ветеринаров, прибывших для вакцинации оленей. Оленей пока было мало, так как многие оленеводы еще не прибыли со стойбищ. Здесь немного от-

дохнув, пересели на оленей и верхом двигались в сторону ближайшего стойбища, где бригада из четырех человек находилась на сезонной стоянке.

В глаза особенно бросается крупный размер и ветвистость рогов местных оленей. В основном они светлые, среди них есть и олени чисто белой масти. Несколько непривычным было видеть снаряжение верхового оленя, которое по своим особенностям напоминает конское. Седло кладется оленю на середину спины; под седло подкладывают шкуру или войлок. К полкам седла спереди привязан подгрудный, а сзади — подхвостный ремень. Поводок проходит слева, как у коня. Вместо специального деревянного седла на спине оленя конское седло с металлическими стременами. Потом пришлось оценить его достоинство, оно оказалось не менее удобным и практичным.

Проехали на оленях почти 9 км за 1,5 часа. Олени оказались очень выносливыми, по неровной таежной тропе мы ехали без остановок. Следует отметить смирный и спокойный характер ездовых оленей. Единственная избушка стойбища, к которой мы подъехали была окружена небольшим стадом. В стаде, как стало известно, были олени, привезенные четыре года назад из Якутии. Самый известный из них бык по кличке «Якут», шестигодовалый здоровяк и любимец хозяина, к нашему приезду мирно пасся на территории избушки. Прибывших к стойбищу новичков он встретил явно неприветливо, приняв бойцовскую позу, шумно фыркал и мотал головой, сгребал землю своими широкими копытами и не хотел к себе подпускать.

Хозяйка стойбища угостила нас местными деликатесами собственного приготовления: оленьим молоком, маральим мясом, прекрасным

Дойка важенки, м. Серлиг-Тайга. Тоджа

кислым сыром («пыштак»), молочным напитком («хойтпак»). С удивлением узнали, что из небольшого количества оленьего молока можно приготовить столько разнообразных кисломолочных блюд. По своим вкусовым качествам они нисколько не уступают продуктам, получаемым из коровьего молока.

Известную фразу «без оленя — нет эвенка» можно применить и к тоджинцам. Для коренного тоджинца олень — столь необходимый атрибут его жизни, без которого не преодолеть неизмеримые расстояния в тайге, не мыслим удачный промысел. Поэтому образ коренного тоджинца-охотника нельзя представить без оленя. Не случайно в официальном гербе кожууна центральное место занимает изображение оленя.

В настоящее время в кожууне насчитывается 1,5 тыс. голов оленей. Из них около тысячи — собственность оленеводческого предприятия ГУП «Одуген», небольшие частные стада имеются также в соседних Каа-Хемском и Тере-Хольском кожуунах. Сейчас в отрасли занято более 70 человек, немало и оленеводческих семей. Как рассказывают сами оленеводы, в советское время им уделялось больше внимания. Была радиосвязь, у многих были «Бураны», хорошо обеспечивались продуктами, палатками, патронами. Зарплату получали всегда вовремя. Сейчас всего этого нет, вот уже более 15 лет, как они говорят, живут на выживание. Ведь находиться в глухой тайге без рации, с нередкими перебоями в поставке продуктов крайне рискованно. Таежники часто бывают вынуждены обменивать свою добычу на необходимые продукты у старателей.

*Ивижилер**, т.е. оленеводы, в поселках Адыр-Кежиг и Чазылар, где живут их семьи, бывают редко, чтобы добраться до них нужно 3–4 суток, а в зимнее время практически невозможно. С конца апреля, когда начинается приплод оленей, женщины с детьми уезжают в тайгу, в это время их присутствие на стойбище особенно необходимо. В местном интернате живет 18 детей оленеводов, остальные — у родственников. Несмотря на тяжелые условия отрасли, многие тянутся в тайгу, ведь родная стихия близка каждому. В отличие от сойотов и тофаларов, где навыки оленеводства сегодня во многом утрачены, и отрасль имеет слабую перспективу на возрождение, в Тодже достаточно устойчиво сохраняются традиции хозяйства, оно занимает видное место в жизни местного населения.

* Ивижилер — (тув.) оленеводы, от слова иви — олень.

С начала 1990-х гг. местное поголовье начало заметно сокращаться. Причин было много, одной из них считают моду на панты. В результате массового распиливания рогов, от обескровливания олени сильно ослабевали и погибали от истощения. Немалый урон в сокращении поголовья наносят волки, против расхищения клыкастыми оленеводы нередко бывают беспомощны, так как они не снабжены ни оружием, ни боеприпасами. Отсутствие охотничьего снаряжения, — пожалуй, одна из трудно решаемых проблем. По рассказам информантов, численность оленей никогда еще не сокращалась до такого количества, в целом оленеводство как хозяйственная отрасль сегодня переживает не самые лучшие времена.

Еще в 1995 г. был принят указ Президента Республики Тыва «О мерах по развитию оленеводства в республике». В настоящее время в республике работает Государственная целевая программа «Развитие оленеводства в РТ в 2010–2012 гг.». В 2005 г. в качестве обмена община получила из Якутии (Иенгра) 30 важенок и 10 быков. От этого пополнения сейчас осталось мало. Как говорят оленеводы, они не приспособлены и плохо адаптируются к местным условиям, с трудом поддаются приручению, часть из них ушла в тайгу. Лишь некоторые из них пополнили поголовье тувинского стада.

В рамках правительственной программы в сентябре прошлого года из Эвенкии привезена первая партия из 100 голов северных оленей. По мнению специалистов, именно эвенкийская порода по многим параметрам, в том числе экстерьерным, наиболее близка к своим саянским сородичам. В прошлом году из республиканского бюджета на поддержку оленеводства выделены субсидии в размере 1200 рублей на голову. Однако его благополучное будущее зависит не только от решений, принятых властными структурами, но и от самих носителей культуры, занятых в этой традиционной отрасли.

Сегодня вопросы южносибирского оленеводства беспокоят не только аборигенов, носителей этих культур, они стали одной из обсуждаемых гуманитарных проблем современной науки. Ежеквартальный англоязычный журнал «Cultural Survival» (Культурное выживание) за 2003 г. в рамках Международного проекта сохранения тотемных народов посвятил свой очередной номер современным проблемам оленеводства коренных малочисленных этносов Южной Сибири, Северного Китая и Монголии⁸. Обширный трансграничный регион, охватывающий Западные и

Восточные Саяны, территории Республик Тыва и Бурятия, Хубсугульский аймак Монголии и северные провинции КНР, является исконным ареалом разведения северного оленя. Быть или не быть в Саянах оленеводству? Так можно вкратце резюмировать тот важный вопрос, который ставят в своих статьях авторы данного издания. Проблема оленеводства глазами ученых-этнографов — это, прежде всего, судьба народов, культура которых неразрывно связана и во многом зависит от благополучия этого вида традиционного занятия. Не случайно она становится столь актуальной в наше время. Сегодня для северных народов оленеводство важно не столько как хозяйственная отрасль и традиционное занятие, сколько как способ их сохранения, а возможно, единственный инструмент их этнокультурного выживания. Каковы его сегодняшние реалии и перспективы развития? По имеющимся предварительным данным, по всему Южно-Сибирскому региону, включая китайские и монгольские территории, численность домашнего оленя составляет не более 5—6 тысяч голов.

Несмотря на сегодняшнее состояние и имеющиеся проблемы, оленеводство в Тодже все же нельзя считать умирающей и бесперспективной отраслью хозяйства. Оно сегодня становится заботой республики, его развитию стали уделять особое внимание. Отмечаемое в последние годы внимание и практические шаги со стороны руководства республики вселяют надежду, что исконное занятие тувинцев все же найдет должную поддержку и будет развиваться дальше.

Итак, наш долгий путь к тувинским оленеводам завершился, возможно, наш экспедиционный проект кому-то покажется не совсем понятным и целесообразным. Но он был во многом оправданным, поездка подарила нам, немалые открытия, самое главное, живую встречу с тоджинцами, тем оленным народом, который испокон веков, как и много столетий назад их предки, живет в далеких просторах тувинской тайги.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. — М., 1961. — 217 с.

² Распоряжение Правительства РСФСР № 132-р от 12.12.1991 г. «Об обеспечении социально-экономического и культурного развития этнической группы тувинцев-тоджинцев, проживающих в Республике Тува» // www.consultant.ru.

³ Васильев В.Н. Краткий очерк быта карагасов // ЭО, — 1910, — № 1—2; Островских П.Е. Оленные тувинцы // Северная Азия, — 1927, — кн. 5; Петри Б.Э. Оленеводство у карагасов. — Иркутск, 1929

⁴ Вайнштейн С.И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (Роль Саянского очага в распространении оленеводства в Евразии) // СЭ, — 1971. — № 5. — С.37.

⁵ Окладников А.П. Олень Золотые рога. — М.; Л.: Искусство, 1964. — С. 159.

⁶ Турчанинов А.А. Урянхайский край в 1915 году. — Кызыл, 2009. — 424 с.

⁷ Сыроватский Х.И. Организация и экономика оленеводческого производства. Учебник для ВУЗов и ССУЗов. — Якутск, 2000. — С. 11.

⁸ Cultural Survival Quarterly. Spring — 2003, Cambridge, MA

Николай Николаевич Ефремов (К 60-летию со дня рождения)

Один из ведущих якутских языковедов, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора грамматики и диалектологии ИГиПМНС СО РАН Н.Н. Ефремов родился 21 марта 1950 г. в селе Бетюнцы Амгинского района ЯАССР. В 1968 г., окончив Амгинскую среднюю школу, он поступил на якутское отделение историко-филологического факультета ЯГУ. Пытливый ум и живой интерес к тайнам строения языка способствовали его решению — после окончания университета продолжить обучение в аспирантуре. Занятия в аспирантуре

Института филологии СО РАН под руководством основателя сибирской синтаксической школы М.И. Черемисиной предопределили творческий путь ученого, главным содержанием которого на всем его протяжении остается исследование синтаксического строя якутского языка.

Представляется, что вклад Н.Н. Ефремова в развитие якутской языковедческой науки нужно оценивать прежде всего с точки зрения изучения синтаксического строя якутского языка. В 1979 г. Николай Николаевич поступил на работу в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в сектор грамматики и диалектологии. Работавший в тот период заведующим сектором Н.Е. Петров сразу привлек его к исследованиям сектора. Результаты его первого научного отчета по сложноподчиненным предложениям якутского языка были позднее опубликованы во второй части академической грамматики якутского языка «Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис» (Новосибирск, 1995). Для этой крупной монографии он написал также раздел «Словосочетание как конструктивная основа синтаксиса якутского языка». В нем развивалась концепция основоположника якутской синтаксической школы Е.И. Убрятовой, которая детерминирующей основой синтаксического строя считала способы связи слов. С точки зрения форм и способов связи между предикативными единицами были проанализированы сложноподчиненные предложения синтетического и синтетико-аналитического типа, каждое из которых имеет свою семантическую структуру.

Н.Н.Ефремов в 1981 г. на специализированном совете Института языкознания АН КазССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сложноподчиненное предложение времени в якутском языке». Этим первым же своим значительным исследованием Николай Николаевич заявил о себе как ученый оригинальных научных взглядов и внес много нового в якутскую грамматическую традицию. Исследование

явилось не только первой серьезной попыткой обоснования цельной концепции о системном характере грамматического и семантического строя якутского языка, но и первой крупной научной работой, в которой был представлен метод компонентного анализа. Данный метод послужил основой для развития метода структурно-семантического моделирования предикативных конструкций. В работе также впервые в якутской языковедческой науке как свидетельство своеобразия синтаксической системы якутского языка было особо отмечено наличие грамматического субъекта в каждой части сложноподчиненного предложения. В связи с этим, наряду с основными семантическими признаками аспектуальности и темпоральности, были выделены моно- и разносубъектные модели предложений времени. Результаты этого исследования были изложены в монографии Н.Н.Ефремова под названием «Сложноподчиненное предложение времени в якутском языке» (М., Наука, 1984).

Продолжением исследования синтаксиса сложного предложения явилась докторская диссертация на тему «Полипредикативные конструкции в якутском языке», которую Николай Николаевич защитил в 2000 г. на специализированном совете ИГи АН РС(Я). В диссертации было дано системное описание структуры и семантики полипредикативных конструкций. Употребление впервые введенного в синтаксис якутского языка термина «полипредикативная конструкция» позволило автору отказаться от терминов «деепричастие» и «причастие» и подойти к ним как к функциональным глагольным формам, выражающим определенную пропозицию, т.е. имеющим общее значение. В отношении причастных и ряда других форм, принимающих аффиксы падежа, Н.Н.Ефремов предложил термин «предикативно-соотносительный член», и рассмотрел их как «сочетание предикативных единиц в форме членов предложения». В исследовании было доказано, что сложные предложения представляют собой результат усложнения грамматической и семантической структуры сказуемого, занимающего в предложении вершинное положение. Исходя из этого, были выделены структурные типы полипредикативных конструкций и их семантические разновидности. Докторская диссертация Н.Н.Ефремова, опубликованная в виде монографии (Полипредикативные конструкции в якутском языке. — Новосибирск, 1998), положила начало системному подходу к исследованию грамматического строя якутского языка.

Обобщенный анализ синтаксической системы якутского языка впоследствии был изложен в разделе коллективной работы «Курс якутской грамматики: система морфологических и синтаксических конструкций» (Якутск, 2004). В этом исследовании, задуманном как учебное пособие для студентов-филологов, Н.Н.Ефремов развил ранее предложенную им идею о моноцентрическом характере синтаксического строя якутского языка. Согласно этой идее, предикативные построения любой степени сложности имеют базовую модель, которая выглядит как «определение + определяемое». Пособие получило положительный отзыв специалистов по тюркским языкам.

Кроме фундаментальных исследований по плану НИР, Н.Н.Ефремов имеет ряд разработок по грантам и целевым программам, в том числе по грантам РГНФ и РФФИ, по Государственной целевой программе «Совершенствование и развитие лингвистического образования в РС(Я)».

Особый интерес для Николая Николаевича представляет язык художественных и фольклорных произведений, которому он посвятил ряд работ. К ним относятся его статьи и выступления на конференциях по языку олонхо, по языку произведений А.Е.Кулаковского, А.И.Софронова, Д.К.Сивцева-Суорун Омоллона.

Н.Н.Ефремов принимает активное участие в крупных прикладных исследованиях, имеющих основополагающее значение в развитии якутского языка. Он соавтор «Орфографического словаря якутского языка» (Якутск, 2001) и «Понятийно-терминологического русско-якутского словаря по психологии» (Якутск, 1994). Он рекомендовал себя как лексикограф при составлении словарных статей 4-го и 5-го томов «Большого толкового словаря якутского языка».

Н.Н.Ефремов ведет педагогическую деятельность, ряд лет вел основной курс лекций по синтаксису якутского языка, под его руководством написано более 30 дипломных работ студентами ФЛФ и ФЯФиК ЯГУ, работает председателем ГАК ФЯФиК и северного отделения ФЛФ ЯГУ. Он автор ряда учебных пособий для студентов и учащихся школ, в том числе электронного пособия для учащихся якутских школ «Грамматика якутского языка. Лексика, фонетика, морфология, синтаксис» (Якутск, 2008). В 2009 г. пособие выдержало второе издание. В 1997 г. ему было присвоено ученое звание доцента по кафедре якутского языка ЯГУ.

Н.Н.Ефремов плодотворно занимается подготовкой научных кадров: под его руководством

3 аспиранта защитили кандидатские диссертации, в настоящее время он руководит диссертационным исследованием 4 аспирантов ИГИиПМНС СО РАН. Выступает официальным оппонентом кандидатских и докторских диссертаций.

Как высококвалифицированный специалист, Н.Н.Ефремов занимается редакторской работой. При его участии в редколлегии вышло более 10 научных и научно-популярных изданий, в том числе: «Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис» (Новосибирск, 1995); «Е.И. Убрятова. Избранные труды» (Новосибирск, 2006); «Кобяйский улус: история, культура, фольклор» (Якутск, 2008).

В списке научных и научно-популярных трудов Н.Н. Ефремова значится 150 названий, значительное место среди которых занимают статьи и публикации, посвященные жизни и деятельности крупных исследователей Якутии и Сиби-

ри, различным вопросам истории и культуры родного края. Он автор и соавтор научно-популярных изданий «Мяндиги — плодородная земля» (Якутск, 2000); «Амгинский улус: история, культура, фольклор» (Якутск, 2001); «В.Н.Васильев» (Якутск, 2003 и др.).

Н.Н. Ефремов имеет опыт организаторской работы в науке — в 1999–2004 гг. он работал заведующим отделом грамматики и диалектологии, затем отделом современных проблем якутского языка. В настоящее время в должности главного научного сотрудника ведет руководство научным проектом по функциональной грамматике якутского языка в рамках фундаментальной программы СО РАН.

Коллеги и ученики желают ветерану труда, заслуженному ветерану СО РАН Николаю Николаевичу Ефремову доброго здоровья, новых творческих успехов.

*Н.И. Данилова, д.ф.н.,
завсектором ИГИиПМНС СО РАН*

И.Г.Матчитов

О международном сотрудничестве ИГИиПМНС СО РАН

Созданное в 2008 г. Учреждение Российской академии наук «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН» (ИГИиПМНС СО РАН) продолжает и развивает традиции своих правопреемников — Института проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук и Института гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия).

В области международного сотрудничества для развития данного направления деятельности ИГИиПМНС СО РАН за последние два года подписал и пролонгировал ряд важных документов, в том числе:

- Протокол намерений о взаимодействии и сотрудничестве с Центральным университетом национальностей КНР (октябрь 2008 г.);
- Соглашение о сотрудничестве с Институтом истории Академии наук Монголии (февраль 2009 г.);
- Меморандум о взаимопонимании между японскими и российскими научно-исследовательскими организациями для продвижения исследований по глобальному потеплению и измерению человек—природа в Сибири (апрель 2009 г.);
- Соглашение об академическом обмене с Центром исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку (Япония) (сентябрь 2009 г.);
- Договор намерений об установлении научного сотрудничества с Центром языка и коммуникаций Амстердамского университета (Нидерланды) (ноябрь 2009 г.);
- Соглашение об академическом обмене с Центром исследований Северо-Восточной Азии (Япония) (2009 г.);

- Соглашение об академическом обмене с факультетом наук об окружающей среде Земли Университета Хоккайдо (Япония) (январь 2010 г.);

- Соглашение о научном сотрудничестве с Амстердамским университетом (Нидерланды) (апрель 2010 г.) по проекту «Тундренный юкагирский язык» на 2010–2013 гг.;

- Соглашение о научном сотрудничестве с Институтом психолингвистики им. Макса Планка (Германия) (апрель 2010 г.) по организации и проведению фольклорно-лингвистической экспедиции по языку и фольклору тундренных юкагиров;

- Соглашение о сотрудничестве с Александровским институтом Университета Хельсинки (Финляндия) (июль 2010 г.).

В настоящее время Институт работает по нескольким совместным проектам: в рамках Соглашения о научном сотрудничестве, подписанного с Институтом эволюционной антропологии им. Макса Планка (Лейпциг, Германия), в ИГИиПМНС СО РАН выполняется проект «Документация диалектного и культурного разнообразия эвенов Сибири». Координатором является Бригитте Пакендорф — руководитель самостоятельной группы «Сравнительная популяционная лингвистика» Института эволюционной антропологии им. Макса Планка. Сроки реализации проекта: 2007–2012 гг.

Проект реализуется по гранту программы «Документация исчезающих языков» Фонда “VolkswagenStiftung” (Ганновер, Германия). Он нацелен на документацию трех диалектов эвенского языка: западного, на котором говорят в селе Себян Кюёль Республики Саха (Якутия); центрального, на котором говорят в селе Тополиное Якутии, и восточного, который используется в районе Быстрая на Камчатке. Проект также предусматривает сбор этнографических и лингвистических материалов.

тических данных, относящихся к области оленеводства, которое значительно повлияло на культуру и самоидентификацию эвенов. Сюда же войдут материалы экспедиционных работ по документации диалектов языка эвенов, проводимых в 2007 г. в Томпонском, 2008 — Кобяйском, Среднеколымском, 2010 — Кобяйском, в 2011 г. — Кобяйском, Томпонском улусах Республики Саха (Якутия) и Камчатской области.

Международный междисциплинарный проект «Глобальное потепление в Сибири и представление человека о его масштабах: социальная адаптация к изменениям в пресноводных и наземных экосистемах» по гранту Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Правительства Японии выполняется в соответствии с «Меморандумом о соглашениях между японскими и российскими научно-исследовательскими организациями для содействия научным исследованиям по проекту «Глобальное потепление в Сибири и представление человека о его масштабах». Координаторами проекта являются Хироки Такакура — доцент Центра исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку, В.Б.Игнатьева — заведующая сектором этносоциологии ИГИИПМНС СО РАН, к.и.н. Сроки реализации проекта: 2008—2012 гг.

Целью данного проекта является изучение эффекта глобальных изменений климата на жизнедеятельность населения Республики Саха (Якутия). В 2008 и 2009 гг. участниками проекта выполнены экспедиционные работы в Верхоянском, Томпонском, Хангаласском, Нижнеколымском, Намском, Кобяйском улусах РС(Я) и в г. Якутске. В рамках проекта сотрудниками института разрабатываются три темы: «История инфраструктуры и транспортной системы Восточной Сибири», «Экологическое движение и оценка окружающей среды в Республике Саха (Якутия) и Российской Федерации в целом», «Социологический обзор и анализ общества и его развития в Республике Саха (Якутия)».

ИГИИПМНС СО РАН и Университет Джорджа Мейсона (США) выполняют совместный проект «Оценка знаний, устойчивости/адаптации и политические интересы сельского населения, испытывающего беспрецедентные климатические изменения на Севере России» по выявлению динамики развития глобальных климатических изменений и их воздействия на хозяйственные и социокультурные системы Арктики (в данном случае этнолокальной группы вилюйских якутов), а также оценке сохранности традиционных знаний и степени информированности населе-

ния о современных экологических проблемах на местном уровне; адаптации коренных этносов к этим изменениям. Проект поддержан грантом Национального научного фонда США по отделению Арктики. Его координатором является Сьюзан Крейт — доцент Университета Джорджа Мейсона. Сроки реализации проекта: 2008—2010 гг. В 2009 г. участниками проекта проведены полевые исследования в Сунтарском улусе РС(Я).

Институт работает над совместным с Александровским институтом Университета Хельсинки проектом «Структура энергетической политики России и ее внешнее влияние: региональная перспектива», который ориентирован на определение роли природных ресурсов в формировании интересов региональных элит в Российской Федерации, в частности, в Республике Саха (Якутия), и как эти интересы формируют региональную и федеральную политику в энергетическом секторе. В 2009 г. проведено полевое исследование, итоги которого будут представлены в виде ключевого доклада на международной конференции «Роль России в энергетическом секторе Евразии» в октябре 2010 г. в Хельсинки.

В целом, экспедиционная работа показала результативность творческого сотрудничества научных учреждений разных стран в рамках совместных проектов и оправдала целесообразность подобных предприятий.

Научные сотрудники института также активно взаимодействуют с Университетом Арктики, принимая участие в работе тематических сетей Университета Арктики «Местное и региональное развитие», «Образ мира в сознании коренных народов» и др.

Международное сотрудничество предполагает академический обмен в рамках реализации конкретных проектов. На этом основании сотрудники института имеют возможность выезжать в заграничные командировки для чтения лекций, прохождения стажировок, участия в работе различных научных форумов, а также принимать у себя своих зарубежных партнеров. Так, в августе — сентябре 2008 г. и в феврале — марте 2009 г. в Институте эволюционной антропологии им. Макса Планка (Германия) прошли стажировку научные сотрудники сектора эвенской филологии И.И.Садовникова, Р.П.Кузьмина.

В сентябре 2009 г. директор ИГИИПМНС СО РАН, д.и.н., профессор Н.А.Алексеев посетил Центр исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку (Япония). Результатом поездки стало подписание соглашения об академическом обмене между ИГИИПМНС СО РАН и

Центром исследований Северо-Восточной Азии, в рамках которого заведующая сектором арктических исследований, д.и.н. С.И.Боякова с 1 апреля по 16 июля 2010 г. работала там в качестве приглашенного профессора.

В сентябре—декабре 2009 г. ИГИиПМНС СО РАН, в свою очередь, принимал профессора Центра языка и коммуникации Амстердамского университета Сесилию Оде и докторанта Марка Шмальца в рамках проекта «Голоса тундры и тайги: описание тундренного юкагирского языка». Они провели экспедиционные работы (фольклорно-лингвистическая экспедиция) в Нижнеколымском улусе РС(Я).

ИГИиПМНС СО РАН регулярно выступает организатором и соорганизатором различных международных мероприятий, в том числе:

- Международной научной конференции «Польша в истории и культуре народов Сиби-

ри», посвященной 150-летию со дня рождения Э.К.Пекарского и В.Л.Серошевского, ноябрь 2008 года, г. Якутск (совместно с Правительством Республики Саха (Якутия), Академией наук Республики Саха (Якутия), польским национально-культурным объединением «Полония»).

- Международного семинара «Снежный покров: Аотеароа», Таранаки, Новая Зеландия, декабрь 2008 г.;

- Международной научной конференции «Россия и Германия: исторический опыт научного сотрудничества в Сибири и на Дальнем Востоке» (к 300-летию Г.В. Стеллера), Якутск, август 2009 г.

- Международной научно-практической конференции «Родные языки коренных малочисленных народов Российской Федерации в системе российского образования», Якутск, 8–11 сентября 2009 г.

Е.Н.Романова

**Всероссийская научно-практическая конференция
«Календарная культура народов Сибири:
стратегии этнического развития».
(17–20 июня 2009 г., г. Якутск)**

Исследования традиционного календаря в разных культурных традициях сегодня охватывают широкое междисциплинарное пространство; выступая важным сегментом духовной культуры, календарь привлекает все большее внимание специалистов разных областей научного знания. При этом, как совершенно справедливо отмечает исследователь славянского народного календаря А.А.Агапкина, ощущается «известная разобщенность между представителями отдельных гуманитарных дисциплин (прежде всего — фольклористами, этнолингвистами и этнографами). Стремление (осознанное или неосознанное, теоретическое или практическое) к изучению сугубо «своего» материала (будь то фольклорный текст, обряд или календарная терминология) неизбежно приводило к искажению общей картины бы-

тования славянского календаря и природы самого явления традиционной культуры, к расщеплению целостной системы духовной культуры на составляющие, формально принадлежащие разным дисциплинам»¹.

В этой связи представляется, что проведение и обсуждение совместных форумов, посвященных календарной культуре как живой развивающейся этнической традиции в контексте междисциплинарного дискурса, является одним из продуктивных подходов в комплексном изучении и анализе этого сложного феномена.

Идея объединить теоретиков и практиков, занимающихся проблемами традиционной календарной культуры, обсуждалась давно и, наконец, по инициативе ИГИиПМНС СО РАН была реализована. В июне 2009 г. в Якутске состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Календарная культура народов Сибири: стратегии этнического развития».

Изучение календарно-праздничной традиции народов Сибири является и своеобразным откликом, продолжением серии коллективных исследований Института этнологии и антропологии РАН календарных обычаев и обрядов народов Европы и Азии, не имеющих аналогов сегодня в мировой науке. Более того, системные исследования народного календаря в широком этнокультурном контексте, в его типологических и ареальных связях с календарными традициями других регионов на примере славянской духовной культуры, проводимые Институтом славяноведения РАН, стали ориентиром при разработке новых научных концепций и актуальных исследовательских позиций по отношению к сибирскому материалу. Методологическая многомерность исследований и широкий спектр различных тем определили основные составляющие предметного поля конференции: астроархеология, календарь в истории, мифологии, фольклоре и искусстве, календарные знания и экологическая культура, календарь и культура жизнеобеспечения, традиционное мировоззрение и календарная обрядность и т.д.

Изучение, сохранение и развитие календарно-праздничной культуры народов Сибири в контексте трансформационных процессов, происходящих в современном обществе, стало центральной темой обсуждения.

Соорганизаторами настоящего мероприятия выступили Академия наук Республики Саха (Якутия), Арктический государственный институт искусств и культуры, Министерство науки и образования РС(Я), Министерство культуры и духовного развития РС(Я), Агентство реализации креативных технологий и инноваций культуры Арктики.

В работе конференции приняли участие известные ученые и исследователи Института этнологии и антропологии РАН, Института мировой литературы им. А.М.Горького (Москва), Института археологии и этнографии СО РАН, Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН, Института гуманитарных исследований АН РБ (Уфа), Калмыцкого института гуманитарных исследований, ГНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С.Суразакова», Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург), Якутского государственного университета им. М.К.Аммосова (Якутск), Бурятского государственного университета (Улан-Удэ), ДВГГУ, (г. Хабаровск), Восточно-Сибирской Академии культуры, Университета Гумболь-

дта (Берлин, Германия), университета Кембриджа (Великобритания), Музея народов Севера (Хоккайдо, Япония), а также представители творческой интеллигенции Хакасии, Тувы, Чукотки.

Программа конференции была весьма насыщенной. В ходе работы проведены пленарные заседания, две секции: «Календарная культура: традиционное мировоззрение, празднично-обрядовый комплекс и современные интерпретации» (руководитель — д.и.н. Наталия Львовна Жуковская, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) и «Календарь и время: история и современность» (руководитель — д.и.н. Анатолий Игнатьевич Гоголев (ЯГУ им. М.К.Аммосова, Якутск), а также три круглых стола, модераторами которых выступили д.и.н. Елена Алексеевна Окладникова (Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург), Карина Юрьевна Соловьева, заведующая фотоархивом Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), к.ф.н. Юрий Иванович Смирнов (Институт мировой литературы им. А.М.Горького, Москва).

Одним из важных мероприятий конференции стало открытие I Фестиваля круговых танцев народов Сибири, в котором приняли участие такие творческие коллективы, как «Аар аартык», «Гулун», «Доткэль» «Кундэл», «Молодость Эркээни», «Солинга», «Һэку», «Эрэл». Специально к конференции была приурочена работа научного симпозиума «Круговые танцы народов Сибири» и творческой лаборатории «Локальные традиции круговых танцев народов Якутии» (руководитель — Шейкин Юрий Ильич, доктор искусствоведения (Арктический государственный институт искусств и культуры, Якутск)).

Во время конференции впервые в Республике Саха (Якутия) была организована фотовыставка Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) «Календарь и традиционная культура (на материалах обских угров, тунгусо-маньчжуров, тюрков Северо-Востока и Южной Сибири)» (куратор выставки — К.Ю.Соловьева).

Как известно, Российский этнографический музей обладает одним из крупнейших собраний по фотографии, здесь хранятся фотоматериалы и негативы, охватывающие период с середины 50-х гг. XIX в. до настоящего времени. Фонд насчитывает более 200 тысяч единиц хранения; разнообразный по содержанию и техникам фотографический материал имеет огромную научную и историческую ценность.

Экспонирование сибирских фотоколлекций в ИГИиПМНС СО РАН не случайно: институт

На открытии выставки завфотоархивом РЭМ
К.Ю.Соловьева

уже многие годы плодотворно сотрудничает с Российским этнографическим музеем. Уже стало доброй традицией проведение в рамках торжественных мероприятий, посвященных вхождению Якутии в состав Российского государства, совместных юбилейных выставок в Санкт-Петербурге: «Мир якутского праздника (календарь, традиции, искусство)» в 2002 г. и «Мир земли олонхо: лики культур» в 2007 г. (координатор – Е.Н. Романова). В этом контексте фотовыставка «Календарь и традиционная культура (на материалах обских угров, тунгусоманьчжуров, тюрков Северо-Востока и Южной Сибири)», подготовленная фотоархивом музея, является научно-просветительским проектом, демонстрирующим культурное наследие сибирских этносов в проекции визуальной антропологии, продолжает творческое сотрудничество со старейшим академическим учреждением.

На выставке были представлены уникальные фотографии, отражающие традиционные календарные обычаи, представления и праздничный

мир коренных народов Сибири (ханты, манси, якуты, эвенки, эвены, нивхи, и др.). Материалы фотовыставки стали предметом обсуждения и дискуссии на тему: «Календарная культура. Музейные коллекции. Живые традиции. XXI век».

Отдельно хотелось бы выделить, концептуальный проект Национального архива РС(Я) «Календарь и история: национальные праздники в советское время», подготовленный на архивных источниках (постановления, отчеты, докладные записки, телеграммы и др.) и фотодокументах, ярко иллюстрирующих праздничный нарратив советского человека.

Музей истории академической науки Якутии им. Г.П.Башарина ИГИиПМНС СО РАН и Архив Якутского научного центра СО РАН подготовили совместную выставку «Культурное наследие народов Якутии: феномен календаря (академические исследования)», а Национальная библиотека РС(Я) – книжную выставку «Календарная культура народов мира».

Современные тенденции сохранения и развития этнокультурного наследия как живой традиции формируют новую модель культурного ресурса. В этом плане участие гостей конференции в календарных празднествах Ысыах, посвященных якутскому героическому эпосу (олонхо), в Хангаласском и Усть-Алданском улусах дало возможность окунуться в традиционный мир якутского Праздника, ощутить себя непосредственными участниками рождающегося на глазах театра Олонхо.

Остановившись на рекомендациях конференции, участники отметили, что традиционный хозяйственный календарь народов Севера и Сибири сегодня отражает повседневную жизнь этнических сообществ и в первую очередь связан с социально-экономическим развитием региона. Исходя из этого, необходимо изучать многовековой народный опыт по сохранению традиционной культуры в современных условиях. Результаты исследований показывают, что календарные праздники и обычаи, сохраняя свою этническую специфику, выступают важным этноконсолидирующим фактором, так как несут огромное оптимистическое начало. Именно народные календарные праздники являются одним из важных механизмов адаптации к условиям жизненной среды, при этом психологическая функция праздника актуализируется, как правило, в кризисных ситуациях.

Завершая дискуссию о перспективах развития календарно-праздничной культуры в современных условиях, участники конференции

пришли к единому мнению о взаимодействии и целенаправленном стратегическом партнерстве научного сообщества, образовательных, культурных учреждений и органов власти.

В целом, подводя итоги, нельзя не отметить высокий теоретический уровень и глубину проблем, рассмотренных в докладах и выступле-

ниях. Конференция придала новый импульс календарным исследованиям.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Агапкина А.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весеннее-летний цикл. — М.; Индрик. 2002. — С. 15.

Р.В.Шелехова, Е.Е.Оконешников

Выставка «Культурное наследие народов Якутии: феномен календаря (академические исследования)»

Выставка проведена в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Календарная культура народов Сибири: стратегии этнического развития», она проходила 17–20 июня 2009 г. в г. Якутске, в здании ИГИиПМНС.

Организаторы выставки музей истории академической науки Якутии им. Г.П.Башарина, Архив ЯНЦ СО РАН, Ытык-Кельский литературно-художественный музей-заповедник «Татта».

На выставке, открывшейся в первом зале музея, были представлены сохранившиеся календари XIX — нач. XX в., архивные документы, фотостенды, книжный стенд с работами исследователей.

Всего экспонировалось 3 календаря. Ытык-Кельский литературно-художественный музей-заповедник «Татта» (директор В.Д.Таппыров) привез на выставку лунно-солнечный календарь конца XIX в. годового цикла (рис. 1).

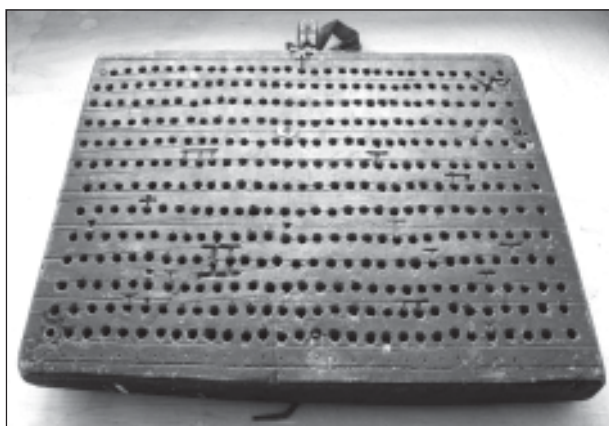

Рис. 1

Календарь деревянный, натурального цвета, четырехугольный. Расположенные по горизонтали отверстия обозначают 30 дней каждого месяца. Праздничные дни и сезоны рабочих периодов отмечены специальными знаками. Через два года отмечался тринадцатый месяц. Поэтому горизонталей с отверстиями не двенадцать, а тринадцать.

Календарь из домашней коллекции работника нашего музея Р.П.Ивановой. Деревянный, ручной работы, сувенирный. Календарь круглой формы годового цикла с изображением римскими цифрами 31 дня. Под каждой цифрой круглое отверстие для двигающейся палочки, отмечающей дни. По диагонали в середине календаря 12 отверстий для двигающихся палочек, обозначающие месяцы. На календаре отмечены и 7 дней недели.

Сам календарь стоит как бы на двух рогах быка. У быка поводок из конского волоса с палочками для обозначения календарных символов.

Календарь-численник месячный 1942 г., из Архива ЯНЦ СО РАН (рис. 2). Деревянный, натурального цвета, круглой формы с деревянным крестиком наверху. Внутренняя окружность календаря имеет 7 отверстий, обозначающих дни недели, наружная — 31 отверстие, соответствующее дням месяца.

Кроме того, на выставке экспонировались следующие предметы:

— Якутский нож из коллекции школьного учителя-краеведа Немюгинской средней общеобразовательной школы П.Р.Ноговицына, найденный в местности Кулаты Хангаласского улуса

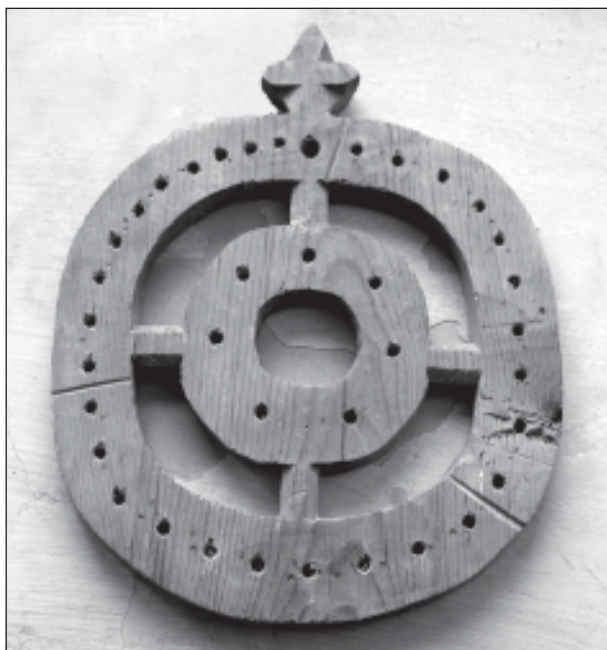

Рис. 2

(рис. 3). Нож без ручки, на металле насечки, вероятно, связанные с исчислением лунного календаря и женского цикла.

Рис. 3

— Наконечник копья эпохи раннего железа из коллекции краеведа В.Г.Попова, найденный в 1988 г. в местности Кулаты Хангаласского улуса. Имеет насечки, вероятно, связанные с военно-календарными обрядами.

— Документы на якутском языке из фонда № 5 «Институт языка, литературы и истории ЯФ АН СССР» — фольклорные записи И.В.Попова 1928–1930 гг. о народных приметах, связанных с погодными явлениями, народной медицине и др.¹.

— Фольклорные записи П.Н.Дмитриева 1939 г. о предсказаниях погоды².

— Образцы деревянных численников «сибээски» (XVIII–XIX вв.), календарей-численников XIX в. и первых десятилетий XX в.³ (рис. 4) из отчета М.М.Носова «Образцы материальной культуры якутов. Т. IV. Предметы якутского житейского быта» (1952 г.).

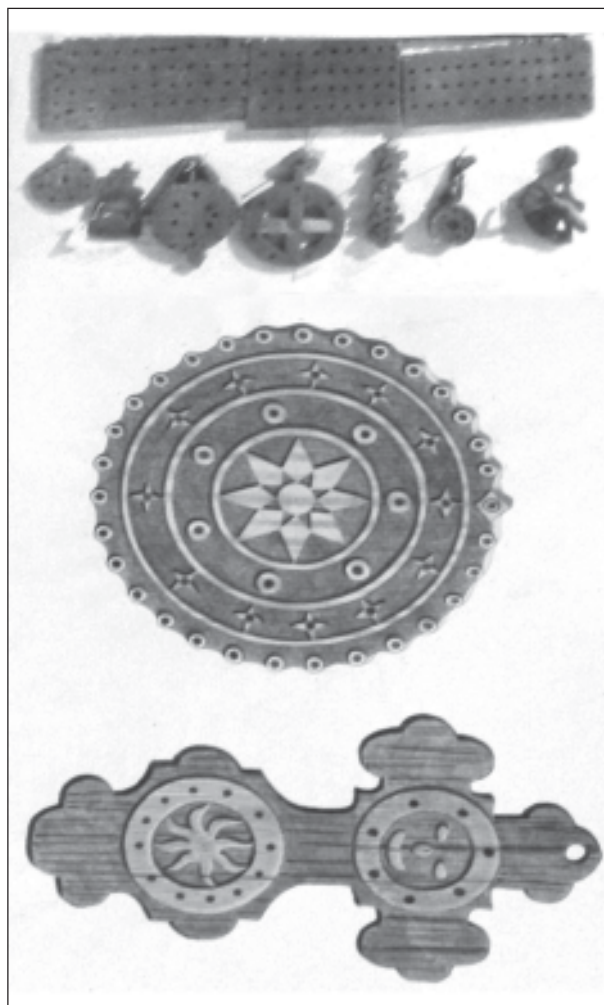

Рис. 4

— Фольклорные записи А.А.Саввина 1936–1938 гг. о названиях дней месяца календаря⁴ (рис. 5) из архивного фонда № 4 «Личные фонды деятелей литературы и культуры Якутии».

Украсили выставку пять фотостендов, на которых были помещены 23 фотографии ученых-этнографов, историков, фольклористов и редкие этнографические фотографии из коллекции музея истории академической науки Якутии им. Г.П.Башарина: «Стогование (конец XIX в.)», «Летняя невошьба» (конец XIX в.), фотографии из альбома «Виды Якутской области» (конец XIX в.), «Долганки в национальных костюмах» (1980-е гг.); месячный и недельный календари и др.

На выставке представлены академические труды исследователей, работавших и работающих в нашем институте: этнографов, историков, фольклористов.

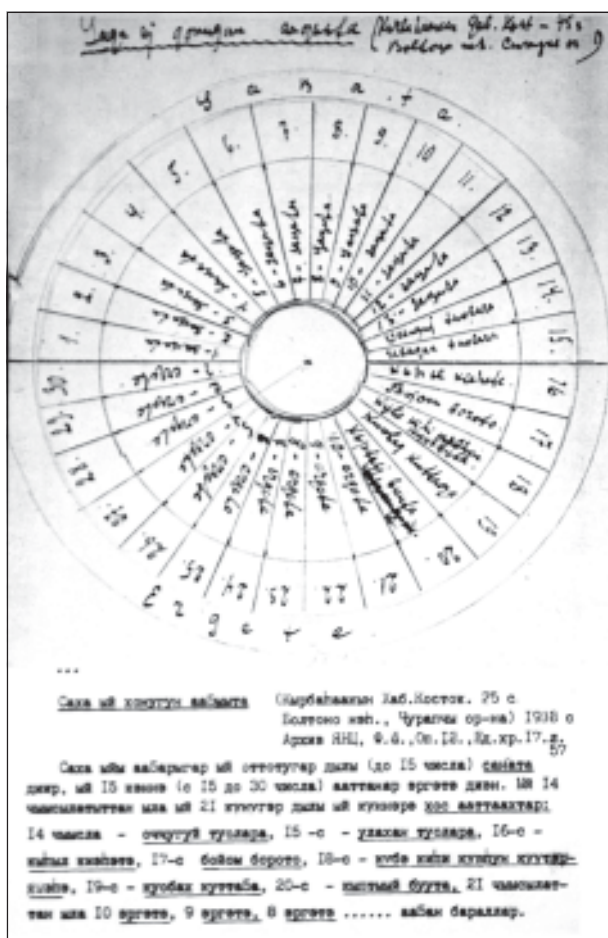

Рис. 5

Выставка трудов начинается с работ известных этнографов Г.В.Ксенофонтова, С.И.Боло, И.С.Гурвича, С.И.Николаева, Н.А.Алексеева, Ф.М.Зыкова, Е.Н.Романовой, П.А.Слепцова.

Представлены также монографические исследования историков, фольклористов, среди них работы Г.П.Башарина, Ф.Г.Сафронова, З.В.Гоголева, А.Л.Дьяконова, А.П.Окладникова, М.М.Носова, М.Я.Жорницкой, А.Г.Лукиной, С.П.Ойунской, Р.С.Гавриловой, В.В.Илларионова, П.П.Петрова.

На выставке экспонировались труды сотрудников бывшего Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН (создан в июне 1991 г.) В.Х.Иванова, Г.Г.Алексеевой, С.А.Алексеевой, Л.Н.Жуковой, А.И.Саввина, А.Г.Чикачева, Е.К.Алексеевой, А.А.Алексеева, Г.И.Варламовой.

Всего было представлено 62 монографии. Выставка академических исследований привлекла внимание посетителей.

Дочь академика А.П.Окладникова Елена Алексеевна, доктор исторических наук, профессор РГПУ им. А.И.Герцена, внимательно просмотрела работы отца и взяла на заметку книгу «Далекое прошлое Якутии» (Якутск, 1945), ставшую библиографической редкостью.

В книге отзывов она записала следующее: «Посещение Вашего Музея было для меня великой честью и, пожалуй, одним из наиболее сильных духовных переживаний за последние 30 лет... Успехов Вам! С глубокой признательностью, Елена Окладникова. 18.06.09».

ИСТОЧНИКИ

- ¹ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 523. Л. 44.
- ² Там же. Оп. 9. Д. 298. Л. 4.
- ³ Там же. Оп. 9. Д. 29. Л. 13, 40.
- ⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 17. Л. 57.

В.Д.Яковлева

Круглый стол «Литературная критика: современное состояние и перспективы развития»

Одним из видов литературного творчества является литературная критика. Как известно, ее интересует относительно единовременное, «сегодняшнее» состояние литературы; для неё характерна также интерпретация литературы прошлого

го в свете нового мышления, как общественно-го, так и художественного. Литературная критика современного литературного процесса Якутии на данный момент переживает так называемый кризисный период. Поэтому назрела необходимость обобщить, осмыслить по-новому проблемы современной литературной критики, опреде-

лить перспективы ее развития. 25 февраля 2010 г. сектором литературоведения ИГиПМНС СО РАН, Союзом писателей Якутии и кафедрой якутской литературы ФЯФК ЯГУ был проведен круглый стол «Литературная критика: современное состояние и перспективы развития», приуроченный к 80-летию со дня рождения известного литературоведа и литературного критика, кандидата филологических наук, лауреата Государственной премии им. П.А.Ойунского Ивана Григорьевича Спиридонова.

На круглом столе были заслушаны доклады, касающиеся истории якутской литературной критики и литературоведения, их современного состояния, места и роли в их развитии И.Г.Спиридонова. С основными докладами выступили Д.Е.Васильева «И.Г.Спиридонов — литературовед, литературный критик, общественный деятель», Н.И.Харлампьева «Роль председателей правления Союза писателей Якутии в развитии литературной критики», П.В.Сивцева «Литературоведческая и литературно-критическая деятельность И.Г.Спиридонова», В.Н.Протодяков «Литературная критика вчера и сегодня».

В качестве постановки проблемы был обсужден круг вопросов о состоянии и перспективах якутской литературной критики с современных литературоведческих позиций. Были поставлены наиболее острые проблемы, касающиеся нынешнего состояния, кризисной ситуации в области критической мысли и так называемого «застойного» периода в развитии якутской литературы; обсуждены основные причины возникновения этих проблем и пути их решения. Все эти явления, по мнению исследователей, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Принадлежность критики к литературоведению как к науке не является общепризнанной. Проблему разграничения понятий литературоведение и литературная критика с теоретико-методологических позиций осветила Л.Н.Романова в докладе «Литературовед и литературный критик: сферы деятельности. Границы и точки соприкосновения». Были определены и разграничены основные функции литературной критики и науки о литературе, их задачи, методы и приемы. Докладчик осмысливает вопрос, существует ли в настоящее время активное сотрудничество литературной критики с современной якутской литературой, осталась ли она неизменной составляющей полнокровного литературного процесса? Выход из кризисной ситуации автор видит в воспитании и обучении специалистов из числа та-

лантливых студентов, в повышении их квалификации в соответствующих литературных институтах. Проблемы подготовки специалистов «литературовед и литературный критик» осветила Л.П.Григорьева в докладе «Проблемы подготовки литературных работников в университете: состояние и перспективы», в котором намечаются основные причины нехватки кадров и пути ее устранения.

В дальнейших выступлениях были охвачены наиболее проблемные стороны сегодняшнего литературного процесса Якутии и осмыслены пути их критического рассмотрения. Так, о прозаизации стиха в современной якутской поэзии как своеобразном процессе размывания жанровых границ стиха и прозы, о качестве современных стихов, приобретающих в последнее время формальную размытость, неопределенность, выступила М.Н.Дьячкова (доклад «Стих или проза: пределы допустимости»). Жанровое своеобразие современного якутского романа, специфика написания романного текста, включающая в себя такие понятия, как личность писателя, среда, ситуация, конфликт, проблематика и т.д., новые аспекты в трактовке романного текста, его видение в современной якутской критике — все это освещено в докладе С.Е.Ноевой «Современная проза: кризис жанра или поиск новых ориентиров?». В выступлении М.А.Кириллиной «Быть или не быть современной драме?» затронуты актуальные проблемы якутской драмы в свете современных литературоведческих взглядов: специфика драматургического конфликта и характера, трансформация и модификация драматических жанров (монологизация драматического текста, эпизация драмы как рода, усиление авторского голоса), появление пьес для чтения как особенность современного драматургического процесса. Об острой необходимости критического рассмотрения имеющейся переводной художественной литературы и в целом о кризисной ситуации в переводческой традиции современного литературного процесса Якутии выступила В.Д.Яковлева (доклад «Нужен ли в XXI веке художественный перевод?»). В нем были намечены причины и пути решения данной проблемы, а именно возобновление традиций художественного перевода, который имеет особое значение для развития и обогащения художественного мастерства отдельной творческой личности, так как является одним из основных методов освоения традиций иноязычной литературы. Кроме того, речь шла о разработке теоретических

концепций, методологии изучения перевода не только якутской, но и близкородственных литератур (алтайская, тувинская, хакасская и др.), о создании школы переводчиков, а также критиков художественного перевода.

Русское творчество национальных авторов как феномен литературного пограничья было раскрыто в выступлении Бурцевой Ж.В. («Литературное пограничье как явление современного мира»), в котором говорится о проблеме определения этноязыкового статуса русскоязычной поэзии Якутии, о выявлении первенства и соотношения литературных традиций и голосов. Докладчик выдвигает основные спорные вопросы, заключающиеся не только в определении художественных особенностей литературы пограничья, но и ее статуса по отношению к литературе «метрополии» и «мейнстрима».

Таким образом, вопрос о литературной критике поставлен, выявлены состояние и перспективы. Современная якутская литература на данный момент переживает так называемый период застоя, поэтому настало время возобновить ее активное сотрудничество с литературной критикой, которая также находится в кризисной ситуации. Перед литературной критикой как неизменной составляющей полноценного литературного процесса в перспективе стоит выполнение следующих сложных задач: независимого критического обзора современной литературы в соответствии с новыми требованиями, как общественными, так и художественными, и «контроля» над ее нравственными и эстетическими координатами. Это работа не одного дня, не одного специалиста, не одного круглого стола или семинара, и нужно уже сегодня искать пути решения данной проблемы.

Сведения об авторах

Алексеев Николай Алексеевич — докт. ист. наук, проф., директор ИГИиПМНС СО РАН.

Боякова Сардана Ильинична — докт. ист. наук, завсектором арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН.

Варламов Александр Николаевич — канд. филол. наук, н.с. сектора эвенкийской филологии ИГИиПМНС СО РАН.

Винокурова Лия Иннокентьевна — канд. ист. наук, в.н.с. сектора арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН.

Готовцева Лина Митрофановна — канд. филол. наук, с.н.с. сектора лексикологии и лексикографии ИГИиПМНС СО РАН.

Данилова Надежда Ивановна — докт. филол. наук, завсектором грамматики и диалектологии ИГИиПМНС СО РАН.

Дашиева Надежда Базаржаповна — докт. ист. наук, проф. Восточно-Сибирской государственной академии искусства и культуры, г. Улан-Удэ.

Ефремов Николай Николаевич — докт. филол. наук, гл.н.с. сектора якутской грамматики и диалектологии ИГИиПМНС СО РАН.

Жукова Людмила Николаевна — канд. ист. наук, с.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГИиПМНС СО РАН.

Иванова Нина Иннокентьевна — канд. филол. наук, с.н.с. сектора грамматики и диалектологии ИГИиПМНС СО РАН.

Игнатьева Ванда Борисовна — канд. ист. наук, завсектором этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН.

Киндикова Нина Михайловна — докт. филол. наук, проф. Горно-Алтайского государственного университета.

Ларионова Анна Семеновна — докт. искусствовед, в.н.с. сектора якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН.

Матчитов Иннокентий Гаврилович — ведущий переводчик ЦНТИ ИГИиПМНС СО РАН.

Монастырев Владимир Дмитриевич — канд. филол. наук, завсектором лексикографии ИГИиПМНС СО РАН.

Оконешников Егор Егорович — н.с. музея академической науки Якутии им. Г.П.Башарина ИГИиПМНС СО РАН.

Попова Алена Георгиевна — н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН.

Прокопьева Светлана Митрофановна — докт. филол. наук, проф. ФИЯ СВФУ.

Роббек Василий Афанасьевич — докт. филол. наук; завсектором эвенской филологии ИГИиПМНС СО РАН.

Романова Екатерина Назаровна — докт. ист. наук, завсектором этнографии ИГИиПМНС СО РАН.

Романова Лидия Николаевна — канд. филол. наук, завсектором литературоведения ИГИиПМНС СО РАН.

Саввинов Анатолий Иванович — канд. ист. наук, с.н.с. сектора этнографии ИГИиПМНС СО РАН.

Тобуков Павел Захарович — канд. филос. наук, с.н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН, доцент ЯГУ.

Филиппова Виктория Викторовна — канд. ист. наук, с.н.с. сектора арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН.

Хазанкович Юлия Геннадьевна — докт. филол. наук, доцент ФЛФ СВФУ.

Шелехова Роза Васильевна — канд. ист. наук, с.н.с. музея истории академической науки Якутии им. Г.П.Башарина ИГИиПМНС СО РАН.

Яковлева Виктория Дмитриевна — канд. филол. наук, н.с. сектора литературоведения ИГИиПМНС СО РАН.

Правила оформления рукописей

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А 4 через 1,5 интервала (шрифт Times Sakha или Times New Roman, размер — 14) с полями: снизу, сверху и слева — не менее 2 см, справа — не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 10—12 страниц, краткие сообщения — 3—6, хроника — 1—2 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Принимаются к печати статьи, содержащие не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения, а также статьи методического и хроникального характера, рецензии и др. в печатном и электронном виде. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Могут быть приняты к рассмотрению статьи, опубликованные ранее в виде материалов научной конференции (обычно в форме тезисов).

Аннотация статьи на английском и русском языках (2 экземпляра). В конце аннотации — ключевые слова (не менее 10). Аннотация (Annotation) не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. Материалы в разделы «Хроника» и «Рецензии» предоставляются без аннотаций. В заголовке «Annotation» сначала дается слово «Annotation», затем инициалы и фамилия(и) автора(ов), название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подписуемые подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в виде верхней сноски (то же в списке).

Авторы после текста обязаны указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на дискете, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Дать файлу понятное название, указать на наклейке дискеты формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи обязательно указать УДК.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 412. Тел. 35-43-40.

Электронный адрес редакции: igi@ysn.ru

Адрес редакции:
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1.
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
каб. 412 (тел. 35-43-40). Электронный адрес редакции: igi@ysn.ru

Подписано в печать 13.08.2010. Формат 60х84 1/8. Печать офсетная.
Усл. п.л. 14,88. Уч.-изд. л. 15,6. Тираж 300. Заказ 11.

Отпечатано в ЦНТИ ИГиПМНС с электронного макета
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35-68-69.
